

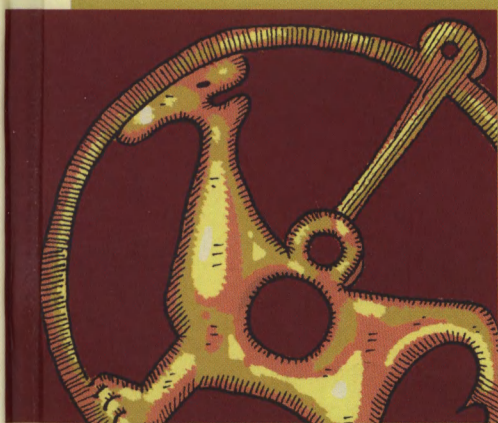
история / география / этнография

Хазары

Олег Ивик
Владимир Ключников

Хазары

Олег Ивик
Владимир Ключников

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

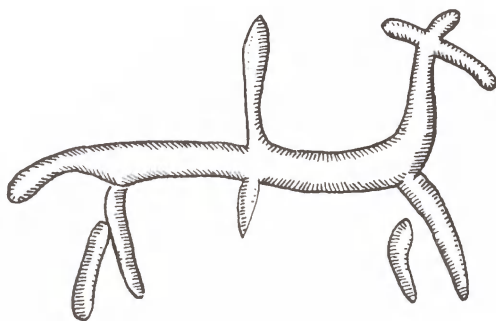

Олег Ивик
Владимир Ключников

Хазары

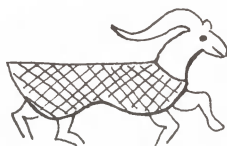

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2013

УДК 94(4)“500/1100”
ББК 63.3(0)4
И25

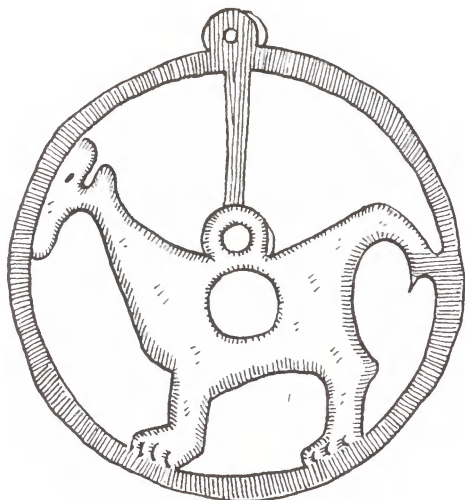
*Святыя Выя
Вітаўнас і Калі*

Иллюстрации И. Тибиловой

ISBN 978-5-91678-148-9

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2013

О загадочности хазар

Время от времени хазары входят в моду; точнее, входит в моду то расхожее представление, которое имеется о них у широкой публики. Представление это, как правило, имеет очень скромное отношение к реальным хазарам хотя бы потому, что об этом загадочном народе мало что известно даже специалистам, причем мнения разных ученых порою полностью противостоят друг другу. На сегодняшний день нет согласия даже в том, кто же такие хазары, кого называть этим словом.

В отличие от самих хазар, с Хазарским каганатом — огромным государством, простиравшимся от Волги до Днепра, от Каспия до Черного моря, — многое более или менее понятно. Здесь, кроме хазар, обитало множество разных народов: болгары, аланы, огузы, савиры... — в истории

любого из них найдутся белые пятна, тем не менее ученые в основном представляют, кто они такие, откуда пришли, как жили, какова их дальнейшая судьба. Они оставили археологам немало свидетельств своего существования, и, найдя в раскопе осколки посуды времен каганата, мы можем достаточно уверенно сказать: этот горшок сделан представителями салтово-маяцкой культуры (то есть оседлыми аланами или болгарями), этот — кочевниками-печенегами, эта амфора привезена из византийского Крыма...

Черепки глиняной посуды — один из основных «маркеров» этнической принадлежности и эпохи. Мода на керамику быстро менялась, как правило, у каждого народа в каждой местности были свои традиции, и черепки порою позволяют археологам довольно точно сказать, когда была выпущена посуда, где и кем. Но черепков, которые можно было бы назвать собственно «хазарскими», нет. Они попросту не известны как явление, так как хазары, очевидно, использовали посуду алано-болгарских форм и орнаментов. А грубые лепные горшки из курганных погребений, которые, как считается, оставили хазары, имеют мало отличительных особенностей, подобные сосуды археологи также находят во многих районах каганата, населенных разными народами. Принадлежность таких горшков определяется лишь тем фактом, что они найдены в хазарских курганах.

Впрочем, заведомо «хазарских» погребений ученые тоже знают очень мало. Лишь в недолгий период со второй половины VII по начало IX века появлялись на территории каганата курганы «с квадратными ровиками», которые, как считается, принадлежали хазарам. Но Хазарский каганат просуществовал около трех веков, и резонно думать, что все эти годы хазары в нем жили, умирали и хоронили своих покойников. Тем не менее могилы их, кроме упомянутых выше курганов, до сих пор не найдены (вернее, не идентифицированы).

Не найдены и хазарские поселения — точнее, поселений в государстве было немало, но жил в них кто угодно, кроме самих хазар. А если еще точнее, то хазары, может быть, в некоторых из них и жили, но мы не имеем об этом почти никакой информации, поскольку не можем опознать их ни по черепкам, ни по утвари, ни по погребениям. Кстати,

вопрос о том, жили ли хазары в поселениях или были только кочевниками, тоже до конца не решен.

Несколько больше известно о хазарских крепостях. Но и здесь стояли гарнизоны, набранные в том числе из подвластного хазарам населения, и наемники, принадлежавшие к самым разным национальностям. В VIII веке столицей каганата стал город Итиль на Волге — надо думать, что уж там-то хазар было немало. Но Итиль до сих пор не найден или, во всяком случае, не изучен. Археологи с некоторой степенью уверенности соотносят с ним городище Самосделка в дельте Волги, но, даже если это действительно была столица каганата, слой хазарского времени здесь еще почти не раскопан.

Очень немного известно о хазарах и по письменным источникам. Одним из самых острых, самых дискуссионных, но и самых малоизученных до сих пор является вопрос об их иудаизации. Некоторые документы сообщают, что хазары в зените своей истории приняли иудаизм. Но при этом совершенно непонятно, кто именно его принял: правящая верхушка или же широкие массы простых хазар. Если бы археологи нашли дома или погребения хазар, имеющие хоть какую-то иудейскую символику, вопрос бы частично прояснился. Но ни жилищ, ни погребений этого периода, которые можно было бы с уверенностью назвать хазарскими, не найдено.

Вообще поселения и погребения эпохи каганата, какому бы народу они ни принадлежали, иудейской символикой, мягко говоря, не изобилуют. Поэтому и вопрос об иудаизме в Хазарии до сих пор не решен. Точнее, его, как и ряд других связанных с хазарами вопросов, каждый решает по-своему, при этом некоторые авторы во главу угла ставят не столько факты (которых почти нет), сколько свое отношение к иудаизму. Видеть Хазарию иудейской хочется очень многим, но если евреи с гордостью сообщают, что первое возникшее на территории нынешней России государство существовало под эгидой иудаизма, то «славянофилы» поддерживают эту версию с не меньшим пылом, но под другим углом (мол, уже тогда евреи притесняли нас на наших же землях). Но справедливости ради надо сказать, что большая часть этих земель славянам, по крайней мере до падения каганата, никогда не

принадлежала, а степень иудаизации Хазарии — вопрос весьма спорный.

Если о хазарах времен расцвета их государственности известно столь немного, то другие периоды их существования и вовсе покрыты мраком. Не известно, откуда они появились на берегах Каспия, с которых начали свое победоносное шествие по Восточной Европе, и не известно, куда они исчезли после распада своего государства, — версий на этот счет существует много, но ни одна не является бесспорной.

Об авторах этой книги и о самой книге

В силу этих причин хазары стали народом не только загадочным, но и весьма популярным. Если изучение, например, меотов или тавров остается прерогативой узких специалистов, то о хазарах хочется поговорить очень многим (что они часто и делают, в том числе в околонуучной и художественной литературе). Авторы настоящей книги не избегли общей участи, но у них есть некоторое оправдание: написать о хазарах они решили, не столько поддавшись веяниям моды, сколько потому, что они в течение нескольких лет участвовали в археологических раскопках городища Золотые Горки, входившего в Хазарский каганат, и курганов — тех самых «с квадратными ровиками», которые единственно и признаются собственно хазарскими.

Один из авторов, археолог Владимир Ключников, сделал хазароведение своей основной научной специализацией. Ему случалось копать курганы самых разных времен и народов, но хазары покорили его сердце, и теперь он занимается почти исключительно ими.

У второго автора, Олега Ивика, более сложная судьба, хотя бы потому, что под этим псевдонимом вместе работают два человека, Ольга Колобова и Валерий Иванов. Олег Ивик написал несколько научно-популярных книг, связанных так или иначе с историей и этнографией. Среди них были книги о загробном мире в представлении разных народов и о человеческих жертвоприношениях, об истории древней кулинарии и об истории сексуальных запретов, книги об амазонках и о мифических животных... Но летом Олег Ивик отвлеклся

от литературной работы, в полном составе выезжал «в поле» и там участвовал в хазарских раскопках Владимира Ключникова — ведь на раскопе нужны не только специалисты, но и люди, которые готовы под палящим солнцем перекидывать лопатой тонны земли и чистить щеточкой скелеты в тесных могилах... Зимой, когда археологи писали научные статьи, Олег Ивик занимался их корректурой. При этом он (они) волей-неволей начал что-то понимать в археологии и достаточно тесно познакомился с историей хазар.

И однажды, когда Владимир Ключников стал печалиться о том, что народ в России почти ничего не знает о хазарах, а Олег Ивик — о том, что не знает, чему бы посвятить очередную книгу, вопрос был решен ко всеобщему удовлетворению. Будущие авторы заключили тройственный союз, в результате которого появились «Хазары».

Книга эта рассчитана на самый широкий круг читателей, поэтому очень многие специальные вопросы в ней изложены упрощенно. Для большинства из них авторы выбрали наиболее признанную среди хазароведов точку зрения, не рискуя загружать читателей множеством противоречивых версий. И лишь при раскрытии особо «острых» вопросов, таких, как, например, происхождение хазар или иудаизация Хазарии, авторы постарались рассказать о нескольких основных версиях, бытующих среди ученых. Отметим, что они и здесь ограничились мнениями признанных специалистов, не упоминая разного рода экзотические теории, которыми пестрит околону научная и псевдонаучная литература.

Особо хотелось бы оговорить вопрос об использовании трудов Льва Гумилева. С одной стороны, его книги и статьи, посвященные хазарам, носят очень спорный характер и многие его идеи не признаются современными хазароведами, поэтому пересказывать выдвинутые Гумилевым положения в небольшой обзорной книге нам представляется нерезонным. Тем более что его книги, даже самые специальные, написаны очень интересно, читаются легко и все желающие могут познакомиться с ними самостоятельно, а не в нашем пересказе. С другой стороны, работы Гумилева, в том числе о хазарах, издаются огромными тиражами и хорошо известны всем, кто так или иначе интересуется этой темой, и, если мы попросту

проигнорируем их, многие читатели, которые знакомы с хазарами именно по его книгам (а таких немало), окажутся в недоумении. Поэтому авторы хотели бы высказать свою позицию в предисловии, чтобы далее к этой теме не возвращаться.

Гумилев, бесспорно, был крупнейшим специалистом по древним тюркам Центральной Азии (им посвящена его докторская диссертация¹), однако хазары не входили в сферу его основных научных интересов. Созданная им теория «пассионарности» остроумна и, вероятно, имеет право на существование, но к хазарам и Хазарии она применима не более, чем к любому другому этносу и государству; исповедовать эту теорию или искать иные движущие силы исторического развития — это личное дело каждого человека, интересующегося историей.

Что же касается взглядов Гумилева, например, на роль иудеев в хазарском государстве или его гипотезы о том, что от хазар берут свое начало казаки, — их сомнительность (а точнее, тенденциозность) признана ведущими хазароведами России. Авторы настоящей книги не считают себя вправе выступать с критикой знаменитого профессора, но это уже сделали такие специалисты, как А. А. Тортика, В. К. Михеев², С. А. Плетнева³ и другие. Известные археологи, исследователи хазарской истории В. С. Флёрв и В. Е. Флёрва, прямо пишут, что для книг Гумилева характерны «не только предвзятая позиция», но и «искажение истории», а также «полное игнорирование результатов археологических исследований»⁴. Напомним также, что крупнейший отечественный хазаровед М. И. Артамонов, долгие годы бывший наставником и другом Гумилева, осудил поздние работы своего ученика и в резкой форме отказался от общения с ним⁵. К трудам этих выдающихся ученых (а также к трудам самого Гумилева) мы и отсылаем всех, кто хочет разобраться, прав или не прав был Гумилев в своей трактовке «хазарских» событий.

Авторы настоящей книги широко использовали в своей работе труды средневековых писателей. В то далекое время, когда создавались эти тексты, представление о том, что названия народов и географические названия следует унифицировать, еще не сложилось — каждый писал их на свой лад. В результате при изложении одного и того же события в одних текстах действуют, например, «русы», в других —

«руссы», а в третьих — «росы». Этот разнобой сохранился и в переводах на русский язык. Поэтому и в настоящей книге на одной странице в цитатах из разных авторов один и тот же народ (местность, город) могут называться по-разному. Некоторые варианты написания (например, «алланы» вместо «аланы») режут глаз и воспринимаются как опечатка. Тем не менее, авторы настоящей книги сочли необходимым во всех случаях сохранить правописание оригинала (точнее, того перевода, который они использовали). Хочется верить, что читателя это не запутает. При первом упоминании этнонимов и географических названий, которые дошли до наших дней в разных вариантах, авторы приводят эти варианты в скобках.

О наших «хазарских» раскопках

В заключение авторы хотели бы сказать несколько слов о тех раскопках эпохи каганата, в которых они участвовали. Кому-то из читателей эти воспоминания могут показаться слишком личными — им мы рекомендуем сразу перейти к первой главе, в предисловии ничего особо значимого сказано уже не будет. А для тех, кому интересно узнать если не о самих авторах, то, на их примере, о «кухне» археологов на хазарских объектах, — наши следующие несколько страниц.

В самом центре Ростовской области, неподалеку от берега Северского Донца, протянулась курганная цепь, известная как Нижнедонские Частые Курганы. Здесь в течение нескольких тысячелетий, по крайней мере с эпохи ранней бронзы и до времен Золотой Орды, хоронили своих покойников многочисленные кочевые народы, сменявшие друг друга в степях Северного Причерноморья, в том числе и хазары. Курганов этих около тридцати, самый большой из них имеет около шести метров в высоту, самый маленький (из найденных) был не выше десяти—пятнадцати сантиметров, и археологи обнаружили его лишь потому, что поле стояло под паром и на черной вспаханной земле едва заметно выделялось большое рыжеватое пятно (впрочем, ни самый большой, ни самый маленький курганы не были хазарскими). Многие курганы содержали по нескольку могил разных

эпох — некоторые степные народы, не желая тратить время и силы на возведение собственных курганов, подзахоранивали своих покойников в уже существующие, превращая их в своего рода загробные коммуналки. Но такой традиции не было ни у хазар, ни у тех народов, которые сменили их в донских степях (в основном подзахоронениями увлекались так называемые «срубники», жившие здесь на рубеже второго и первого тысячелетий до н.э.). Поэтому хазарские курганы («курганы с ровиками»), как правило, имеют одну могилу, и лишь изредка под насыпью могут быть похоронены несколько человек, умерших или погибших одновременно.

Международная экспедиция, в состав которой входили археологи-профессионалы, студенты и любители из России, США, Канады, Англии и Франции, работала на Частых Курганах с 2000 по 2006 год. Владимир Ключников был одним из ее руководителей (он ведал прежде всего интернациональной бригадой), а Олег Ивик в полном составе работал в поле под его руководством вместе с зарубежными волонтерами. Исследовать за это время все тридцать (или больше) курганов не удалось, но около двадцати курганов были раскопаны, четыре из них оказались хазарскими.

Это были классические курганы «с квадратными ровиками», опоясывавшими каждый курган правильным квадратом. Конечно, от ровиков за прошедшие двенадцать столетий на поверхности ничего не осталось, но зато их следы прекрасно сохранились в «материке» — так археологи называют тот слой земли, который лежит под черноземом и который в Ростовской области обычно представляет собой рыжую глину. Когда люди копали землю, будь то могила, ров или мусорная яма, они в конце концов доходили до материка и углублялись в него. Рано или поздно яму чем-то засыпали или она сама заполнялась землей — смесью выкинутой наверх глины и чернозема, травы и мусора... Потом надо всем этим нарастал новый слой чернозема, и яма становилась неразличима. Но достаточно археологам снять верхние слои земли и зачистить поверхность материка, как на рыжей глине проступают темные пестрые пятна от всех былых ям, могил и ровов, которыми она была прорезана. Такими темными полосками, явственно видимыми на материке, были опоясаны все четыре хазарских кургана. Полоски эти были не широки, обыч-

но не больше полуметра, а в материк они углублялись и того меньше. Но мы-то видели только самое дно ровиков, которые когда-то были выкопаны с уровня чернозема. Кое-где в них лежали кости животных и черепки. Сегодня уже трудно сказать, как выглядел сам погребальный обряд, но, скорее всего, ровики исполняли роль своего рода ритуальной ограды, границы между миром мертвых и миром живых.

Три хазарских кургана из четырех были почти полностью ограблены еще в древности. Эта судьба, кстати, постигла большинство курганов, которые стоят в степях; нетронутыми остались очень немногие, обычно — благодаря какому-то особому стечению обстоятельств, очень маленькому размеру или мощному каменному панцирю. Хазарские курганы, раскопанные нашей экспедицией в 2001 году, не избежали общей участи. Но кое-что археологи в них все-таки нашли. В одном, среди разворошенных грабителями костей (человеческих и лошадиных) лежали наконечники стрел и золотая серьга. В другом — костяные накладки на лук и узорчатая бронзовая бляха — часть поясной гарнитуры. Пояса, украшенные многочисленными декоративными бляхами и пряжками, серебряными или бронзовыми, вероятно, считались у хазар этого периода неотъемлемой принадлежностью знатного воина — их очень часто находят в могилах с «квадратными ровиками». Конечно, сами пояса за это время сгнили, но гарнитура сохранилась.

В третьем кургане нас ждала достаточно необычная находка: во рту у черепа оказалась крохотная золотая пластинка. Будь покойный древним греком, она не вызвала бы удивления — ее бы истолковали как традиционную плату Харону за перевоз через Ахерон. Но хазары, судя по всему, в свой загробный мир попадали беспошлинно, по крайней мере, авторам настоящей книги известно еще лишь одно хазарское погребение с золотыми изделиями (в том числе разрубленной монетой) во рту⁶. В нашем случае размеры пластины и ее толщина (она напоминает фольгу) не допускают мысли, что покойный с ее помощью собирался обеспечить себе загробный капитал, скорее это было похоже на мелочь, которую держат под рукой на небольшие расходы. Но какие расходы предполагались у покойного хазарского воина, не известно — религия хазар и их загробные представления изучены слабо (эти погребения были совершены до иудаизации).

Самым интересным оказался четвертый хазарский курган, раскопанный в 2004 году студенческим отрядом экспедиции. Авторы настоящей книги лично его не копали, но посещали эти раскопки, и однажды ночью им довелось сторожить вскрытые могилы — в них обнаружили настолько ценные находки, что на раскопе, находящемся в километре от лагеря, установили круглосуточное дежурство (ведь по принятой методике найденные предметы не вынимают из земли до самого последнего момента, когда абсолютно все уже зачищено, нарисовано, измерено и сфотографировано).

Под этим курганом в двух отдельных могилах были похоронены два хазарских воина, — возможно, они одновременно пали в бою. Причину их смерти антропологи установить не смогли, но на костях сохранились многочисленные следы ранений, хотя и не безусловно смертельных, но говорящих о бурном воинском прошлом. Курган этот, естественно, ограбили еще в древности, но грабители не знали о том, что покойных было двое. Они прокопали лаз, наткнулись на одну из могил и разворошили ее, вытащив все, что смогли найти. Следы этого лаза, видные в течение многих веков, спасли курган от нового грабежа — никому не пришлось в голову копать в нем вторично.

Но археологи тем и отличаются от кладоискателей, что их интересуют не столько материальные ценности, сколько информация, а ее в какой-то мере можно получить и от уже разграбленного кургана: бывает, что глиняный черепок приносит науке большую пользу, чем очередное «серийное» золотое украшение.

Наша экспедиция взялась за раскопки этого кургана и была вознаграждена сторицей: когда насыпь сняли до материка, на зачищенной рыжей глине оказались отчетливо видны окруженные общим ровиком два темных пятна — две могилы. Одна из них оказалась непотревоженной.

Впрочем, вскрытие ограбленной могилы тоже принесло прекрасный результат: мародеры побывали здесь хотя и в древности, но через много лет или даже веков после похорон. К этому времени ремень, надетый на покойного, успел полностью сгнить, и серебряная фурнитура рассыпалась. Что именно смогли унести грабители, не известно, но среди груды костей (тело ко времени грабежа успело разло-

житься, и воры разрушили скелет) археологи нашли великолепные серебряные пряжки, накладки, наконечники ремня, украшения поясной сумочки... Кроме того, здесь же лежали костяные накладки на лук.

Во второй могиле оказалось полностью сохранившееся погребение хазарского воина. Он лежал на спине рядом с останками своего коня — конь был традиционным спутником хазарина в загробном мире, но в могилу обычно укладывали лишь голову, передние и задние ноги, покрытые шкурой, и полный комплект конской сбруи: седло, удила и псалии, стремяна, разного рода бляхи и украшения... Все это и обнаружили археологи. Воин был вооружен кистенем, луком и стрелами. Конечно, от самого лука уцелели только костяные накладки, а от стрел — наконечники. От железного ножа и вовсе мало что осталось, но археологи по кусочкам ржавчины, сохранившим некоторое подобие формы, по крайней мере, знают, что он был. Зато великолепно сохранились фурнитура и украшения — и воинские, и конские. В могиле лежали самые разнообразные бляхи, пряжки, накладки из бронзы и серебра, в том числе и традиционный поясной набор. На палец хазарина был надет серебряный перстень со вставкой из камня (или, возможно, стеклянной пасты). В изголовье стоял забитый землей грубый лепной сосуд, когда-то содержавший заупокойную пищу. Современные методы позволяют выяснить, чем была эта земля сотни и даже тысячи лет назад: молоком, кашей, мясным бульоном или маковым настоем, но, к сожалению, такого рода анализы все еще большая редкость, и какую еду взял с собой в последнее путешествие «наш» хазарин, осталось неизвестным.

Скорее всего, в Нижнедонских Частых Курганах есть и другие хазарские погребения, но они еще не раскопаны. По внешнему виду курганов их опознать невозможно, можно только исключить из списка «подозреваемых» самый большой (явно более древний) и курганы с каменными обкладками, которые, скорее всего, оставлены половцами.

Еще одним очень интересным памятником хазарского времени, который довелось исследовать авторам настоящей книги, было городище Золотые Горки на Нижнем Дону, точнее, на Аксае — одной из протоков Дона. Когда-то этот

городок (или, возможно, укрепленное поселение) находился на территории Хазарского каганата, но собственно хазары здесь, скорее всего, не жили, по крайней мере, их следов археологи не нашли (хотя, как мы уже писали, не вполне понятно, какие следы можно интерпретировать как хазарские). Практически вся найденная керамика (кроме импортной, крымско-византийского происхождения) относилась к салтово-маяцкой культуре и, значит, была сделана аланами или болгарами. Кем именно из них — сказать трудно, потому что эти достаточно разные народы образовали в VIII веке единую культуру, в которой их трудно вычленить. Об этой культуре и о жизни этого очень типичного для каганата городка мы поговорим в отдельной главе. А пока что скажем несколько слов о самих раскопках.

Как называлось это поселение в древности, не известно, — оно, а точнее, окрестные холмы, получили свое нынешнее имя от донских казаков за высокую урожайность этих земель. Еще в начале XX века здесь стояли несколько казачьих хуторов, росли сады и виноградники. Но коллективизация уничтожила и хутора, и, вероятно, их хозяев — теперь о былом благосостоянии этих мест напоминают только разрушенные фундаменты и одичавшие фруктовые деревья — яблони и абрикосы, которые здесь называются жердёлы.

Впервые мы приехали на Золотые Горки летом 2002 года. Городище лежало на высокой террасе, нависающей над пойменными лугами; примерно в километре вился Аксай, а еще дальше виднелось русло Дона. Луга вдоль берегов этих рек регулярно заливаются водой, а выше лежит холмистая, изрезанная оврагами степь. Овраги поросли колючим кустарником и невысоким байрачным лесом, пахать тракторами здесь невозможно, поэтому природа сохранилась почти нетронутой, и, если бы не линия электропередачи, можно было бы подумать, что мы живем во времена Хазарского каганата. В огромной балке, в ста метрах от нашего лагеря, водились кабаны, по ночам мы часто слышали волчий вой, а зайцы, лисы, ежи и енотовидные собаки были нашими постоянными соседями.

Несмотря на то что природа вокруг не была изуродована человеком, само городище представляло собой печальное для археолога зрелище. Экспедиция, работавшая здесь

за пару десятков лет до нас, занималась не столько наукой, сколько отдыхом на природе: раскоп, в нарушение всех правил, не был засыпан землей, вокруг в изобилии валялись черепки, в том числе достаточно ценные. Научный отчет по этим «раскопкам», как мы узнали, так и не был написан. Постарались и местные «краеведы»: они прошли по городищу с металлоискателем, и кое-где виднелись характерные лунки. На склоне холма за пределами городища мы увидели глубокую яму, поверхностный осмотр рассказал нам ее историю. Когда-то здесь стояла большая глиняная печь для обжига керамики, а металлоискатель реагирует на сильно перекаленную глину примерно так же, как и на металл. Когда кладоискатели прочесывали местность, они решили, что здесь скрыто что-то металлическое, разрыли землю и раздолбили печь, почти полностью ее уничтожив. Когда они, естественно, не нашли, зато печь привели в такое состояние, что ее остатки надо было срочно исследовать, пока дожди и талые воды окончательно ее не разрушили.

С этой печи мы и начали свои раскопки. Выяснилось, что здесь была большая гончарная мастерская: рядом мы обнаружили еще две подобные печи, но не исключено, что их было и больше. Впрочем, исследовать весь склон мы не стали, тщательно изучив лишь первую печь и оставив прочие для грядущих археологов. Когда-то древний мастер бросил работу, не завершив ее, и печь была заполнена остатками обожженных, но не вынутых сосудов. Вокруг нее валялось множество черепков — боя от прошлых обжигов. Теперь мы могли сравнить любой черепок, найденный на городище, с теми, которые валялись в мастерской, и определить, какая посуда была местного производства, а какая — привозной. Впрочем, особо оригинальных выводов нам сделать не удалось: местные жители производили типичную салтово-маяцкую керамику и импортировали амфоры с берегов Боспора Киммерийского (нынешнего Керченского пролива) и из Херсона (античный Херсонес; не путать с современным Херсоном в Украине). Что было в этих амфорах, мы по черепкам определить не могли, но, скорее всего, вино.

Параллельно с печью мы приступили к раскопкам самого городища. Позднее мы возвращались сюда еще несколь-

ко лет и за семь сезонов исследовали около тысячи квадратных метров — примерно четверть общей площади. Под нашими лопатами вырисовывались контуры домов, очаги, дворы с хозяйственными ямами, узенькие улочки... Дома здесь стояли на каменных цоколях, стены были глинобитными, как выглядели крыши, окна, двери — не известно. Зато прекрасно известно, как выглядели хозяйственные ямы, — несколько мы нашли и изучили.

Ямы, особенно мусорные, — это лакомый кусочек для археологов, потому что в них слой за слоем отражается вся жизнь дома. Кости животных расскажут, кого здесь разводили, на кого охотились. Следы ножа на этих костях (или их отсутствие) позволят догадаться о том, кого из животных рассматривали как друзей и домашних любимцев, а кого — как мясной скот. Косточки привозных фруктов и черепки расскажут о торговых связях. Ну а множество мелких, выметенных с мусором предметов — пряслиц, бусин — дополнят картину повседневной жизни.

Одна из ям, раскопанных во дворе жилого дома, загадала археологам загадку, которую они не смогли разрешить. Поначалу в ней хранили зерно — яма была аккуратно обмазана глиной, на дне и стенках сохранились отпечатки зернышек (вероятно, проса), а кое-где и сами зернышки. Но потом яму решили использовать как могилу: в ней была похоронена женщина.

Мы не нашли на Золотых Горках кладбища хазарского времени — оно могло располагаться достаточно далеко от жилых кварталов. Но кладбище, конечно же, было. Почему именно эту женщину решили похоронить прямо во дворе — непонятно. Причем это были именно похороны, а не попытка избавиться от трупа — женщину сопровождали горшок с заупокойной пищей и кости овцы, рядом с ней было уложено пряслице. Такого рода похороны могли иметь место во время осады, но никаких следов военных действий мы на городище не нашли. Собственно, мы даже не уверены, что этот населенный пункт имел какие-то укрепления, которые можно было осаждать. В одном месте мы раскопали остатки относительно мощной кладки, но была ли это городская стена или личный забор особо озабоченного своей безопас-

ностью жителя, сказать трудно — для этого надо исследовать всю площадь. И слово «городище», которым археологи называют остатки бывшего города или укрепленного поселения, к Золотым Горкам мы применяем достаточно условно, не исключено, что это «селище» — древнее поселение, не имевшее фортификаций.

Но вернемся к нашей яме. Поскольку версия об осаде не подтвердилась, загадка странной могилы продолжала волновать умы, и предположения высказывались самые разнообразные, например о сильных морозах, не позволивших выкопать для покойной нормальную могилу и заставивших использовать уже имевшуюся яму. Но все это лишь домыслы. Во всяком случае, жители поселения не слишком долго чтить память покойной, и после того, как земля на могиле просела, стали снова использовать яму в хозяйственных целях, на этот раз как мусорную.

Нашли мы и еще одну могилу, устроенную в хозяйственной яме, но с ней все было более или менее ясно. После проседания земли яму никто не использовал, более того, над ней не было культурного слоя — ни костей, ни черепков... Судя по всему, сразу после похорон жители покинули поселение. В таком случае становится понятным, почему покойный был похоронен прямо во дворе, — во-первых, в поселении царяла предотъездная суета (возможно, связанная с появлением в степи внешнего врага), а во-вторых, здесь больше никто не собирался жить.

Здесь же, на Золотых Горках, прямо на территории городища, мы раскопали и несколько могил, принадлежащих другим эпохам. Под одним из домов, на довольно большой глубине, обнаружилась могила эпохи средней бронзы, относящаяся к так называемой «катакомбной культуре», — ее обитатель жил в первой половине второго тысячелетия до н.э. А после того как городище хазарского времени опустело, глинобитные стены рассыпались и дома сровнялись с землей, здесь устроили свое кладбище кочевавшие по этим землям жители Золотой Орды. Могилы ордынцев печально славятся среди археологов как малоинтересные — большинство из них (по крайней мере, на Нижнем Дону) не имеют абсолютно никакого инвентаря, здесь не встретишь даже пряжки

или пуговицы. К интересующим нас хазарам они не имели ни малейшего отношения, тем не менее, по существующим правилам, их тоже пришлось исследовать: раскопать, зачистить, сфотографировать, зачертить и нанести на план.

Третий археологический объект, на котором довелось работать авторам настоящей книги (точнее, одному из них, Владимиру Ключникову), — Правобережное Цимлянское городище. Эта сильная хазарская крепость, построенная в начале IX века, просуществовала очень недолго. До сих пор не известно, связан ли ее разгром с нашествием внешнего врага или же со внутренней смутой, начавшейся в государстве вскоре после принятия иудаизма его правящей верхушкой. Раскопки проводились здесь неоднократно, причем под руководством ряда выдающихся хазароведов нашей страны, тем не менее крепость до конца не изучена, и ответа на вопрос о том, кем она была уничтожена, нет.

Владимир Ключников работал здесь в экспедиции, которой руководил старший научный сотрудник Института археологии РАН В. С. Флёрв. Впрочем, на этот раз археологи не ставили перед собой задачу масштабных раскопок и на сенсационные открытия не рассчитывали — их целью было срочно изучить те участки крепостных стен, которые разрушались, сползая с обрыва в волны Цимлянского водохранилища. Тем не менее несколько интересных находок было сделано, среди них — облицовочные керамические плитки, украшенные граффити.

И наконец, авторы, прежде всего Владимир Ключников, провели многочисленные разведки, исходили и изъездили вдоль и поперек берега Цимлянского водохранилища, Нижнего Дона, Калитвы, Маныча — в поисках еще неизвестных крепостей, городищ и селищ хазарского времени. Несколько небольших селищ действительно были найдены, и это вносит хотя и скромное, но все-таки дополнение в общую картину жизни региона во времена Хазарского каганата.

Держава гуннов и ее наследники

Прежде чем начать разговор о самих хазарах, стоит вкратце обрисовать эпоху, которая вызвала их появление на исторической арене. В середине IV века н.э. на территорию между Каспийским и Азовским морями, а чуть позднее — в степи Предкавказья и Причерноморья вторглись неведомые дотоле кочевые племена, носившие название «гунны». Это были выходцы из Северного Китая и Монголии, которые, потерпев поражение в бесконечных войнах с Китайской империей, стали продвигаться на запад.

Китайцы называли их «хунну», или «сюнну», а еще — «северными варварами»⁷ и считали «несчастьем» своих границ⁸. Именно для защиты от сюнну была в III веке до н.э. построена Великая Китайская стена. Просвещенных жителей Поднебесной возмушало, что сюнну не знают письменности, не считают позором бежать с поля боя, «с пренебрежением относятся к старым и слабым» и «не обращают внимания на правила поведения и приличия»⁹.

И вот эти варвары, увлекая за собой народы и племена, оказавшиеся на их пути, вторглись в Европу. Римский историк Аммиан Марцеллин, бывший современником этого нашествия, писал:

«Племя гуннов... превосходит своей дикостью всякую меру... Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного погреть.

...Они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников... Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жадой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов...»¹⁰

Быть может, Марцеллин несколько сгустил краски — о гуннах он, хотя и был их современником, писал с чужих слов, а греки и римляне вообще не слишком жаловали варваров и охотно подчеркивали их дикость. Во всяком случае, те гунны, которые наводили ужас на римлян, уже имели мало общего с кочевниками «хунну», грабившими когда-то северные окраины Поднебесной. К тому времени, когда гунны подошли к границам Римской империи, они успели смести с насиженных мест и вовлечь в орбиту своего передвижения множество народов. В степях Приуралья они настолько смешались с угорскими племенами, что в значительной мере утратили свой монголоидный облик и усвоили местную культуру, имевшую в том числе сарматские корни¹¹. Тюркский язык они сохранили и даже навязали его уграм,

но последние тоже обогатили лексикон своих завоевателей. Забегая вперед, скажем, что получившийся в результате язык стал позднее предком болгарского и хазарского языков¹².

Нашествие гуннов, кем бы они на тот момент ни были и независимо от степени их воспетого Марцелином звероподобия, потрясло Европу. Теснимые ими аланы и давно уже осевшие вдоль восточных окраин Римской империи готы, забыв о былых расправах с римлянами, прорвали границы и кинулись под защиту римских орлов. Так началась эпоха Великого переселения народов¹³, которая завершилась в VII веке формированием новой карты Европы и созданием (в числе прочих государств) Хазарского каганата.

Гунны хозяйничали в Европе около ста лет. Но их империя, которую в V веке сплотил и возглавил гуннский вождь Атила, распалась после его смерти в 454 году. Этому распаду, по сообщению готского историка VI века Иордана, способствовал тот факт, что «...сыновья Атилы, коих, по распушенности его похоти, [насчитывалось] чуть ли не целые народы, требовали разделения племен жребием поровну, причем надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами»¹⁴. Однако подчиненные гуннам народы, прежде всего германские племена, не захотели, чтобы их делили по жребию, «будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства». Восстание возглавил король гепидов Ардарих, решающая битва произошла в Паннонии, близ реки Недао (в Центральной Европе). Здесь было убито почти тридцать тысяч гуннов и их союзников, погиб и любимый старший сын Атилы по имени Эллак¹⁵. Его братьев германцы гнали до берегов Понтийского моря (нынешнее Черное). «Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная».

После разгрома при Недао племя гуннов, по сообщению Иордана, заняло «свои давние места»¹⁶. Что это были за места, историк не уточняет, — впрочем, гунны его с этого момента не слишком интересовали, поскольку он писал историю готов. В полном смысле слова «давние места» побежденные, конечно же, занять не могли, поскольку понятие «гунны» распространялось к этому времени на множество племен, вовлеченных в Гуннский союз за долгие годы стран-

ствования хунну от границ Китая на запад. Во всяком случае, часть этих племен действительно отступила обратно на восток (хотя, конечно, не до границ Китая).

В Причерноморских степях, на Кубани и на Нижнем Дону осели гунно-болгарские племена: утигуры, кутригуры и, возможно, некие «болгары». Впрочем, раннесредневековые историки вольно обращались с этнонимами и могли использовать слово «болгары» в том числе и как синоним слова «гунны»¹⁷. Но так или иначе, те осколки Гуннского союза, которые позднее действительно получили имя «болгары», или «булгары», осели в Причерноморье — это были отюреченные угры, присоединившиеся к гуннам еще во времена их победоносного шествия на запад¹⁸. За несколько веков совместного существования они в значительной степени смешались со своими бывшими завоевателями — археологи отмечают, что в погребениях, которые оставлены в местах расселения гунно-болгар, иногда встречаются скелеты с присущими хунну монголоидными чертами¹⁹.

Забегая вперед, отметим, что эти болгары, в отличие от современных, еще не имели никакого отношения к славянам. Позднее часть из них захватит север Балканского полуострова, куда незадолго до того переселятся некоторые славянские племена. Слившись с ними и с местными фракийцами, они и составят население нынешней Болгарии, дав ей свое имя. Но пока что гунно-болгарам предстояло кочевать в степях Юго-Восточной Европы, с тем чтобы в середине VII века образовать в Прикубанье Великую Болгарию, вскоре завоеванную хазарами. Часть болгар после этого уйдет на запад, другие — на север, но многие останутся жить на территории Хазарского каганата, став одним из самых многочисленных народов, населяющих это государство, и создав (вместе с аланами) салтово-маяцкую археологическую культуру.

Еще одним осколком Гуннского союза были савиры (сабиры), поселившиеся в основном на территории нынешнего Дагестана, но порою встречавшиеся вплоть до притоков Терека и Верхней Кубани и совершавшие регулярные набеги по всему Закавказью²⁰. Они, как и гунно-болгары, были потомками завоеванных гуннами угров²¹. Византийский историк VI века Агафий Миринейский писал, что савиры —

народ «величайший и многочисленныйший, весьма жаден одновременно и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим»²².

В VI веке савиры были самым крупным объединением кочевников в степях Предкавказья²³. И Византия, и Иран жаждали видеть их своими союзниками, чем савиры беззащитно пользовались, торгуясь, изменяя и заключая союзы с бывшими противниками, причем разные их племена могли оказываться по разные стороны фронта. Византийский историк первой половины VI века Прокопий Кесарийский писал о них:

«Сабиры являются гуннским племенем; живут они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу одни с римским императором, другие с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности»²⁴.

Известность савиры приобрели в 515—516 годах²⁵ своими походами в Армению и Малую Азию. В 521 году они вновь воюют в Малой Азии, сначала вместе с Византией против Ирана, потом — наоборот. В 527 году савиры снова изменяют своим очередным союзникам: их предводительница (женщина!) по имени Боа (Боарикс) выступила на стороне Византии и уничтожила 20-тысячное войско союзников Ирана. Под началом у Боа имелось, по сообщению византийского хрониста VIII—IX веков Феофана Исповедника, сто тысяч человек²⁶.

Савиры прославились как замечательные инженеры, которым даже просвещенные византийцы отдавали должное. Прокопий рассказывает, как небольшая группа савир случайно оказалась в римском (то есть византийском) войске, осаждавшем крепость Петру. Люди эти отнюдь не явля-

лись специалистами по осадным машинам — это был отряд, присланный для того, чтобы получить переданные императором Юстинианом I деньги и доставить их на родину через горы, занятые враждебными племенами. Надо полагать, для такой опасной, но не слишком интеллектуальной миссии были выбраны крепкие вояки, а не инженеры. Однако, оказавшись волею судеб под стенами осажденного города, эти презируемые римлянами варвары оказали своим союзникам огромную помощь. «Когда они увидали, что римляне при сложившихся обстоятельствах не знают, что делать, и попали в безвыходное положение, они придумали такое приспособление (машину), какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров».

Восхищенный Прокопий подробно описал это чудо тогдашней инженерной мысли. Рассказал он и о том, что очень скоро савиры соорудили такие же машины при штурме Археополя, но теперь уже не для римлян, а для их противников персов²⁷.

Племена савир суждено было сыграть важнейшую роль в становлении хазарского народа.

Кроме того, чтобы обрисовать этническую карту Юго-Восточной Европы накануне появления хазар на исторической сцене, надо упомянуть многочисленные аланские племена, которые ворвались сюда в первом веке н.э., вытеснив сарматов, обитавших здесь вот уже по крайней мере три века. Аланы были ираноязычными кочевниками, принадлежавшими к миру сарматской культуры. Несмотря на свою самую тесную связь с сарматами (собственно, они и были одной из волн сарматов), аланы разгромили своих предшественников и обосновались в европейских степях. Аммиан Марцелин писал о них:

«Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до

Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют... И вот гунны, пройдя через земли аланов ...произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе»²⁸.

Гунны действительно увлекли часть аланских племен за собой (и они вместе со своими победителями дошли до Северной Африки²⁹), а других вытеснили на Северный Кавказ, где им ничего другого не оставалось, как перейти к оседлому образу жизни. Они часто вступали в союзы с савирами, воюя поочередно то против персов, то против Византии³⁰. Позднее аланы станут одним из основных народов, входящих в состав Хазарского каганата.

В истории каганата сыграли огромную роль и славянские племена, но случилось это после продвижения хазар на запад. Поначалу, когда хазары появились в Прикаспийских степях, их отделяли от славян огромные территории, которые им только предстояло завоевать и освоить. У самих славян это время (VI—VII века) было эпохой расселения и колонизации новых земель: они постепенно продвигались из района своего первоначального обитания (примерно совпадающего с югом современной Польши) на юг, север и восток. Но это передвижение еще не имело прямого отношения к хазарам. Гораздо большее отношение к ним имели события, происходившие далеко на востоке, на Алтае, где в середине VI века зародилась держава тюркютов (ту-кю), вскоре подмявшая под себя почти весь кочевой мир Евразии.

Тюрки рода Ашина

В середине VI века на Алтае существовало небольшое племя ту-кю (тюрки, или тюркюты), правящая династия которого происходила из рода Ашина (волк)³¹. О происхождении этого рода (точнее, восстановлении его после разгрома врагами) существовала легенда, которую пересказывает знаменитый русский востоковед начала XIX века Н. Я. Бичурин. По его сведениям, Ашина были «отраслью Дома Хунну».

«Впоследствии сей род был разбит одним соседним владетелем и совершенно истреблен. Остался один десятилетний мальчик. Ратники, видя его малолетство, пожалели убить его: почему, отрубив у него руки и ноги, бросили его в травянистое озеро. Волчица стала кормить его мясом. Владетель, услышав, что мальчик еще жив, вторично послал людей убить его. Посланные, увидя мальчика подле волчицы, хотели и ее убить. В это время, по китайским сказаниям, волчица эта появилась в стране на восток от западного моря, в горах, лежащих от Гао-чан на северо-запад (Алтай. — *Авт.*). В горах находится пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густою травой на несколько сот ли окружностью. Со всех четырех сторон пещеры лежат горы. Здесь укрылась волчица и родила десять сыновей, которые, пришед в возраст, переженились и все имели детей. Впоследствии каждый из них составил особый род. В числе их был Ашина, человек с великими способностями, и он признан был государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головою — в воспоминание своего происхождения. Род его мало-помалу размножился до нескольких сот семейств».

В этом повествовании прямо не говорится, но подразумевается, что мальчик стал мужем волчицы и восстановил через нее свой род³². Через несколько поколений потомки волчицы признали над собой власть монгольских кочевников-жужаней (жужаньцев)...

Существует и другая легенда, тоже возводящая род Ашина непосредственно к волкам. Она повествует о семидеся-

ти братьях, из которых внимания сказителей удостоились лишь два: один из них был сыном волчицы, а второй «был от природы глуп, почему весь Дом его был уничтожен». Какая именно глупость злополучного главы рода привела к столь печальному концу, легенда умалчивает. Что же касается сына волчицы, он, вероятно, был умен, потому что род его размножился и процветал, а один из детей, по имени Надулуше, удостоился почестей и власти. Этому внуку волчицы довелось жить в горах Басычу-сиши³³ (на Алтае³⁴), где «были холодные росы», но он, будучи по материнской линии внуком «духа лета», «произвел теплоту, и чрез то всех прочих спас», после чего был избран государем и принял имя Тукюе. После его смерти многочисленные сыновья государя от десяти жен стали спорить за власть и постановили, что «кто выше прочих вспрыгнет на дерево, тот и будет поставлен старейшиною». В этом странном соревновании победил малолетний Ашина, ставший главой племени³⁵.

Помимо версий о непосредственно алтайском происхождении племени Ту-кю и рода Ашина, тот же Бичурин излагает и «китайский» вариант. Согласно ему, тукюеский Дом, носивший имя Ашина, составил «из смешения разных родов», кочевавших в Пьхин-лян (запад китайской провинции Шэньси)³⁶. Когда в государстве началась смута, род Ашина с пятьюстами семьями бежал на территорию Монгольского Алтая и поселился по южную сторону Алтайских гор; случилось это в 439 году. Здесь беженцы занялись добычей железа для монгольского племени жужаней. А поскольку «естественное положение Алтайских гор походит на шлем», они стали называть себя монгольским словом «шлем» — «тукюе»³⁷.

Но что бы ни говорили древние сказания и летописи, сегодня специалисты отвергают в равной мере как алтайскую, так и китайскую версии происхождения Ту-кю. Вероятно, племя это сформировалось в III–V веках н.э. из постхуннских и местных ираноязычных племен на территории Восточного Туркестана, а потом переселилось на Алтай. Что же касается их связи с волками, вероятно, слово «Ашина» на прародине тюрок не имело отношения к этим хищникам и означало «достойный, благородный»³⁸. Впрочем,

существует и компромиссная точка зрения: к монгольскому слову «волк» (шоночино) был приставлен префикс «А», являющийся в китайском языке знаком уважения. В результате появилось сочетание «Ашина» — «благородный волк»³⁹.

«Потомки волка» быстро освоились на Алтае и приобрели политический вес. В середине VI века китайское царство Западная Вэй установило с вождем тюркютов Тумынем дипломатические отношения. Вскоре Тумынь, который в это время уже имел большое войско, перехватил армию телесцев, пошедших войной на жужаней, и подчинил 50 000 кибиток. Возгордившись своими успехами, Тумынь решил путем брака породниться с жужаньским государем Анахуанем, однако тот ответил вассалу оскорбительным отказом: «Ты мой плавильщик: как же осмелился сделать такое предложение?»⁴⁰ Это было недальновидное решение. Китайцы оказались прозорливее жужаньцев, и правитель Западной Вэй выдал за Тумыня дочь-царевну. В 552 году Тумынь пошел войной на Жужань и разгромил своего бывшего сюзерена. Анахуань покончил с собой, его сын бежал, а победитель Тумынь принял ханский титул. Правда, ему недолго пришлось пожинать плоды своей победы — он умер через год. Но начало державе тюркютов было положено, и стремительный рост ее превосходил самые смелые фантазии. Уже в 555 году вчерашние плавильщики распространили свою власть до Аральского моря, а в 558 году вышли к Западной Сибири и Южному Уралу. Подчинив своей власти угров, тюркюты оказались на берегах Волги. Вскоре они овладели всем Северным Кавказом, доведя свои западные границы до Азовского моря. На Востоке их владения простирались до Желтого моря⁴¹.

Так был создан Первый Тюркский, или Тюркютский, каганат (то есть государство, возглавляемое каганом — буквально «ханом ханов»⁴²), просуществовавший около полувека и успевший за это время стать одной из главных политических сил Азии и Восточной Европы. Под его властью оказалось подавляющее большинство тюркоязычных народов, языки которых, относящиеся к одной семье, позднее получили свое научное название в честь маленького алтайского племени. А словом «тюрки» в широком смысле стали

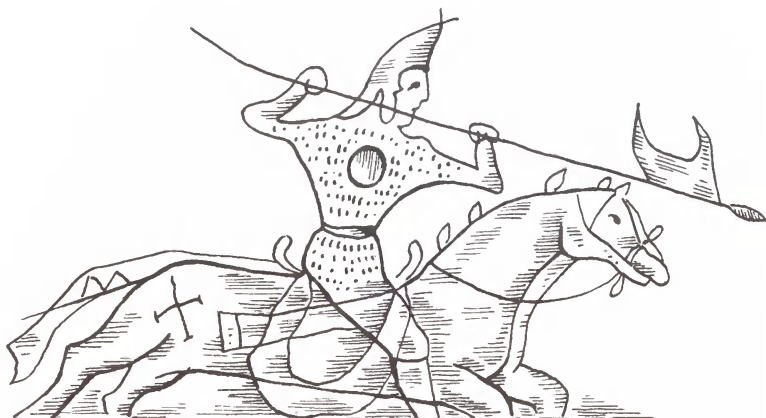

называть не только потомков рода Ашина и возглавляемых ими алтайцев, но и все те многочисленные племена, которые вошли в состав Тюркского каганата.

Н. Я. Бичурин, компилируя сведения древних китайских рукописей, писал о тюркютах: «Обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлею; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние... Из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотою волчьею головою. Телохранителей называют Фули [буре], что на монгольском языке также значит: волк, в знак, что они помнят свое происхождение от волка. Искусно стреляют из лука с лошади... Письмен не имеют. Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве. Вместо предписания на бумаге, употребляется стрела с золотым копьцом, с восчанною печатью. Обыкновенно пред полнолунием производят набеги и грабительства»⁴³.

Тюркский каганат просуществовал очень недолго. Уже в восьмидесятых годах VI века его стали раздирать междоусобицы, и в 603 году он окончательно распался на две независимых державы: Восточный и Западный каганаты. Владения Западного каганата простирались от Дона и Азовского моря до восточных отрогов Тянь-Шаня и Северо-Западной Индии.⁴⁴ Но эта держава, объединившая множество завоеванных народов, была лишена внутренней прочности, кроме того, ее ослабляли непрерывные внешние войны, прежде всего с Китаем и Ираном. В середине VII века Западно-Тюркский каганат закончил свое существование. Но к этому времени на западной окраине бывшего государства тюркютов возникла новая держава — Хазарский каганат.

Глава 2 На заре хазарской истории

Первые сведения о хазарах

Первые более или менее достоверные упоминания о хазарах относятся к VI веку. Правда, многие раннесредневековые хронисты переносили хазар в глубокую древность, но современные ученые высказывают на этот счет вполне обоснованные сомнения.

Например, армянский историк Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) в «Истории Армении» пишет о том, как в правление царя Валарша, на рубеже II и III веков н.э., «орды объединившихся горцев, а именно — хазаров и басилов (барсил. — *Авт.*)» вышли из ворот Чора (то есть из узкого прохода между восточным окончанием Кавказского хребта и Каспийским морем в районе нынешнего Дербента) и перешли Куру. «Валарш, встретив их с большой ратью и воинственными мужами, покрыл поле трупами рассеянных им орд и в долгом преследовании пробился через проход Чора. Тут враги вновь собрались и построились к битве, и, хотя армянские храбрецы опрокинули их и обратили в бегство, сам Валарш погиб от руки искусных лучников»⁴⁵.

Вся эта история вызывает целых два принципиальных возражения. Главное из них в том, что хазар в этом регионе, да и где бы то ни было, во времена правления воинственного армянского царя Валарша еще существовать не могло. Конечно, Хоренаци мог употребить анахронизм, но тут возникает вторая проблема: ведь он тоже жил достаточно давно, в V веке, и остается совершенно непонятным, откуда древний историк знал о самом факте существования хазар, равно как и о том, что они обитают к северу от ворот Чора, — сегодня считается, что они появились там (или, во всяком случае, дали знать о себе) не раньше начала VI века. Некоторые историки Нового времени пытались сдвинуть даты жизни самого Хоренаци до IX века, но их попытки не вызвали поддержки в научном мире. После чего ученые, отчаявшись, назвали свои сомнения на этот счет «проблемой Хоренаци», каковая и существует до сегодняшнего дня⁴⁶.

«Проблема Хоренаци» — это особый вопрос. Вообще же такого рода анахронизмы, только употребленные более поздними авторами, которые уже могли знать о хазарах, нередки в армянской и арабской литературе, причем некоторые раннесредневековые писатели приводят совершенно фантастические сведения, например называя хазар современниками Александра Македонского⁴⁷.

Первым достоверным текстом, в котором упоминаются хазары, считается хроника, написанная анонимным сирийцем, который пересказал не дошедшую до нас «Историю» Захарии Митиленского (Ритора). Захария умер между 536 и 553 годом, а его сирийский последователь работал немногим позже: в середине VI века⁴⁸. В это время хазары еще не успели выйти на широкую историческую арену, и сирийский компилятор перечисляет их в списке тринадцати народов, «живущих в палатках» за Каспийскими воротами (Дербент).

«За воротами живут бургары, со (своим) языком, народ языческий и варварский, у них есть города, и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду (Дагестан. — *Авт.*) живут в горах, у них есть крепости. Ауангур, народ, живущий в палатках, аугар, сабир, бургар, куртаргар, авар, хазар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит, эти тринадцать народов, живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием».

Надо сказать, что к тексту анонимного сирийца стоит относиться с некоторой осторожностью, потому что, перечислив народы, «живущие в палатках», автор без тени сомнения пишет: «Вглубь от них (живет) народ амазраты (карлики. — *Авт.*) и люди-псы, на запад и на север от них (живут) амазонки (*amazonides*), женщины с одной грудью, они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях... Соседний с ними народ ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев, есть еще три черных народа»⁴⁹.

В том, что касается хазар, сомневаться в достоверности сирийского источника нет оснований, но сообщаемые им сведения уж очень скудны, с его слов непонятно даже, где именно жили хазары, — ведь перечисленные им народы обитали от Северного Кавказа до Средней Азии включительно.

Ко второй половине VI века ситуация меняется: ранне-средневековые хронисты, описывая события этого времени, упоминают хазар, причем приводят немало подробностей из их жизни. Некоторые из этих сообщений считаются анахронизмами, по поводу других идут споры, но игнорировать их уже сложно. Хазары в это время обитали, по-видимому, на территории нынешнего Дагестана, входившей в состав огромного Тюркского (а позднее — Западно-Тюркского) каганата. Сохранились многочисленные сообщения о том, что хазары совершали набеги на земли, которые находились в вассальной зависимости от Персии (например, Армению и Кавказскую Албанию)⁵⁰.

Кроме того, в документах часто упоминается племя баланджар — этим словом могли называть хазар⁵¹, которые позднее действительно имели, по сообщению арабского историка и географа X века аль-Масуди, столицу в городе Баланджаре (Беленджере) к северу от Дербента⁵².

Мусульманский историк IX–X веков ат-Табари, описывая правление персидского царя Хосроя (Хосрова) I Ануширвана (правил в 531–579 годах), пишет о том, как «народ абхазов, народ банджар, народ баланджар и народ алланов объединились для вторжения в страну Хосроя Ануширвана и выступили в Армению, чтобы подвергнуть ее население грабежу».

Персы отразили нападение и уничтожили вражескую армию, сохранив жизнь лишь 10 000 пленным, которых расселили «в Азербайджане и прилегающих областях»⁵³.

Ат-Табари сообщает о назначении начальника войска «Азербайджана и прилегающих областей, то есть страны хазар»⁵⁴. Историк упоминает несколько выступлений баланджар и собственно хазар против Хосроя (в том числе под предводительством тюркского Истеми-кагана, которого арабские историки называли Синджибу).

По сообщению ат-Табари, «Хосрой постоянно одерживал победы, и все народы боялись его; к его двору прибывало множество посольств от них: от турок, китайцев, хазар и подобных им народов»⁵⁵. Тем не менее персидский царь позаботился о том, чтобы снабдить свой северный форпост Дербент мощнейшими оборонительными сооружениями, направленными против народов Тюркского каганата, и прежде всего против своих ближайших соседей-хазар. Укрепления, перегораживающие проход между горами и Каспийским морем, возводились и раньше, но основная часть Дербентского оборонительного комплекса была построена именно в правление Хосроя I⁵⁶.

Предысторию его строительства рассказал Кудама аль-Басри — чиновник багдадских халифов, живший в первой половине X века и оставивший книгу «Китаб-ал-Харадж», буквально — «Книгу земельного налога»⁵⁷. Автор сообщает, что Хосрой Ануширван, «боясь набегов Хазар, написал царю их, прося у него мира, дружбы и заключения оборонительного союза, и посватался за его дочь, чтобы скрепить этим дружбу с царем Хазар». Брак был заключен, после чего хитрый Ануширван «выказал сильное желание еще большего родства с Хазарцем» и выдал за него девицу, которую обманно назвал своей дочерью. Доверчивый «Хазарец» не только женился, но и принял новоявленного родственника, Ануширвана, как дорогого гостя в своем лагере. «...Пировали они несколько дней и сдружились между собой, выказывая взаимно нежность и чествуя один другого», но «взаимная нежность» не помешала Ануширвану организовать несколько поджогов хазарского лагеря. Перс признал, что поджоги были совершены его друзьями и извинился за них. «Хазар-

ский царь принял извинение и успокоился». Но Ануширван продолжал тайную деятельность. Теперь он приказал поджечь собственный лагерь и обвинил в этом хазар.

«Наутро Ануширван стал громко выражать Хазарцу свое неудовольствие и заявил ему: “Твои люди чуть было не разнесли и не разрушили мой лагерь. Ты подозревал меня, а теперь я, в свою очередь, имею право подозревать тебя”. Тут Хазарец поклялся ему, что ничего он не ведает о случившемся. Ануширван сказал ему: “О брат мой! Как видишь, твое и мое войско не одобряет нашего мира, так как он является помехой их походам и набегам, которые прежде мы предпринимали друг на друга. Я опасаясь, как бы они не произвели мятежа, который разрознит сердца наши после нашей искренней и чистой любви, так что мы обратимся к прежней вражде после заключения родства и дружбы; было бы справедливо, если бы ты разрешил мне построить между тобой и мной стену. Мы сделаем в ней ворота, и ни один человек не войдет к нам от тебя вопреки нашему желанию”».

Хазарский царь согласился с доводами перса «и удалился восвояси», а коварный Ануширван принялся за постройку стены из каменных глыб и свинца. «Затем он приказал возить камни на судах и бросать их в море, пока не подымет-ся насыпь над поверхностью воды; на этой насыпи он продолжал постройку стены и вогнал стену в море на три мили. Окончив постройку стены, он повесил в проходе железные ворота и приставил к ним 100 конных стражников, тогда как раньше ему нужно было назначать туда 50 000 войска». После этого добрые люди открыли хазарскому царю правду о том, как перс обманом женил его на безродной девице. «Но Хазарец уже ничего не мог поделать против хитрости Ануширвана. С этого времени прекратились набеги Хазар на Армению, тогда как прежде Хазары постоянно нападали на нее»⁵⁸.

Кое-что в этой истории похоже на правду — например, описание Дербентских укреплений (хотя свинца археологи там и не обнаружили)⁵⁹. Что же касается того, что с тех пор набеги на Армению прекратились, с этим вопросом Кудама, хотя и имел доступ к государственным архивам Багдада⁶⁰, явно погорячился — хазары и их союзники продолжали разорять подконтрольные персам земли до последних дней

существования Персидского государства. После чего продолжили набеги на те же территории, но уже принадлежавшие арабам.

О набегах, причем весьма успешных, которые во второй половине VI века совершали «хазирь» на подконтрольные персам земли Армении и Алуанка (Кавказской Албании), пишет раннесредневековый армянский историк Мовсес Каланкатуаци (Каганкатваци) в книге «История страны Алуанк». Собственно, по его сведениям, «многочисленные полчища хазирь»⁶¹ приходили «через ворота Чора» еще в IV веке. Для того чтобы противостоять нашествию, персидскому царю Шапуру II (правил в 309–379 годах) пришлось собирать «многочисленное войско из сирийцев, хорасанцев, хорезмцев, в частности из храбрых персов области Атрпатакан, из армян, иверов, алуанцев и различных диких племен Кавказских гор, говорящих на двенадцати разных языках»⁶². Но прошло два столетия, и в VI веке «хазирь пленили страну Алуанк. Сожжены были церкви и книги Заветов. Затем, на втором году [царствования] Хосрова, царя царей (Хосрой I. — *Авт.*), когда было положено начало армянскому летосчислению, в том самом году патриарший престол Алуанка был перенесен из города Чола в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов креста Христова»⁶³.

Надо отметить, что некоторые современные исследователи считают упоминание хазар у армянского историка анахронизмом даже в том случае, когда речь идет о VI веке⁶⁴, что касается века четвертого, то это бесспорный анахронизм. В то же время существует и мнение, что в VI веке хазары, объединившись с барсилами, уже могли вторгаться в Закавказье через проход Чора⁶⁵. Во всяком случае, жившие к северу от Персии народы, безусловно, такие набеги совершали, и хазары, даже если они на тот момент и не представляли отдельной политической и военной силы, в этих набегах, надо думать, участвовали.

Но те же самые народы, в том числе и хазары, в VI веке вступали с персами в дипломатические отношения. «Книга деяний Ануширвана», написанная, вероятно, не позднее VII века (но сохранившаяся в более поздних арабских пере-

водах), повествует о том, как в середине VI века «четыре подразделения тюрков из хазарской области, каждое во главе со своим царем» пожелали перейти под власть персов, были пропущены через границу и получили земли в их северных владениях. Этому переселению предшествовали переговоры Хосроя Ануширвана с хазарским правителем, который уже носил высокий титул хахан (каган) ⁶⁶.

Набегам тюрков во второй половине VI века подверглись и владения Византии на Боспоре и в Восточном Крыму. Наиболее разрушительным считается первый набег — 576 года, когда был взят город Боспор (современная Керчь) и разорены другие города и поселения Керченского полуострова. После этого разгрома многие усадьбы оставались в развалинах еще и в VII веке⁶⁷. Вероятно, именно тогда степи Восточного Крыма запустели, став своего рода «диким полем» до появления хазарских поселенцев в конце VII — первой половине VIII века. К 590 году император Маврикий восстановил контроль над Боспором⁶⁸, но позиции Византии здесь, после нескольких тюркских опустошений, нельзя было признать прочными.

Войны в Закавказье

В первой половине VII века, после того как в 610 году в Византии пришел к власти Ираклий I, политическая ситуация в Восточной Европе изменилась. Ведя непрерывные и не слишком успешные войны с Ираном, Ираклий стал заключать союзы с народами, находившимися под властью Тюркского каганата, в том числе с хазарами. К этому времени хазары укрепили свои позиции среди тюрков и обрели изрядную самостоятельность⁶⁹. Их предводитель, носивший титул Джебу-хахан, был вторым человеком в каганате — по крайней мере, так характеризует его Мовсес Каланкатуаци⁷⁰.

Сообщения армянского историка о хазарах (хазирах) VII века анахронизмом уже, во всяком случае, не считаются⁷¹. Каланкатуаци рассказывает, что Ираклий, решивший отомстить персам за свои предшествующие поражения,

в 625 году направил к тюркам (в тексте они часто именуется гуннами, но это — анахронизм) посла, причем посол этот не обратился к «царю севера» (то есть кагану тюрков), а вел переговоры с Джебу-хаканом, который был предводителем именно хазар. Каланкатуаци пишет про Ираклия:

«Тогда снарядил он в путь одного из своих нахараров (князей. — *Авт.*) по имени Андрэ, мужа мудрого и одаренного, и отправил его [к гуннам], обещая [в дар] великие и несметные сокровища: “Лишь бы протянули мне руку в этом великом мщении, и я обязуюсь насытить алчность златолюбиво-го, звериных нравов народа косоносцев”».

Хазарский властитель не обиделся на столь нелестную характеристику своих соотечественников: «И вот, услышав это, преемник царя севера, второй человек в его царстве, по имени Джебу-хакан, понял, какие огромные дары сулят им, да и к тому же позволяют грабить все подвластные персидскому царю страны, и с радостью ответил [посланцу]: “Я отомщу врагу [за него], я сам лично выступлю и поспешно приду ему на помощь со своим храбрым войском и сумею угодить ему ратными делами, мечом своим и луком...”»⁷².

Джебу-хакан отправил ко двору Ираклия посольство и заключил с Византией договор, скрепленный клятвами^{73*}. Это немаловажный штрих, свидетельствующий о том, что хазары в то время, хотя и входили в состав Тюркского каганата, уже были самостоятельной политической силой⁷⁴.

Хазарской армией командовал некто Шат, которого Каланкатуаци называет сыном Джебу-хакана⁷⁵ и племянником «царя севера»⁷⁶. Это косвенно говорит о том, что Джебу-хакан был женат на сестре кагана⁷⁷ или же приходился ему братом⁷⁸. В последнем случае Джебу-хакан мог быть хазарин-ном только по матери или же не быть этническим хазарин-ном вообще, что, впрочем, никак не помешало ему стать их предводителем. В то же время Каланкатуаци называет Шата «царевичем»⁷⁹, и, значит, к предводителю хазар был применен царский титул. Его безусловно высокое положение

---

* В рукописи Каланкатуаци совместные военные операции хазар и византийцев предшествуют заключению между ними союзнического договора, но историки объясняют это путаницей страниц.

в каганате и тот факт, что он самостоятельно вел политические переговоры на самом высоком уровне, говорят о том, что власть тюркского кагана над хазарами уже во второй половине 20-х годов VII века была чисто номинальной⁸⁰.

Возможно и другое толкование этого эпизода — впрочем, тоже достаточно лестное для хазар. В Тюркском каганате действовала лестничная система престолонаследия: наследником умершего хана становился не старший сын, а старший из оставшихся братьев⁸¹. Соответственно Джебу-хакан, брат «царя севера», был наследником трона и вел переговоры с Ираклием в этом качестве; Хазария, таким образом, — удел наследного принца.

Каланкатуаци пишет: «Подстрекательством Ираклия хазары бесчисленной толпой вторглись в нашу страну и стали опустошать ее» (под «нашей страной» историк имеет в виду северо-западные владения персов, включавшие в себя территории, населенные армянами). Нападающие представляли собой столь мощную военную силу, что персы готовы были пойти на мировую и направили к ним послов. Интересно, что и персы вели переговоры непосредственно с хазарами в лице их предводителя Джебу-хакана, что же касается тюркского кагана, то его согласие ни на начало войны, ни на вывод войск вообще не обсуждалось.

«Царь персидский Хосров (Хосрой II, правил в 591—628 годах. — *Авт.*) направил к ним послов и [говорит]: “Чьим приказанием вторглись вы в мою страну? Не того ли, который скрывался от меня на островах западного моря? (Ираклий. — *Авт.*) Если уж вам так нужны были его золото и серебро, драгоценные камни или одеяния, расшитые золотом и жемчугами, и пурпуровые мантии, то я мог бы угодить тебе, [подарив] вдвое больше, нежели он. Потому и я говорю тебе: не возобновляй больше [набегов] на мою страну по глупой просьбе его, иначе пеняй на себя». После этого Хосрой обещает хазарам бросить на них «тысячи и десятки тысяч отлично вооруженных воинов», которых он снарядил для войны с Ираклием, — это само по себе говорит о масштабах хазарских военных операций.

Перед такой угрозой хазары отступили. Но когда «владелец их князь увидел ту огромную добычу, золотые изделия

и сосуды, пышные одеяния и множество угнанных [в плен] людей и скота, захваченных во время набегов», он решил повторить набег на следующий год, что и было исполнено. Джебу-хакан вместе со своим сыном двинулся на страну Алуанк. «И никто не мог бы сосчитать его несметное войско»⁸².

Первым под натиском хазар пал Дербент. «Ибо, когда [сторожившие город воины] увидели страшное множество людей безобразных и широкоскулых, без ресниц, которые с длинными распущенными, как у женщин, волосами, мчались верхом на конях, страх великий объял их, тем более, когда увидели они, какие те искусные стрелки, как из тугих луков они обрушивали на их головы настоящий град стрел, как, подобно кровожадным волкам, свирепо набрасывались на них, безжалостно истребляя всех на улицах и в переулках города. Они не различали ни красивых и цветущих юных девиц и отроков, ни больных, ни немощных. Не щадили они ни калек, ни старцев. И не трогало нисколько их сердца усердие прильнувших к грудям убитых матерей младенцев, которые вместо молока сосали кровь [из ран] грудей. Напротив, как пламя, охватившее тростниковые заросли, они врывались в одну дверь и вылетали в другую, оставляя хищным зверям земным и птицам небесным довершать там злодеяние. Так, постепенно, волна эта накатывалась на нас»⁸³, — пишет Каланкатуаци.

Отметим, что сам историк не был современником описанных событий и в первом лице он пишет, вероятно, потому, что отрывок этот взят им из более ранней рукописи, а также потому, что он как армянин отождествлял себя со своим многострадальным народом (в стране Алуанк, или Кавказской Албании, тогда жили армяне).

Когда страшная весть о вторжении хазар пришла в Алуанк, персидский наместник страны попытался укрыть народ «в великой столице — в крепости Партав. По его приказанию множество жителей окрестных гаваров укрепились в городе. Он думал с помощью вельмож страны и жителей города оказать сопротивление хазирам». Но когда весть о разгроме Дербента достигла столицы, город решено было сдать без боя. Каланкатуаци описывает это так:

«Когда слух обо всем этом дошел до князя и начальника нашего, владевшего и правившего городом Партавом, ему захотелось поговорить с народом, укрепившимся в крепости перед великой опасностью, и узнать, что следовало бы предпринять? Он хотел было раскрыть рот [и поговорить с народом], но от страха великого, охватившего его с ног до головы, не смог он произнести ни слова, и так сильно трясло его, что колена его бились одно о другое. Когда собравшиеся люди увидели, до чего он струсил, то подняли шум и закричали: “Зачем же ты нас держал здесь до сих пор? [Разве для того], чтобы затем всех нас, вместе с женами и детьми нашими, предать в руки кровожадных зверей? Как можем теперь мы такой огромной и беспорядочной толпой выйти из [окружения] и бежать на глазах лютого врага, когда он вот уже всего в трех милях от нас?” И говорит один другому: “Зачем мы медлим? Чтобы найти в этом городе себе могилу? Давайте бросим имущество и скарб и убежим. Авось, да сумеем спастись”. И все устремились к четырем воротам города, спеша [выйти] и укрыться в горах [авара Арцах].»

Партав был разгромлен, после чего хазары, воодушевленные своей победой, выступили на Тбилиси и осадили город. «Узнав об этом, великий император Ираклий тоже собрал все свое войско и поспешил на помощь союзнику. Они были очень рады встрече и обменялись царскими подарками и приношениями»⁸⁴.

В этом месте надо отметить, что авторам настоящей книги, поскольку они пишут о хазарах, хотелось бы польстить своим героям и подчеркнуть, что уже на заре хазарской истории сам император Ираклий, властитель мощнейшей державы того времени, был «рад встрече» со своим хазарским собратом и вручал ему подарки и приношения как равному. Однако не исключено, что в этом вопросе Каланкатуаци ошибся и что подарки хотя и были вручены Ираклием, но получил их не хазарский князь, а правитель всего Тюркского каганата, Тон-ябгу каган, который лично прибыл под стены Тбилиси.

Дело в том, что патриарх Константинопольский Никифор (806—815) в своей «Краткой истории» описывает (правда, не называя точного места) встречу Ираклия с «турецким

государем», во время которой император не только почтил союзника подарками, но и сосватал за него свою дочь Евдокию⁸⁵. У Никифора речь безусловно идет о Тон-ябгу кагане, поэтому некоторые современные историки считают, что под стенами Тбилиси Ираклий встречался с владыкой всего каганата⁸⁶. Некоторые даже полностью отождествляют Джебу-хакана Каланкатуаци с «турецким государем», о котором пишет Никифор, считая их одним и тем же лицом — главой Западно-Тюркского каганата, а в качестве «владыки севера» рассматривают восточно-тюркского кагана⁸⁷. Другие, напротив, подчеркивают, что при штурме Тбилиси, равно как в ряде дипломатических переговоров, Ираклий имел дело именно с хазарским правителем⁸⁸.

Последней версии, кстати, придерживался и Феофан, который писал, как «хозары, перешедши каспийские врата», вторглись в персидские земли «под предводительством Зиевила достоинством второго по Хагане; и где они ни проходили, везде брали в плен Персов, а города и села огню предавали». Когда захватчики подступили к Тбилиси, к ним присоединился царь Ираклий со своим войском. «Зиевил, увидевши его, подъехал к нему, целовал его в плечи и поклонился ему в виду Персов, смотревших из города Тифлиса. Все войско Турецкое упавши ниц на землю лбами, и как бы пораженные величием царя, почли его честью, необыкновенною для других народов. Равным образом и начальники их, взошедши на скалы, пали с тем же видом почтения. Зиевил представил царю сына своего, у которого пробивался первый пушок на бороде; он восхищался словами его и поражен был величественным видом его и мудростью; отобравши сорок тысяч храбрых воинов, он поручил их царю как вспомогательное войско, а сам возвратился в страну свою; с сим войском царь пошел против Хозроя»⁸⁹.

Древние авторы очень часто пренебрегали точностью в указании имен, титулов, этнических и географических названий, считая многие вещи очевидными для современников. Для нас они, к сожалению, не столь очевидны. Когда мы встречаем в раннесредневековом тексте сообщение о «хазарах», под ними могут иметься в виду «тюрки вообще», равно как и наоборот. А титулы «каган» и «царь» могли достаточ-

но вольно применяться к властителям самого разного уровня по произволу летописцев.

Но независимо от того, кого именно почтил Ираклий своей дружбой при первом штурме Тбилиси, Тон-ябгу кагана или хазарского князя (хакана, царя), штурм этот не удался. Каланкатуаци пишет:

«И вот, когда жители города узнали о том, что те собираются снять осаду и удалиться, то еще больше возгордились и затеяли игру, которая и стала причиной их гибели: принесли они огромную тыкву... и нарисовали на ней лицо царя гуннов: вместо ресниц провели линии, которые нельзя было заметить, место, где должна быть борода, оставили отвратительно голым, ноздри сделали шириной в пядь, усы — редкие, так что нетрудно было его узнать. Затем принесли [разрисованную] тыкву, поставили на стене лицом к ним и, обращаясь к вражеским воинам, стали кричать: “Вот он здесь, ваш государь-царь, придите поклонитесь ему. Это Джебу хакан!” И, взяв копьё в руки, на их же глазах стали колотить тыкву, изображающую хакана. Издевались и насмеялись также и над другим царем [Ираклием], поносили его, называя гнусным мужеложником»⁹⁰.

Грузинские источники добавляют, что жители осажденного города называли императора Ираклия козлом⁹¹. «Увидев и услышав все это, разгневались цари, надулись и, накапливая месть в сердце своем, стали качать головой и клясться великими клятвами, мол, если даже не останется в живых никого из подданных в их царстве, они все равно должны отомстить им за эти оскорбления. И, повернувшись, они удалились с этими угрозами»⁹².

Жители Тбилиси погорячились совершенно напрасно, потому что в самое ближайшее время город все-таки пал. Ираклий в этом взятии, несмотря на нанесенную ему личную обиду, уже не участвовал. Впрочем, по свидетельству той же книги, он не слишком обиделся на «козла» и в ответ остроумно сослался на библейскую Книгу Даниила, сказав: «Пришел козел Запада и сокрушил рога восточного овна»⁹³. Осаду города он поручил Джебу-хакану, сам же со своей армией направился в центральные области Персии⁹⁴. А хазары под предводительством Шата в конце концов взяли Тбилиси⁹⁵.

Каланкатуаци пишет:

«...Руки их проливали потоки крови, ноги их топтали трупы мертвецов, а глаза их видели груды истребленных, [подобных] сплошному слою града. Лишь тогда, когда умолкли вопли и стоны, [когда] никого, ни одного [из осажденных] не осталось в живых, поняли они, что утолились кровью мечи их. Тогда [схватили] и привели двух князей, один из них был правителем, [назначенным] персидским царем, другой же из местных жителей, из княжеского рода Иверии. Когда привели их к царю [хазиров], он повелел выколоть им глаза за то, что они изобразили его слепым, желая оскорбить его. После страшных пыток задушили их и, содрав с них кожу и выделав, набили сеном и повесили на [городской] стене. После они захватили сундуки, полные сокровищ, и, тяжело нагружившись ими, все множество воинов приносило и сыпало [сокровища], куча на кучу и груды на груды перед своим повелителем. И так много принесли [сокровищ], что он устал смотреть на несметные, неисчислимые таланты золота и серебра. А кто бы мог рассказать, как много было [награблено] церковной утвари и украшений, униженных жемчугом и драгоценными камнями.

Так, исполнив волю свою, он приказал погрузить всю добычу и, взяв сокровища, возвратился к себе. Войско же воинственное он оставил под началом сына своего Шата вместе с его храбрыми наставниками, повелев им двинуться на Алуанк. И наказал им следующее: “Если вельможи и правители страны выйдут навстречу сыну моему и добровольно отдадут свою страну мне в повиновение и откроют перед моими войсками ворота своих городов, крепостей и постоянных дворов, тогда и вы позвольте им жить и служить мне, а если нет, то да не сжалится вообще глаз ваш над [жителями] мужского пола свыше пятнадцати лет. Юнцов же и женщин оставьте как слуг и служанок на служение мне и вам”»⁹⁶.

Тбилиси был взят в 628 году; как можно видеть, в это время хазарский хакан выступает уже как самостоятельный государь. Западно-Тюркский каганат, в состав которого хазары формально все еще входили, уже стоял на пороге смуты, которая приведет его к распаду и гибели.

Распад Западно-Тюркского и возникновение Хазарского каганата

В 630 году владыка Западно-Тюркского каганата, Тон-Ябгу каган, к которому уже ехала невеста, дочь Ираклия Евдокия, был убит заговорщиками во главе со своим дядей Моходо. Евдокию с дороги вернули обратно⁹⁷.

Узурпатор тоже недолго продержался на троне и в следующем году погиб в борьбе с новым претендентом на власть.

В каганате возникли две основные политические группировки, Дулу и Нушиби. Первых поддерживали болгары, которые примерно в это время образовали в Прикубанье свое независимое государство, Великую Болгарию (Булгарию). Сторону Нушиби держали хазары, которые все еще числились в составе Западно-Тюркского каганата.

Предводитель Нушиби, хан Иби-Шегуй из рода Ашина, проводил прокитайскую политику, но, на беду злополучного хана, Китай воспользовался ослаблением каганата и оккупировал его восточные владения. С этого времени (651 год) начинается период окончательного распада Западно-Тюркского каганата (он пал под ударами китайцев в 659 году⁹⁸), который нас, впрочем, уже не интересует — в степях Восточной Европы это умирающее государство свои земли и влияние потеряло. А злополучный хан Иби-Шегуй за былую дружбу с Китаем был свергнут своими вчерашними сторонниками. Дальнейшая судьба его доподлинно не известна⁹⁹, есть мнение, что он был убит¹⁰⁰. Так или иначе, либо он сам, либо кто-то из его ближайших родичей и сподвижников, тоже принадлежавших к роду Ашина, возможно, сыграли важнейшую роль в истории зарождающегося хазарского государства. Правда, сведения об этом сохранились крайне скудные и их нельзя признать достоверными.

В книге «Худуд ал-алам» («Книга путей и государств»), написанной в X веке, говорится: «Слово об области хазар. Это — область очень богатая и населенная, со многими доходными статьями; из нее вывозятся быки, бараны и пленники без числа. Итиль — город, через который посередине

проходит река Итиль; он столица хазар и местопребывание царя, которого называют тархан-хаканом; он из потомков Анса...»¹⁰¹

Некоторые исследователи считают, что «Анса» (Асена) — один из вариантов написания «Ашина», того самого тюркского рода «волка», к которому принадлежали правящие династии Тюркского, а потом и Западно-Тюркского, и Восточно-Тюркского каганатов¹⁰². Они подчеркивают, что владетели Хазарии с первых дней существования государства именовали себя каганами, и, значит, основатель их династии имел на это право¹⁰³. Дело в том, что каган у тюрков был не просто правителем — он имел сакральные функции, которые могли передаваться только внутри рода Ашина. Тюркская мифология подчеркивает небесное происхождение каганского рода, повествует о небесном звере — предке династии¹⁰⁴. Правда, случалось, что вожди некоторых народов (например, уйгуров) той эпохи получали либо присваивали себе титул кагана, но эти каганы все-таки были не вполне «настоящие». Что же касается каганов хазарских, то они подчеркивали, что являются преемниками тюркских правителей¹⁰⁵. Не случайно совпадают и некоторые обычаи, связанные с их сакральными функциями: например, обычай душить кагана во время инаугурации, с тем чтобы он в полубессознательном состоянии назвал срок своего грядущего правления¹⁰⁶.

Историки, считающие хазарских каганов потомками рода Ашина, полагают, что опальный тюркский хан Иби-Шегуй или же его преемники, бежавшие от разгневанных вчерашних сторонников, заключили союз с хазарами и возглавили их зарождающееся государство, придав ему высокий статус своим священным происхождением.

Отметим, что эту версию сегодня поддерживают очень немногие исследователи, считая связь хазарской династии с родом Ашина «старым фантомом хазарологии»¹⁰⁷. Более достоверным считается, что слово «Анса» (инса, иша) — это искаженный титул «шад». Шад был, конечно же, человеком не последним — в тюркских государствах этот титул обычно носил второй по значимости человек после кагана, например верховный главнокомандующий. Тем не менее сакральных

функций он не имел, и в этом случае нет особых оснований возводить род хазарских каганов к тюркскому роду Ашина¹⁰⁸.

Но кто бы ни возглавил хазарское государство, оно образовалось не позже середины VII века, а возможно, и раньше, еще до окончательного падения Западно-Тюркского каганата¹⁰⁹.

Хазары и болгары

Примерно тогда же в Прикубанье происходило объединение живших там болгарских племен (напомним, что они еще не имели никакого отношения к славянам), которые до того времени так и не смогли создать свое независимое государство. Теперь, во времена кризиса Западно-Тюркского каганата, хан Куврат (Кубрат, Кроват) возглавил их и основал Великую Болгарию — произошло это в 635 году¹¹⁰.

Границы этого государства известны крайне приблизительно, поскольку разные средневековые авторы определяют их по-разному¹¹¹. Главным источником сведений на этот счет является Феофан Исповедник, но сей благочестивый муж более прославился умением изгонять бесов¹¹², чем знанием географии. Его «Хронография», охватывающая промежуток с 285 по 813 год, содержит немало ценных исторических сведений, но при этом Волга (Атель, или Итиль) у Феофана впадает в Азовское море, а Дон (Танаис), беря начало в горах Кавказа, впадает в Волгу¹¹³. Поэтому, несмотря на то что многие историки пытаются извлечь из географических сведений Феофана какое-то рациональное зерно, авторы настоящей книги остерегаются с его слов говорить о землях, входивших в состав Великой Болгарии. Во всяком случае, они находились восточнее Днепра и западнее Северного Прикаспия, на юге безусловно захватывая Прикубанье¹¹⁴.

Никифор пишет: «В это время Куврат, племянник Органа, государь уногундуров, восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию [Куврат] посылает посоль-

ство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. [В ответ Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия»¹¹⁵.

Есть веские основания думать, что в текст Никифора вкралась описка и что он имел в виду не аварского, а тюркского кагана¹¹⁶, поскольку жившие в Приазовье гунно-болгары в это время находились под властью тюркютов¹¹⁷. Так или иначе, болгары под началом Куврата и покровительством Византии обрели долгожданную независимость. Но сохраняли они ее недолго, лишь до смерти Куврата около 650 года. Феофан Исповедник пишет про болгарского царя:

«Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе так, чтобы они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу. Но спустя недолгое время после его смерти, разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом»¹¹⁸.

Первый сын Куврата, Батбаян (Ваян) остался на земле предков. Второй, Котраг, переправился через реку Танаис (Дон) и поселился напротив брата. Третий, по имени Аспарух, переправился через Днепр и Днестр, вступил в военные столкновения с византийцами и в конце концов обосновался на территории нынешней Болгарии, покорив жившие там славянские племена. Четвертый и пятый братья переправились через Дунай и стали вассалами один — аварского, а второй — византийского правителей.

«Так вот, после того как они разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне»¹¹⁹, — писал Феофан на рубеже VIII–IX веков.

Автор «Хронографии», конечно, упростил ситуацию. Четверо сыновей Куврата ушли искать счастья на чужбине вовсе не потому, что им надоело жить вместе, — они отступили под мощным натиском хазар, которым болгары поначалу пытались оказать сопротивление¹²⁰. Часть болгар была вытеснена на запад, и в дальнейшем их история с хазарской более

не пересекалась. Широко распространено мнение, согласно которому другая часть болгар переселилась на север и в итоге стала предками волжских булгар. Однако переселение это не упоминается ни в каких письменных источниках¹²¹, а археологические находки допускают разные толкования...

Что же касается болгар Батбаяна, они сразу оказались в подчиненном положении у хазар и были с тех пор известны как «кубанские болгары» или «черные болгары»¹²². Вскоре они, по-видимому, отказались от кочевого образа жизни, осели на южных землях Хазарского каганата и восприняли многие ремесленные традиции алан. В основном в результате культурных контактов этих двух народов возникла салтово-маяцкая археологическая культура, которая к середине — второй половине VIII века сформировалась на большей части территории каганата. Свой этноним болгары Батбаяна сохранили, и он, слегка видоизменившись, дожил до наших дней, превратившись в слово «балкарцы» — название народа, в формировании которого приняли участие в том числе кубанские болгары и аланы¹²³.

С разгрома Великой Болгарии начался стремительный рост молодого хазарского государства.

Глава 3 Кто такие хазары

Итак, по словам Феофана, хазары вышли «из глубин Берзилии»¹²⁴. Это мало что добавляет к нашим сведениям, поскольку, где бы ни находилась, с точки зрения Феофана, загадочная Берзилия (Берсилия, Барсилия), хазары с того времени, как о них стали появляться более или менее правдоподобные сообщения, обитали на западных берегах Каспия. Впрочем, что касается Берзилии, то и сама эта страна, и народ берсил (барсил, басил) неоднократно упоминаются средневековыми авторами.

Обычно Берзилию связывают с Дагестаном. Кудама, рассказ которого о предыстории строительства Дербентских укреплений мы уже цитировали, писал, что, когда коварный перс Хосрой Ануширван, подсунувший хазарскому правителю безродную невесту под видом царевны, «отправился к Хазарцу», они встретились «на месте, известном под именем ал-Баршалия»¹²⁵ — оно безусловно находилось недалеко от границы, разделяющей Персию и владения «Хазарца».

Географический трактат, приписываемый Моисею Хоренскому, среди 53 народов, живущих в Сарматии, перечисляет хазар и басликов (они же — барсилы). Он сообщает, что барсилы живут в дельте Волги на острове, где они укрываются «от сильных народов Хазар и Бушхов, приходящих на

зимние пастбища и располагающихся на востоке и на западе реки». Не вполне понятно, почему барсилы были так пугливы, что «укрывались» от хазар, — далее автор сообщает, что из этого племени происходила сама хазарская царица. Он пишет: «Царь севера называется хаган. Он владыка Хазар. Царица же, жена хагана, происходит из народа Басилов»¹²⁶. М. И. Артамонов тоже выразил обоснованные сомнения по поводу запуганных хазарами барсил — он считает, что эти два народа жили в тесном союзе друг с другом, кочуя вдоль Каспия, от Кавказа до Волги¹²⁷. Существует мнение, что барсилами называли алан, которые в VII веке действительно жили в Центральном Предкавказье¹²⁸.

О том, как хазары появились в стране барсил, существует легенда, записанная в XII веке Михаилом Сирийским. В царствование императора Маврикия из Внутренней (то есть северной¹²⁹) Скифии вышли три брата, ведя за собой 30 000 скифов. Они дошли до реки Танаиса (Дон), после чего один из братьев, по имени Булгар, перешел ее и направился к Дунаю. Здесь он заключил союз с византийским императором и получил от него Верхнюю и Нижнюю Мезию* и Дакию (земли на территории современной Болгарии и Румынии). Что же касается двух других братьев, одного из которых звали Хазарик (Хазариг), они дошли до страны алан Берсилии, расположенной на Каспии. Автор говорит о стоявших здесь городах, называвшихся «вратами Тугае», с не вполне понятным именем — некоторые историки считают, что имелся в виду Дербент. Жителей этой страны звали пугары, и они были христианами. А завоевавший их народ по имени одного из братьев стал называться хазарами¹³⁰.

В том, что касается «скифа» Булгара, сообщению Михаила полностью доверять нельзя, поскольку болгары пришли на Балканы по крайней мере на полтора века позже царствования Маврикия. Но по поводу хазар сириец, возможно, несколько более точен, хотя хазары, напротив, появились в Прикаспии раньше, чем он пишет. Во всяком случае, упомянутую Михаилом Берсилию другие авторы тоже поме-

---

* У М. И. Артамонова Мезия названа Мизией, но это — явная опечатка.

шают на территории современного Дагестана. Кстати, население Дагестана в те времена, когда там появились хазары, действительно частично исповедовало христианство. Согласно церковному преданию, уже в I веке в окрестностях Дербента проповедовал Егише (Елисей), ученик «апостола от семидесяти» Фаддея — одного из семидесяти учеников Христа, посланных им нести слово Божие «во всякий город и место, куда Сам хотел идти»¹³¹. В начале IV века христианство стало государственной религией Кавказской Албании, в которую входила и часть современного Дагестана. Тогда же начинается приток миссионеров к кочевникам Прикаспия. А во второй половине V века албанский царь Ваче II сделал Дербент христианским оплотом Кавказской Албании в борьбе с зороастризмом¹³². Хазары, которые во все времена отличались высокой веротерпимостью, не препятствовали распространению христианства на землях Берсилии.

Отсюда, из Берсилии, хазары и начали свое победоносное шествие по степям Юго-Восточной Европы. По поводу того, что они обитали здесь по крайней мере начиная с VI века, сомнений не существует. Гораздо более спорным является вопрос о том, как они здесь очутились. На этот счет в ученом мире существует множество самых разнообразных и взаимоисключающих теорий.

Самой радикальной (и беспочвенной) из них является точка зрения Гумилева, который считает, что хазары — «потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии» — никогда не жили в степях и не были кочевниками. С точки зрения автора книги «Древняя Русь и Великая степь», до III века н.э. они «ютились в низовьях Терека». Потом климат изменился, Волга стала более полноводной и образовала дельту, состоящую из множества рукавов. Жившие здесь кочевники-сарматы, гонимые избытком влаги и комарами, передвинулись в степь, а их место заняли хазары, которые комаров не испугались и распространились вдоль берегов Каспия вплоть до дельты. Они ловили рыбу, охотились и разводили виноград.

«В то время, когда степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами (III в. до н.э.),

гуннами (IV в. н.э.), болгарами (V в.), аварами (VI в.), мадырами и печенегами, хазары спокойно жили в густых прибрежных зарослях, недоступных для кочевников, с которыми они всегда были врагами»¹³³. Здесь их завоевали тюркюты, здесь победители жили бок о бок с побежденными, вступая в связи с местными женщинами и передавая хазарам «некоторые антропологические и физиологические черты»¹³⁴. И сюда, на берега Каспия, бежал во время смуты в Западно-Тюркском каганате наследник рода Ашина, чтобы стать во главе нового государства — Хазарского каганата.

«Царевич-беглец и его соратники, принятые хазарами гостеприимно, не слились с массой народа и не противопоставили себя ей. Они продолжали жить кочевым бытом, только зиму проводя в домах в Итиле...»¹³⁵ Что же касается хазар, то они, согласно Гумилеву, «не рисковали выходить в степь» и «брали от природы только избыток, которым она могла смело поделиться: рыбу, виноград и плоды из садов»¹³⁶.

Отметим, что, называя хазар «потомками древнего европеоидного населения Западной Евразии»¹³⁷, тот же Гумилев в более ранней работе утверждает, что хазары — «потомки хуннских завоевателей и сарматских женщин»¹³⁸. За тридцать лет, конечно, можно пересмотреть свое мнение... Но поскольку ни старую, ни новую точку зрения он не обосновывает, а другие специалисты отказываются даже обсуждать эту тему, вопрос об оседлых хазарах, которые всю свою долгую историю провели «в густых прибрежных зарослях», вероятно, можно считать закрытым.

Сегодня ученые, каких бы воззрений по поводу происхождения хазар они ни придерживались, во всяком случае, считают их кочевниками, наследниками тюркоязычных народов. Есть сведения, что хазары были одним из осколков Гуннского союза, смешавшимся с тюркютами (именно поэтому авторы настоящей книги позволили себе в первой главе так долго и, казалось бы, безосновательно говорить о гуннах), хотя за долгие века скитаний по Евразии первоначальные хунну, прежде чем превратиться в хазар, претерпели изрядные изменения и в облике, и в языке, и в культуре.

Византийские и арабские писатели почти единогласно причисляли хазар к тюркам (напомним, что к тюркам в широком смысле относят и гуннские тюркоязычные племена).

Сами хазары считали себя родственниками нескольких народов, преимущественно тюркоязычных. В знаменитом письме хазарского царя Иосифа испанскому еврею Хасдаю ибн Шапруту (Шафруту) говорится: «Знай, что мы (происходим) от сынов Иафета, от сынов его сына, Тогармы. Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было десять сыновей, и вот их имена: первый — Агийор, (затем) Тирас, Авар, Угии, Биз-л, Т-р-на, Хазар, З-нур, Б-л-г-д, Савир. Мы происходим от сыновей Хазара; это седьмой (из сыновей)»¹³⁹. Не все имена сыновей Тогармы расшифрованы, но среди них можно достаточно уверенно назвать родоначальников угров, гузов, авар, барсил, оногур, болгар и савир¹⁴⁰.

Язык хазар, по свидетельству арабских авторов, был похож на язык гунно-болгар. Последний почти не сохранился, но по «Именнику болгарских ханов» и нескольким найденным в Дунайской Болгарии и на Волге надписям установлено, что он был близок к современному чувашскому и произошел от тюркского, на который оказали немалое влияние угры, некоторое время жившие под владычеством гуннов¹⁴¹.

От самого хазарского языка до наших дней уцелело очень немного. Сегодня мы знаем, как по-хазарски назывались некоторые титулы и должности. Кроме того, известно, как примерно звучали слова «тризна», «цветок», «собака», «лось», «доблестный», «белый», «желтый», «черный», — их сохранили тексты, написанные на других языках. Известны и некоторые суффиксы, входившие в состав хазарских слов. Всего этого достаточно для некоторого филологического анализа. Марсель Эрдаль, специально занимавшийся исследованием хазарского языка, подчеркивает, что хазары — это «тюркский народ, говоривший на тюркском языке»¹⁴².

М. И. Артамонов подчеркивает тесное родство хазар с савирами (напомним, что это было угорское племя, попавшее под влияние гуннов и переселившееся с ними на запад). Не случайно Масуди называл хазар тюркскими савира-

ми, а Балазури (арабский историк X века) именует главное савирское поселение в Азербайджане — «Хазар». Артамонов считает, что хазары и савиры составляли большое объединение родственных племен, во главе которого поочередно стоял то один, то другой народ, и соответственно всех членов этого союза могли называть то хазарами, то савирами¹⁴³. В этом случае все те достаточно интересные сведения, которые оставили средневековые авторы о замечательных савирских инженерах — изобретателях осадных машин — и о воинственной савирской царице Боа, могут в равной степени относиться и к хазарам.

Крупный отечественный историк-востоковед А. П. Новосельцев подчеркивает роль тюркютов в образовании хазарского народа. Он предполагает, что известное еще из китайских источников тюркское племя «ко-са» (с которым связывают этноним «хазары»), входившее в состав Тюркского каганата, попав в Предкавказье во второй половине VI века, ассимилировало савир, которые жили здесь еще со времен гуннского нашествия, и местные племена иранского происхождения, среди которых были барсилы, баланджары и другие¹⁴⁴.

Кроме того, в науке издавна бытует предположение, что хазары произошли от племени акациров, обитавшего в V и VI веках н.э. в Восточной Европе. Ранневизантийский историк Приск Панийский в конце V века писал, что акациры жили «в припонтийской Скифии»¹⁴⁵, то есть в степях Северного Причерноморья. Веком позже Иордан, описав балтийские народы, сообщал: «К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты. Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья, [совершившиеся] по грехам нашим»¹⁴⁶. Таким образом, акациры оказывались живущими примерно в средней полосе Восточной Европы.

Высказывалось мнение, что акациры обитали там с древних времен и что еще Геродот описал их под именем агафирсов¹⁴⁷. Но чаще их считают гуннами, осевшими на завоеванных землях¹⁴⁸. Недаром «ак-хазир» по-тюркски означает «белый хазар» (гунны говорили на языке той же группы).

Правда, Приск, которому принадлежит большая часть сведений об акацирах, называет их скифами, но этот автор, не балуя читателей разнообразием этнонимов, называет скифами и безусловных гуннов. Приск подробно рассказывает о том, как акациры, которые ко временам Аттилы были независимы от Гуннского союза (возможно, они от него откололись), создали крупное племенное объединение: «В Акацирском народе было много князей и родоначальников». Византийский император посылал им дары «для того, чтоб они, быв между собою в согласии, отказывались от союза с Аттилою». Но «тот, кому были поручены эти подарки, роздал их каждому князю не по достоинству», в результате чего обиженные акациры пошли на раскол и обратились к царю гуннов. Тот послал для наведения порядка «многочисленное войско». «Одни из князей Акацирских были этим войском истреблены, другие принуждены покориться», после чего Аттила поставил царем над непокорными акацирами своего сына¹⁴⁹.

Но держава гуннов распалась, и племя акациров, уже и без того разобщенное, было оттеснено в степи Прикаспия, в земли барсил. Во времена господства гуннов оно было лесным или полулесным, высказывалось даже предположение, что само их название буквально означало «лесные люди»¹⁵⁰. Теперь на первый план вышел тот факт, что они — кочевники, и их стали называть хазарами (от тюркского «каз» — кочевать, бродить)¹⁵¹.

Оригинальную точку зрения на происхождение этнонима «хазары» высказывает украинский археолог А. В. Комар, исследователь раннесредневековых кочевников: он предполагает, что хазары — это вообще не этноним и что так в Тюркском каганате называли воинское подразделение, состоящее из тысячи человек¹⁵². Кроме этих тюркютских «тысяч», которые могли состоять из людей разных национальностей, на берега Каспия в V веке переселились телесские племена. Когда-то они занимали территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана, получив название «уйгуры»¹⁵³, входили в состав Тюркского каганата и вместе с ним участвовали в завоевании запада, хотя и совершали попытки отделения (не всегда удачные)¹⁵⁴. Теперь некоторые из них

были переселены тюркютами на северо-восточные берега Каспия и стали жить рядом с воинскими «тысячами». Местные жители, не видевшие особой разницы между своими завоевателями, даже и принадлежавшими к разным народам, стали звать всех пришельцев по названию их военных подразделений — «хазарами»¹⁵⁵.

Перечисленные выше гипотезы в основном делают акцент на происхождении хазар из осколков Гуннского союза. Влияние собственно тюркютов на образование хазарского этноса в них если и признается, то считается не слишком значительным. А роль Иби-Шегуй-хана из династии Ашина сводится к тому, что он возглавил чуждое ему племя, придав ему вес сакральностью своего происхождения.

Но существует и гипотеза, которую можно условно обозначить как «тюркютскую». По мнению М. И. Артамонова, Иби-Шегуй-хан из рода Ашина, проиграв борьбу за власть, мог бежать в Северный Прикаспий не с небольшой свитой, а с многочисленной «дружиной» тюрк-нушиби¹⁵⁶.

А. К. Аликберов указывает, что небольшому объединению гунно-савир в Прикаспии вряд ли было бы по силам сдерживать натиск арабов в середине — второй половине VII века¹⁵⁷. При этом «новорожденное» хазарское государство одновременно умудрялось вести активную экспансию в другом направлении: сокрушив Великую Болгарию потомков Куврата, подчинив Боспор и большую часть Крыма, хазары уже к концу VII века захватили огромные пространства степей Юго-Восточной Европы.

Из сообщений некоторых средневековых авторов можно сделать вывод о прибытии в середине VII века в область «царства гуннов» в Дагестане крупной и воинственной группы тюрк. Так, у арабского историка XIII века Ибн ал-Асира сообщается о союзе, заключенном в 652/653* году между тюрками и хазарами: «Тем временем тюрки объединились с хазарами и вступили с мусульманами в кровопролитную

---

* Через косую черту здесь и далее даны даты, переведенные из мусульманского календаря, начало года в котором не совпадает с григорианским.

войну...»¹⁵⁸ Возможно, именно вследствие этого союза чаша весов в противостоянии хазар с арабами стала склоняться в пользу первых.

М. И. Артамонов обращает внимание на то, что арабские источники, говоря о раннем этапе существования Хазарского каганата, различают хазар и тюрк¹⁵⁹. При этом хронисты не всегда понимают, кого же они, собственно, имеют в виду под хазарами. Так, Масуди то называет хазар тюрками, то отказывает им в этом¹⁶⁰.

Отметим, что арабские авторы X века сообщают о двух типах внешности у хазар. Ал-Истахри пишет: «Хазары не похожи на Турок; они черноволосы и их два класса: одни называются “Карахазары” (от тюркск. «кара» — «черный». *Авт.*); они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс — белый, видный по красоте и наружным качествами»¹⁶¹. Не известно, о ком, собственно, пишет ал-Истахри — о собственно хазарах или о жителях каганата (арабский путешественник мог не до конца разобраться в сложной этнической картине этого многонационального государства). Тем не менее, возможно, это намек на то, что среди тех, кого называли хазарами, могли существовать два достаточно разных этноса.

В 1971 году на Дону впервые был раскопан один из курганов, позднее названных «курганами соколовского типа», или «с квадратными ровиками»¹⁶². Многие археологи считают, что они стали появляться в степи во второй половине — последней трети VII века — то есть в то самое время, когда, согласно письменным источникам, дагестанские «хазары» были усилены тюркютами, пришедшими из распадающегося Западно-Тюркского каганата. А. И. Семенов первым предположил, что курганы эти — тюркютские и что в них захоронены те, кого многие средневековые источники, повествуя о событиях начиная от середины VII века, называют хазарами¹⁶³. Сегодня это мнение разделяют десятки исследователей¹⁶⁴.

Таким образом, есть веские основания думать, что под словом «хазары» разные средневековые авторы имели в виду два достаточно разных народа. Сначала так называли жителей Северного Дагестана, происходивших, вероятно, из осколков Гуннского союза. Но после того, как сюда пришла

мощная волна тюркютов, ставших ведущим этносом в основанном ими каганате, слово «хазары» перешло прежде всего на них. Именно эти люди, еще не успевшие смешаться с хазарами Дагестана (а возможно, так никогда с ними и не смешавшиеся), разгромили Великую Болгарию, подчинили Причерноморские степи и большую часть Крыма.

Конечно, какие-то процессы ассимиляции в государстве не могли не идти. Кроме того, со времен основания Хазарского каганата словом «хазары» могли называть любых его жителей (как иностранцы зовут «русскими» всех жителей России). Но прежде всего это слово теперь относилось к тем, кто определял его политику, представлял основную военную силу и непосредственно завоевывал новые территории, — а это были уже не гунно-савиры (акациры, уйгуры...), а турки...

Впрочем, это — только одна из нескольких гипотез о происхождении хазар, но авторам настоящей книги она представляется наиболее резонной.

Итак, народы, в конце концов ставшие хазарами, несмотря на все многообразие версий об их происхождении, вышли из глубин Центральной Азии в составе хунну, или тюркютов, или и тех и других. Эти люди проделали долгий путь до берегов Каспия. По пути они испытали многочисленные влияния разных народов, с которыми в какой-то мере смешались и с которыми их часто путали. Теперь, в середине VII века, они наконец определились со своей идентификацией, получили более или менее однозначное имя и образовали свое государство — Хазарский каганат.

Глава 4 Города и крепости Дагестана. Войны с арабами

Подчинив Великую Болгарию, хазары в несколько раз увеличили свою территорию, дойдя почти до Дуная. Государство стремительно раздвигало свои границы на запад, на юго-запад и на север. Уже в семидесятые годы VII века под властью хазар оказались степи между Каспийским и Азовским морями и все Северное Причерноморье, Нижний Дон, Нижняя Волга и большая часть Крыма. А к VIII веку они господствовали уже и над волжско-кавказскими булгарами¹⁶⁵.

На юге хазарам везло меньше. Примерно в те самые годы, когда они в разваливающемся Западно-Тюркском каганате создавали свое государство, в соседнюю Персию вторглись войска Арабского халифата. Падение тюркского государства, создание государства хазарского и окончательный разгром Персии совпали с точностью до нескольких лет. В результате молодой Хазарский каганат получил на юге нового, очень серьезного противника. На этих землях о продвижении вперед речь не шла — хазары с трудом удерживали свои старые позиции.

Дербент

Начиная с 640 года арабы периодически опустошали Армению, Грузию и Кавказскую Албанию, пока эти страны не признали свое поражение и не отдались под протекторат халифата. Арабы воевали настолько хорошо, что среди хазар, если верить Ибн ал-Асиру, распространилось мнение, что «эти люди не подвержены смерти». Историк пишет: «...Мусульмане совершали еще несколько походов (против хазар), однако никто из них не был убит, и поэтому они (хазары) подумали, что они (мусульмане) не умирают». Впрочем, нашлись среди хазар и скептики. «“Не попытаться ли нам (убить их)”», — сказали некоторые из них, и они устроили им (мусульманам) засаду в лесу, а когда некоторые (мусульманские воины) прошли мимо засады, в них пустили стрелы и убили их»¹⁶⁶. Вероятно, результаты этого эксперимента воодушевили хазар, и с тех пор их войны с арабами шли с переменным успехом.

В 654 году арабы завоевали Азербайджан, который до тех пор входил в состав Персии. Под их властью оказался и Дербент. Персидский комендант города сдал крепость, попросив сохранить за ним должность и избавить жителей от налогов. Арабы согласились и сдержали слово, но ничего хорошего для жителей Дербента из этого не получилось: крепость стала военной базой халифата для набегов на земли хазар. Ее персидский комендант тщетно отговаривал завоевателей от продвижения на север, уверяя, что он не для того решил дело миром с арабами, чтобы навлечь на себя новых врагов¹⁶⁷.

Действительно, после этого многострадальный Дербент стал переходить из рук в руки. Хазары и арабы сменяли здесь друг друга каждые несколько лет в течение всей второй половины VII и начала VIII века. В 713 году арабы в очередной раз взяли город, в котором стоял трехтысячный хазарский гарнизон, — им помогла измена одного из жителей, который показал им ведущий в крепость подземный ход. Арабы вырезали население города и разрушили крепостные стены и башни, потому что понимали: Дербента им не удержать¹⁶⁸.

Армянский историк VIII века Гевонд (ошибочно относящий это событие к 717 году, к правлению халифа Сулеймана¹⁶⁹) пишет:

«На втором году своей власти Сулейман собрал многочисленное войско, поручил его военачальнику своему Мслиму (Маслама, внебрачный сын халифа Абд аль-Малика. — *Авт.*), и отправил его к воротам каспийским. Достигши места своего назначения, (войска Исмаила) сразились с войсками гуннскими, занимавшими город Дербент. Они разбили (Гуннов) и прогнали их, разрушивши стены и башни крепости».

По сообщению Гевонда, разрушая крепость, арабы нашли в ее основании камень с начертанной на нем надписью: «Маркиан, самодержавный император, выстроил город и твердыню эту, истратив на это много талантов из сокровищ своих. Впоследствии сыны Исмаила разрушат их и возобновят на свои сокровища». Арабы поверили и сообщению о строительстве крепости византийским императором середины V века Маркианом, и пророчеству, хотя оно и было сделано христианами. После чего они «перестали разбивать стены и, набрав каменщиков, снова выстроили разрушенную стену»¹⁷⁰.

В том, что крепость была построена императором Маркианом, есть рациональное зерно. Хотя первые укрепления появились на месте Дербента еще в VIII веке до н.э., крепость неоднократно перестраивалась, в том числе при персах. В середине V века принадлежала она, безусловно, последним, но Византия, которая в те годы находилась с Персией в самых дружеских отношениях, неоднократно финансировала их оборонительные сооружения — они сдерживали натиск кочевников, угрожавших в том числе и самой Византии. Поэтому Маркиан вполне мог участвовать в строительстве дербентских укреплений — по крайней мере деньгами¹⁷¹.

Значительно менее вероятным представляется сделанное им пророчество, хотя бы потому, что в его времена никакого Арабского халифата еще не было. Тем не менее Маслама отстроил им же разрушенные стены Дербента. Правда, по сообщениям других авторов, он сделал это только в тридца-

тые годы VIII века, когда арабы окончательно укрепились в городе и почувствовали, что их войны с хазарами близятся к победному завершению¹⁷².

Баланджар (Варачан)

Бои разгорелись и за город Баланджар, который, вероятно, был первой столицей Хазарии. Где он находился, сегодня в точности не известно. Многие историки отождествляют его с Варачаном (местонахождение которого, впрочем, тоже доподлинно не известно). Во всяком случае, город или города с этими названиями стояли недалеко к северу от Дербента. Арабские авторы пишут, что Баланджар был первым от Дербента городом Хазарии, на который напали арабские войска¹⁷³.

Дагестанский археолог М. Г. Магомедов отождествляет с Баланджаром городище у села Чир-Юрт на реке Сулак¹⁷⁴ (напомним, что городищем археологи называют развалины древнего города или укрепленного поселения). Его поддерживает крупнейший специалист по археологии средневековых кочевников С. А. Плетнева, которая считает Сулак описанной у арабов рекой Баланджар (Беленджер). Исследовательница основывается на том, что, когда в 723 году арабы в очередной раз взяли город, они утопили всех пленных в реке Баланджар — их оказалось слишком много, чтобы справиться с ними каким-либо иным образом. Ни одна другая река Дагестана не подходит для такой массовой акции — они слишком мелкие. И значит, древняя столица хазар стояла на реке Сулак. Правда, в таком случае она оказывается от Дербента дальше, чем об этом сообщают арабские авторы.

Чир-Юртовское городище находится у выхода реки из предгорий на равнину. Город имел площадь около 16 000 квадратных метров. Со стороны равнины он был укреплен глубоким рвом и стеной, достигавшей 10 метров в толщину¹⁷⁵.

Укрепления Чир-Юртовского городища строились в несколько этапов. Поначалу были возведены стены из рва-

ного известняка, положенного на глиняный раствор. Стена состояла из двух панцирей, внешнего и внутреннего, между ними была сделана забутовка мелкими камнями и глиной. Через каждые двадцать метров шли прямоугольные оборонительные башни. В толще стен лежали слои камыша, которые должны были повысить их сейсмическую устойчивость... Эти великолепные фортификации очень скоро были частично разрушены арабами.

Однако жители города отстаивали свою независимость и восстановили стены, хотя им и пришлось «латать» их на скорую руку, используя мелкий камень и забыв о растворе. Но потом они вновь взялись за дело всерьез и по низу стены увеличили толщину наружного панциря на 3–6 метров, положив камни на глиняный раствор, а выше нарастили по нескольку слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Крепостным башням хазары придали округлую форму, теперь диаметр их достигал 16 метров. Въезд в город (он имел ширину четыре метра) был с обеих сторон укреплен 5–6 метровыми стенами и двумя параллельными воротами, расположенными внутри стен, на расстоянии пяти метров друг от друга. Для охраны въезда были дополнительно построены три выносные башни, соединенные с основными стенами каменными перемычками¹⁷⁶.

О мощных укреплениях Баланджара, в частности об одной из башен, которая доставила много неприятностей осаждающим, писал ат-Табари¹⁷⁷. Он рассказывает о двух походах арабов на столицу Хазарии во второй половине VII века. Во время одного из них мусульмане захватили Баланджар, а потом продвинулись еще на 400 километров, дойдя до города ал-Бейд в устье Волги (вероятно, на его месте была позднее построена новая столица Хазарского каганата, Итиль). Впрочем, захватчики не стали закрепляться на этих землях и вернулись обратно в Дербент (попутно обратив жителей завоеванных городов в магометанство)¹⁷⁸.

Второй поход оказался гораздо менее удачным. Баланджарцы вместе с подоспевшими на помощь тюрками атаковали арабов и убили 4000 воинов, в том числе их предводителя Абд-ар-Рахмана. Последнему особенно не повезло, потому что тело его хазары сохранили (вероятно, забальза-

мировав) и поместили в большой сосуд, чтобы с его помощью обеспечить себе победы в грядущих войнах. Таким образом, арабский военачальник должен был магическим образом послужить своим врагам в битвах с его же собственным народом. Кроме того, ему надлежало, по требованию своих победителей, вызывать дождь или засуху¹⁷⁹. Впрочем, ставка хазар на Абд-ар-Рахмана не оправдалась. Автор настоящей книги не известно, как после его убийства обстояли в Хазарии дела с дождем, но в том, что касается побед над арабами, войны велись с переменным успехом, и в 723 году Баланджар был взят и разграблен. Защитники его были перебиты, пленники утоплены, а каждый из 30 000 вражеских воинов получил добычу в размере 300 динаров¹⁸⁰ (то есть 720 грамм золота).

Ибн ал-Асир подробно описал взятие Баланджара. Правда, он почему-то преуменьшил роль знаменитых городских стен и башен, описанных другими авторами, и не стал сообщать о расправах над пленными. Историк пишет об арабском военачальнике, наместнике Армении, по имени ал-Джаррах:

«Далее он двинулся к Баланджару, одному из их (хазар) известных “замков” и осадил его. Население “замка” собрало было триста повозок, связало их вместе и поставило вокруг своего “замка” с целью обороняться ими и не допустить мусульман к замку. Повозки эти являлись самой сильной (помехой) в борьбе мусульман с врагом. Поняв, какой вред приносят эти повозки мусульманским войскам, он (ал-Джаррах) вызвал некоторых воинов в количестве тридцати. Поклявшись умереть, они разбили ножны своих мечей и как один человек подошли к повозкам. Неверующие также (ревностно) воевали с ними и выпустили столько стрел, что покрыли солнце, но те (тридцать человек) шли вперед, пока не дошли до повозок. Они ухватились за некоторые из них, отрезали веревку, которой они были связаны, и потянули их, и они упали вниз и повлекли за собой остальные, так как все они были связаны между собою. После этого к мусульманам спустились все хазары и между ними завязался сильный бой, настолько тяжелый для всех, что “сердца дошли до гортаней”. Все же хазары обратились в бегство, а мусульмане

силой завладели замком и захватили... все, что было в нем, так что каждому всаднику досталось по триста динаров, а их было более тридцати тысяч. И взял ал-Джаррах (в плен) детей владетеля Баланджара и его семью, а затем послал за ним, возвратил ему все его имущество, семью и замок и сделал его соглядатаем для мусульман, который сообщал им все, что делают неверующие»¹⁸¹.

О Баланджаре времен его процветания рассказывает Мовсес Каланкатуаци, описавший миссионерскую поездку албанского епископа Израэла в Варачан (он же, вероятно, Баланджар) в 684 году. Хронист называет Варачан «великолепным городом», а жителей его «несчастливым, но приветливым народом». Несчастье варачанцев проистекало от того, что они «по северной холодной глупости своей вздорные и ложные верования, скверные языческие обряды свои» считали истинными. «Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и предаваясь скверным поступкам, погружались в мрачную мерзость...» Кроме того, жители города были преданы «похотливым желаниям, присущим Афродите». Впрочем, стараниями святого епископа варачанцы очень быстро познали свет истины: теперь они «украшали себя святостью и скромностью» и стали предаваться постам, «забыв прежнюю прожорливость, которую святой епископ благодатью своих светлых наставлений соскреб с их умов».

Что же касается «колдунов и ворожеев, вместе с главными жрецами», епископ Израэл «повелел некоторых из них сжечь на кострах на перекрестках дорог и улиц, чтобы показать [всем], как бессильно суетное колдовство, а некоторых бросил в темницы, и, [таким образом], вся страна избавилась от суетных верований». Кроме того, святой муж отобрал у язычников золотые амулеты и «на глазах у всех своими руками мял и скручивал их, придавая им вид креста, и тем самым показал всем свою праведность». Впрочем, праведность его и так не подлежала сомнению, ведь потому он и был отправлен к язычникам, что «благопристойной жизнью и мудростью души он истинно отличался среди всех остальных и умел завоевывать души других и не преступал заветов покорности и любви».

Тогда же было сожжено капище и вырублена священная роща. Епископ особо озаботился об уничтожении «дуба, с пышной кроной», который «был как бы главой и матерью всех остальных высоких, покрытых густой листвой деревьев» и считался «дарителем жизни и всех благ»¹⁸².

Так жил Варачан (Баланджар) и его обитатели во второй половине VII века. Город этот называют первой столицей Хазарии. В то же время существует мнение, что населяли его в основном потомки дохазарских, прежде всего сармато-аланских, народов и что город сначала был резиденцией местных правителей, а уже позднее — хазарских каганов¹⁸³. Не случайно ат-Табари различает жителей города и тюрок (то есть собственно хазар), которые пришли к ним на помощь во время нападения арабов.

Если Баланджар действительно, как считает Магомедов, соответствует городищу Чир-Юрт, то стоит отметить интересные факты, обнаруженные археологами. Рядом с городом были раскопаны погребальные сооружения трех типов, — по-видимому, они принадлежали трем разным этническим группам: аланам, болгарам и господствующему народу — хазарам. Захоронения последних (в курганах) были самыми богатыми. На кладбище, в подтверждение рассказа Каланкатуаци, стояли две небольшие христианские церкви VIII века¹⁸⁴.

Мовсес Каланкатуаци называет жителей Варачана гуннами — правда, гуннами раннесредневековые историки могли называть кого угодно. Каланкатуаци подчеркивает, что владыка Варачана, «доброжелательный великопрестольный князь Алп-Илитуер», не был владыкой всей Хазарии, хотя и приходился последнему зятем. Хронист пишет о нем: «...Он снискал себе великолепное имя доблестное, совершив многие подвиги храбрости в Туркестане при хакане хазиров, он снискал любовь хакана, и тот выдал за него свою дочь». Кроме того, в Хазарии христианство никогда не было государственной религией. Что же касается Алп-Илитуера, он, «поняв, что отечественные верования скверны и отвратительны», приказал разрушить древние капища и запретил жертвоприношения языческим богам¹⁸⁵.

М. И. Артамонов предполагает, что Варачан был столицей «Гуннского царства» — страны гунно-болгар, находившейся в вассальной зависимости от Хазарского каганата. Что же касается второго названия этого города или даже всей страны — Баланджар, — это слово, возможно, появилось из-за ошибки переписчиков, которые неточно передали имя Болгар. В таком случае Баланджар — это страна гунно-болгар. Ее жители пользовались определенной независимостью от хазар: они могли вести переговоры с соседними государствами и даже самостоятельно поменять религию. Тем не менее они признавали главенство хазарского кагана¹⁸⁶.

Впрочем, вся эта путаница и полная неопределенность в вопросе о том, кто населял Баланджар и чья это была столица, еще раз подчеркивает: словом «хазары» средневековые авторы могли называть самые разные народы, обитавшие на северо-западных берегах Каспия, а потом и на территории Хазарского каганата. И не исключено, что сама постановка вопроса о том, кто из них был прав, а кто ошибался, не имеет смысла.

Семендер

Другим городом, который тоже называли столицей Хазарии, был Семендер (Самандар). Новосельцев переводит его название как «Белый дворец» и считает, что это тот же самый город, что и упоминаемый арабами хазарский ал-Байда (ал-Бейд), название которого тоже означает «Белая» (правда, ал-Байду, в отличие от Семендера, многие исследователи помещают в устье Волги). Масуди пишет, что Семендер был столицей Хазарии до того, как ее перенесли в Итиль. Скорее всего, этот город заменил взятый и разрушенный арабами Баланджар (Варачан). Где стоял Семендер, также до сих пор не известно, вероятно, где-то на севере Приморского Дагестана¹⁸⁷.

М. Г. Магомедов считает, что Семендер находился на месте современного поселка Тарки на окраине Махачка-

лы — здесь обнаружены остатки города хазарского времени. Несмотря на солидное название «город», с архитектурой у его жителей дела обстояли, по нашим меркам, неважно: они жили не только в деревянных строениях, но и в юртах¹⁸⁸.

Географ и путешественник X века Ибн Хаукаль писал: «В хазарской стороне есть город, называемый Самандар, он между (хазарской стороной) и Баб ал-Аббабом [то есть Дербентом], были в нем многочисленные сады; говорят, что содержали (они) около 40 тысяч виноградников... А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев [других] религий и идолопоклонники... И были в Самандаре мечети, церкви и синагоги...» Правда, это описание относится к концу существования города, ко временам, когда он уже не был столицей каганата, — вскоре ему предстояло пасть под натиском русов в 968/969-м или, возможно, в 965 году. По этому поводу Ибн Хаукаль лаконично сообщает: «Пришли на него русийи, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма»¹⁸⁹.

Интересно, что еще в середине XX века некоторые ученые не верили в то, что в районе Семендера и Дербента могли расти сады и виноградники. Но палеоботанический анализ почв в окрестностях Дербента и поселка Тарки (предполагаемого Семендера) показал: в хазарское время здесь действительно разводили виноград. Жители этих мест были знакомы с искусственным орошением¹⁹⁰. А на Чир-Юртовском городище (возможный Баланджар) отпечатки зерен на сырцовых кирпичках рассказали археологам, что здесь разводили и собирали разные сорта пшеницы, ячменя и винограда, клевер, люцерну, шавель, лекарственные травы... Кроме того, в хазарских городах этого времени найдено немало ям для хранения зерна и жерновов для его помола. По-видимому, недавние кочевники со второй половины VII века уже активно занимались земледелием¹⁹¹.

Другие крепости

В Приморском Дагестане было несколько хазарских крепостей, возникших во второй половине VII — начале VIII века, когда каганат вел с арабами бесконечные войны.

Имена их не сохранились, и археологи дали им свои названия, обычно по близлежащим станицам.

На правом берегу Сулака расположено Сигитминское городище — здесь была мощная крепость с каменными стенами, состоявшими из двух панцирей, и оборонительными башнями. Подобным образом было укреплено и Урцекское городище, расположенное в замкнутой с трех сторон долине в 10 км от моря, неподалеку от села Уллубий-аул. Здесь каменными стенами с забутовкой были окружены и сам город, и цитадель внутри него. И даже прилегающие к городу сельскохозяйственные угодья были защищены двумя стенами длиной 3 и 4 километра; одна из них имела толщину до полутора метров, вторая — до трех.

Кое-где хазары защищались от арабских набегов сырцово-глинобитными стенами, которые, впрочем, тоже имели солидные размеры. Такими были, например, крепости на Тереке, которые сегодня называются Некрасовское и Шелковское городища, и крепость Тенг-кала неподалеку от поселка Главсулак. В их стенах слои глинобита чередовались со слоями сырцового кирпича. Кирпичи имели размеры 40 x 20 x 15–16 сантиметров, сами же стены достигали в толщину шести метров. Основание валов вокруг Шелковского городища имеет ширину до 30 метров.

Эти и другие хазарские крепости составляли целую фортификационную систему, которая протянулась по Приморскому Дагестану больше чем на 200 километров: от Дербента на юге и до Терека на севере¹⁹².

Из северокавказских крепостей, стоящих особняком от этой системы, можно отметить знаменитое среди археологов Хумаринское городище, расположенное в 11 километрах от Карачаевска. Это была мощная крепость с общей протяженностью стен более двух километров и толщиной их до пяти метров. Стены, сложенные из хорошо обтесанных блоков песчаника, состояли из двух панцирей, между которыми были уложены обработанные блоки или засыпан щебень. При строительстве использовался известковый раствор. Кроме того, с востока крепость защищал ров длиной больше километра и глубиной пять метров. Несмотря на такие солидные крепостные стены, внутри стояли юрты,

полуземлянки и турлучные (то есть сплетенные из прутьев и обмазанные глиной) хижины, лишь иногда поставленные на каменный цоколь. Возможно, жили здесь подчиненные хазарам болгары, входившие в состав каганата¹⁹³.

Хазаро-арабские войны

Крепостное строительство и развитая система укреплений не спасали хазар от арабских набегов. Впрочем, хазары не оставались в долгу, регулярно разоряя закавказские владения арабов. Остановимся вкратце хотя бы на некоторых, самых крупных (или самых известных) военных операциях.

После нескольких стычек, разгоравшихся за обладание Дербентом (который соответственно не раз менял хозяев), в 713 году арабский полководец Маслама, взяв город, совершил большой поход в глубь Хазарии. Гевонд (ошибочно относящий это событие к 717 году) пишет (традиционно называя жителей Хазарии гуннами):

«Сам Мслим с большим войском прошел проход Чора, грабя страну Гуннов, и расположился лагерем при гуннском городе Таргу (современная Махачкала. — *Авт.*). Жители той страны при виде хищников, устремившихся на них, тотчас дали знать о том царю хазарскому, Хагану. Тогда сей последний с огромным войском и могучими витязями, слава о силе которых распространилась у всех народов, разбил свой лагерь недалеко от них».

Гевонд сообщает, что до решающей битвы дело так и не дошло, ограничиваясь мелкими стычками: «не полки с полками, а чрез бойцов». Хазарский каган тянул время, дожидаясь подкрепления. Когда оно наконец появилось, Маслама испугался: «не знал, что делать, и старался найти средство спастись от них». Средство он нашел:

«...Он приказал войскам своим развести сильный огонь в лагере и, оставив там лагерную утварь, наложниц, слуг и другую челядь, сам направил путь к горе Кокасу, вырубил лес и таким образом, пробив себе дорогу, едва избегнул

неприятеля...» и вернулся обратно «с сокрушенным сердцем и стыдом»¹⁹⁴.

Каланкатуази, описывая эту историю, дополняет, что бежавший Маслама оставил на произвол хазар не только своих наложниц, но и «войска в полном снаряжении». Впрочем, несмотря на столь постыдное поведение арабского полководца и на то, что каган располагал витязями, «слава о силе которых распространилась у всех народов», хазары потерпели в этой войне сокрушительное поражение. Армянский историк пишет, что перед тем, как удариться в бегство, Маслама поручил защищать свой тыл албанскому князю — «мужу отважному и лучнику искусному, с войском». Албанец оказался более удачливым полководцем, чем араб, «и хазирь, преследующие [Мслимана] были разгромлены им и обратились в бегство»¹⁹⁵.

В 721/722 году хазары уничтожили большое войско арабов в Армении. В ответ арабы захватили Дербент и, разбив хазарскую армию, продвинулись в глубь страны. Они взяли несколько городов, в том числе разгромили Баланджар, и хотели идти на Семендер, но узнали, что хазары собирают большое войско у них в тылу, и отступили¹⁹⁶.

Ход хазаро-арабских войн подробно излагает Ибн ал-Асир. Правда, по словам арабского историка, хазары терпели от арабов непрерывные поражения, но набегов они почему-то не прекращали, и граница между воюющими государствами непонятным образом сохранялась примерно на том же месте.

В 723/724 году арабы совершили большой поход в страну алан — союзников хазар, а годом позже захватили «в стране тюрков волость и много селений». Тогда «сын хакана, царя тюрков, вторгся в Азербайджан и осадил некоторые его города». Против хазар выступил арабский полководец ал-Харс. «Тюрки были обращены в бегство, и ал-Харс преследовал их, но когда он переправился через реку Аррас, сын хакана снова завязал войну, однако он был снова обращен в бегство и много тюрков было убито».

В 727/728 году «совершил Маслама ибн-‘Абдалмалика поход против тюрков со стороны Азербайджана и, взяв добычу и пленных, возвратился благополучно».

728/729 год. «Совершил Маслама поход против тюрок со стороны ворот Аллана и, встретив хакана с его полчищами, вступил с ним в сражение, которое продолжалось около месяца. Их настиг сильный дождь и хакан обратился в бегство и ушел, а Маслама возвратился...»

729/730 год. «Тюрки вторглись в Азербайджан, где их встретил ал-Харс ибн-‘Амру и обратил их в бегство»¹⁹⁷.

Совершенно в ином ключе описывает события этих лет византийский историк Феофан (напомним, что Византия постоянно воевала с арабами). Феофан пишет:

728/729 год*. «В этом году сын хагана, владыки Хазарии, отправился походом на Мидию и Армению. Застав в Армении Гараха, стратига арабов, он убил его вместе с бывшим при нем войском. Разграбив страну армян и мидийцев, он повернул назад, нагнав великий страх на арабов».

729/730 год. «В этом году Маслама отправился походом в землю турок. Они завязали сражение друг с другом, и многие пали с обеих сторон. Маслама, испугавшись, обратился в бегство и повернул назад через горы Хазарии».

731/732 год. «В этом году Маслама отправился походом в Турцию, но, достигнув Каспийских ворот, повернул обратно, испугавшись»¹⁹⁸.

Трудно сказать, кто из древних историков был прав, описывая эти события. Но вскоре даже Ибн ал-Асиру пришлось признать поражение войск халифата.

В 730 году (или незадолго до этого) власть в Хазарии перешла к женщине по имени Парсбит, матери умершего кагана, — о ней сообщает Гевонд¹⁹⁹. Особо странным это в степи не считалось — за век до того савирами правила царица Боа, а еще веком раньше правитель утигур поставил наместницей в одной из областей женщину по имени Аккага²⁰⁰.

Воинственная хазарка (а точнее, ее военачальник) нанесла арабам ряд жесточайших поражений. По ее приказу полководец Тармач собрал огромное войско (арабские источники

---

* В пересчете с использованной Феофаном так называемой «Александрийской эры», в которой начало года не совпадает с григорианским календарем.

называют до 300 000 человек) и вторгся сначала в Армению, а потом в Азербайджан. Он одержал несколько крупных побед и уничтожил известного арабского полководца, наместника Армении Джарраха²⁰¹. Ибн ал-Асир пишет:

В 730/731 году «был убит ал-Джаррах ал-Хаками ибн-'Абдаллаха. Причиной этому было... его вторжение в страну хазар и их бегство. После того как ал-Джаррах обратил хазар и тюрок в бегство, они снова явились со стороны Аллана. Ал-Джаррах ибн-'Абдаллаха встретил их с бывшими с ним сирийскими войсками и между ними завязался такой бой, какого люди еще не видели. Обе стороны держались твердо, но число хазар и тюрок значительно превосходило число мусульман, вследствие чего ал-Джаррах и бывшие с ним воины погибли мучениками на поле Ардебиле... После убийства ал-Джарраха хазары возмнили о себе и углубились в страну настолько, что подошли почти к Мосулу. Для мусульман это было большим бедствием»²⁰².

Из двадцатипяти тысячного войска Джарраха уцелело лишь около ста человек — они спаслись бегством. Хазары отрубили голову арабскому полководцу и, по разным данным, либо отослали ее халифу, либо насадили на пику и возили с собой в качестве штандарта. Захватив Ардебиль, они взяли огромную добычу (включая гарем самого Джарраха), после чего продолжили разорять Азербайджан. Но это было их последней крупной победой. Увлечшись грабежами, хазарское войско разделилось на небольшие отряды, и арабы (теперь их возглавляли военачальники Саид и Маслама) стали истреблять врагов по частям. Эта тактика принесла немало плодов, арабы даже отбили у хазар захваченный ими гарем своего предыдущего полководца. В одном из сражений Саид, увидев возле хазарского предводителя, сына кагана, насаженную на пику голову Джарраха, прорвался к нему и сбросил царевича с коня.

Война шла с переменным успехом, но в конце концов арабы окончательно разбили хазар и вытеснили их с территории Азербайджана, захватив огромную добычу и «знамя», сделанное из меди²⁰³. Маслама дошел до Дербента и, взяв город, оставил там своего коменданта. Война, длившаяся около двух лет (а с учетом предыдущих стычек — несколько десятилетий), казалось, была закончена.

Однако не прошло и года, как Дербент снова оказался в руках хазар. Но теперь это уже не могло остановить нашествия арабов на территорию Хазарии. Крепостные стены к тому времени были разрушены, и Маслама прошел на север, проигнорировав тысячу хазарских воинов, засевших в цитадели. Арабы пошли в глубь страны, почти не встречая сопротивления. Жители без боя оставляли свои города и бежали прочь²⁰⁴. Но в конце концов каган собрал большое многонациональное войско и вышел навстречу неприятелю. Маслама был утрашен видом превосходящих сил противника. Он решил обмануть хазар и приказал разжечь лагерные костры, а сам, бросив обоз, пустился в обратный путь, делая по два дневных перехода за день. Ибн ал-Асир пишет:

«...Разослал Маслама свои войска по стране хакана, и они, благодаря ему, завоевали города и замки. Он перебил большое количество их (хазар), взял в плен мужчин и других и сжег их селения, и ему подчинились народы, живущие за Баланджаром. Он убил также сына хакана. Тогда против него ополчились все те народы — хазары и другие — в таком количестве, которое знает лишь один бог всевышний. Маслама был уже за Баланджаром. Узнав о них (хазарах), он приказал своим войскам развести огонь, а потом, бросив палатки и обоз, пустился обратно в путь со своими войсками без всего. При этом Маслама послал вперед слабых, а храбрых оставил позади. И прошли они множество “станций”, делая по две “станции” вместо одной, пока не дошли, еле живы, до ал-Баб-ал-абуаба (Дербента. — *Авт.*)»²⁰⁵.

Подобную тактику Маслама уже применял в 713 году, во время своего достаточно постыдного бегства, описанного армянскими авторами. Но теперь это было лишь временное отступление. Под стенами Дербента произошла решающая битва, которая длилась целый день. Вечером хазарский дезертир сообщил Масламе, где находится каган. Впрочем, его и без того было нетрудно опознать: он сидел за парчовыми занавесками в крытой повозке, увенчанной золотым плодом граната²⁰⁶.

Арабский историк X века ал-Куфи описывает, как отряд арабов, возглавляемый одним из лучших воинов Масламы, пробился к повозке сквозь густые ряды стражи и их предво-

дитель «сбил балдахин ударом своего меча, рассек шелковую ткань и направил свой меч на хакана». У храброго араба не было другого выхода: перед началом операции Маслама предупредил его, что в случае неудачи распнет его «на подходящем дереве». «Хакан испугался его и стремительно выскочил из коляски, прыгнул на своего скакуна, который стоял рядом с коляской, уселся на него и так стремительно бросился наутек, что догнать его не было возможности. Муслимы бросились в атаку на хазар, которые обратились в бегство. Их войска рассыпались и бежали до своей страны».

После этого Маслама осадил цитадель Дербента, где все еще укрывались хазарские воины. Крепость могла бы держаться достаточно долго, потому что в нее был проведен тайный водопровод, но один из местных жителей пришел на помощь арабскому полководцу. Он пообещал сдать ему осажденных, а в обмен потребовал гарантии безопасности для своей семьи и сто голов скота. Получив и то и другое, он предложил арабам раскопать источник, питавший крепость, и заколоть над ним весь скот.

«Когда утром люди проснулись, то увидели, что их водоемы наполнены кровью. Не прошла и ночь, как из водоемов стало нести зловонием, а затем в них стали кишеть черви. Люди стали страдать от сильной жажды. И тот же человек снова пришел к Масламе и сказал: “О эмир! Люди гибнут от жажды. Отойди от ворот крепости и с их пути и они убегут, а крепость попадет в твои руки”... Маслама приказал своим отойти от ворот крепости. А когда наступила ночь, хазары открыли ворота и поспешно бежали от арабов, а крепость перешла в руки муслимов»²⁰⁷.

Хазары так никогда и не оправались от этого поражения. Дербент остался в руках арабов, и Маслама, уверенный в своей окончательной победе, приказал восстановить им же разрушенные в 713 году крепостные башни и стены города.

В ближайшие годы арабы совершили еще по крайней мере один крупный поход на Хазарию. Поход этот получил у средневековых историков название «грязный», потому что совпал с периодом сильных дождей. Грязь, налипавшая на хвосты коней, раздражала полководца по имени Марван (Мерван; племянник Масламы, впоследствии халиф Марван II), и он

приказал эти хвосты обрезать. Других ощутимых потерь арабы не понесли и благополучно вернулись, захватив немалое количество скота²⁰⁸.

На этом в отношениях хазар и арабов наступило некоторое затишье, но оно длилось недолго. В 737 году Марван начал осуществление своего плана по полному завоеванию Хазарии. Нельзя сказать, чтобы он в этом полностью преуспел, однако в результате хазарская армия была разгромлена, а каган, пытаясь спасти жизнь и остатки власти, принял ислам и признал власть халифата. Но к этой теме мы обратимся позднее, а пока вернемся немного назад, чтобы поговорить о том, как в годы хазаро-арабских войн складывались отношения Хазарского каганата с другой крупнейшей державой того времени — Византией.

Появление хазар в Крыму

Отношения народов Западно-Тюркского каганата, и в частности хазар, с Византией в первой половине VII века, после прихода к власти императора Ираклия I, складывались прочные. Ираклий обменивался со своими восточными соседями посольствами и подарками, вместе с хазарами штурмовал Тбилиси, а за тюркского Тон-ябгу кагана сосватал свою дочь Евдокию. Будущий правитель Великой Болгарии Куврат воспитывался в Константинополе при императорском дворе и тесно дружил с наследным принцем, будущим императором Ираклием II, — эти отношения они сохранили до конца жизни.

Но в середине VII века всеобщей дружбе пришел конец. Западно-Тюркский каганат распался, и отделившаяся от него Великая Болгария просуществовала очень недолго. Куврат умер, и хазары после войн с его наследниками не только захватили земли болгар, но и продвинулись дальше на запад, дойдя до Боспора и Крыма, которые находились под властью Византии. Не исключено, что уже через несколько лет после смерти Куврата не только Боспор, но и степной, и часть Горного Крыма принадлежали хазарам или, по крайней мере,

контролировались ими. Многие поселения были разрушены; оплот Византии в Крыму, Херсон, хотя и не попал под власть новых хозяев, оказался отрезан от районов, снабжавших его продовольствием²⁰⁹.

Сохранились письма опального римского папы Мартина I, который был сослан в Херсон в марте 655 года и умер там, не прожив и полугода. Мартин писал своему другу в Константинополь:

«...Голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят. Поэтому, если нам не пришлют содержания из этой страны или из области Понта, жить здесь мы вовсе не сможем. Ибо дух бодр, плоть же немощна, как ты и сам знаешь. Ведь в этой стране невозможно ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренное пропитание. Поэтому, если, как сказано, сюда будут присланы оттуда хлеб и вино или оливковое масло и всякое иное прочее, поторопись, как можно скорее, переслать все это нам»²¹⁰.

В другом письме, написанном в сентябре (за несколько дней до смерти), Мартин сообщает: «...Ни разу не смог бы я купить хлеба, происходящего из этой страны... так же, как и других продуктов какого-либо рода, если бы, повторяю, не с суденышек, кои изредка заходят сюда, чтобы уйти с грузом соли». Опальный пастырь называет цену на хлеб в Херсоне — она в 5–17 раз превышала цены на остальной территории империи²¹¹.

Такое состояние дел навело некоторых историков на мысль о том, что Херсон уже в 655 году находился едва ли не в хазарской блокаде. Во всяком случае, торговые пути, ведущие в Горный Крым и в Среднее Поднепровье, были перерезаны. Мартин писал о варварах, окружавших христианский Херсон:

«...Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь; они не имеют совершенно никакой человечности, кою природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в нередко [проявляемом] ими сострадании».

О том, к какому народу принадлежали возмущавшие Мартина варвары, высказываются разные мнения; не исключено, что это были хазары²¹². Вопрос, когда именно хазары захватили Боспор и часть Крыма, тоже является спорным, но в основном историки склоняются к мысли о том, что во второй половине VII века эти земли если и не входили в состав каганата в полном смысле слова, то, во всяком случае, выплачивали ему дань. Согласно письменным источникам, в первые годы VIII века в Фанагории уже работали два хазарских чиновника: один из них занимался сбором дани, второй был официальным представителем кагана — тудуном²¹³. Феофан писал о представителе кагана, «бывшем в Фанагории от его лица»²¹⁴ (возможно, наместнике²¹⁵) и о подчиненном кагану архонте Боспора²¹⁶.

Археологи тоже отмечают, что во второй половине VII века в Крыму появляется новая волна кочевников. Как мы уже говорили, хазары практически не оставили грядущим поколениям таких предметов, по которым их можно было бы уверенно «опознать». Да и какой именно народ скрывается за этнонимом «хазары», до сих пор четко не определено. Но известно, что с распадом Великой Болгарии в Крыму начинают появляться погребения, принадлежащие кочевникам²¹⁷. Исследователи считают их хазарскими (тюркютами) ²¹⁸. Возможно, по крайней мере некоторые из этих погребений болгарские, но болгары Батбаяна, попав под власть хазар, стали одним из самых многочисленных народов каганата и вместе со своими победителями, вероятно, участвовали в завоевании Крыма.

В этот же период следы новой волны кочевников начинают появляться в городах и на поселениях Боспора и Крыма. Видный исследователь средневекового Крыма А. И. Айбабин, опираясь на данные археологии, считает, что уже в конце VII века хазары и их союзники заселили и азиатский, и крымский берега Керченского пролива и даже захватили значительную часть Крыма. Жилища новых обитателей появляются в покинутых боспорцами Патрее, Кепях и Гермонассе... В городе Боспор (нынешняя Керчь) хазары построили цитадель. Новые поселения (иногда на руи-

нах старых) появляются на Керченском полуострове, в предгорьях и на побережье Южного Крыма²¹⁹. Тогда же возникло знаменитое поселение Тау-Кипчак в Центральном Крыму²²⁰. Поселения эти, возможно, принадлежали болгарам, но последние не могли так просто заселить Крым, который контролировался Византией. Войти туда в качестве победителей болгары, наголову разбитые хазарами, тоже вряд ли могли. И значит, появиться в Крыму они могли только при поддержке Хазарского каганата, в качестве одного из уже подчиненных им народов.

Некоторые историки считают, что говорить о массовом переселении болгар или хазар на полуостров в конце VII века еще нельзя. Но во всяком случае, их присутствие здесь уже ощущается²²¹.

Византия, естественно, не могла приветствовать тот факт, что возле ее границ и на землях, которые она еще совсем недавно контролировала, появились воинственные пришельцы. Но империя была слишком поглощена борьбой с арабами, и на хазар ей приходилось смотреть сквозь пальцы, тем более что их бесконечные войны с халифатом были на руку Византии. Кроме того, внутри самой империи началась смута.

Юстиниан II — зять хазарского кагана

В 685 году император Константин IV «в спокойствии и строгом порядке... закончил остаток жизни и на семнадцатом году царствования скончался». Ему наследовал шестнадцатилетний Юстиниан II, который, по сообщению патриарха Никифора, «принял царствование от отца, распорядившись с целью сохранения мира и установления прочного порядка в государстве, и все разрушил». Подросток расторг мирные договоры, заключенные отцом, и вовлек империю в кровопролитную войну с «саракинами» (то есть арабами), которые «стали опустошать Ромейское государство»²²².

«На государственные же должности он поставил мужей суровых и чрезвычайно жестоких: таким были евнух Стефанперс, казначей императорской казны. Он оскорблял многих из подчиненных и дошел до того, что осмелился напасть на самую мать Юстиниана, наказав ее розгами по образцу того, как наказывают детей учителя; какого-то монаха Феодота, который прежде жил отшельником в так называемом узком проливе (во Фракии), поставил государственным казначеем... Своей чрезмерной жестокостью он не только выжимал деньги из своих подчиненных, которых он подвешивал на веревках и окуривал горящей соломой, но к тому же еще и других известных мужей подвергал конфискациям и убивал жестокими способами»²²³.

В конце концов жители империи не выдержали, и против императора составил заговор, возглавленный одним из военачальников, по имени Леонтий. Если верить Никифору, все получилось очень просто. К Леонтию, который должен был наутро по приказанию императора отправиться в Грецию, пришли ночью его друзья и предложили ему стать во главе государства. Поскольку один из друзей был настоятелем монастыря, а второй — ученым астрономом, Леонтий не воспринял их слова всерьез и отказался, заявив: «Напрасно вы мне предвещаете царствование, потому что ныне я отсюда ухожу, и мне остается горький конец жизни». Но друзья настаивали, и Леонтий решил попробовать. Он обманом открыл тюрьму, вооружил заключенных и собрал жителей Константинополя на площади. «И толпа стала бранить Юстиниана».

«С наступлением же дня привели к ним Юстиниана. И вследствие кликов толпы, чтобы подвергнуть императора [казни] мечом, Леонтий, шадя его кровь по причине любви к отцу его Константину, отрезал ему нос и язык и выслал его в город Херсон, по окончании еще [только] десятого года его царствования. Леонтий был провозглашен толпой императором. Стефана же евнуха и Феодота монаха из-за числящихся за ними дурных дел, хотя и против воли императора, схватили и, связав им ноги веревками, поволокли на так называемую площадь Быка, где и предали огню. Вот как обстояло дело в Константинополе»²²⁴.

Однако ни ссылка, ни отсутствие носа и даже языка не помешали Юстиниану продолжить политическую борьбу. Более того, по сообщению Никифора, он «отваживался открыто и часто выступать с речами, чтобы снова овладеть царством». Никифор не видел в этом особого противоречия. Однако жители Херсона, «усматривая в этом отношении для себя опасность, задумали его умертвить или в оковах отправить к Апсимару»²²⁵ (Апсимар, он же Тиверий III, был новым императором, который уже сместил злополучного Леонтия; тот успел процарствовать всего лишь три года и разделил судьбу своего предшественника: лишился носа и был отправлен в ссылку). Юстиниан узнал о замыслах херсонитов, бежал из города и обратился за помощью к хазарскому кагану Ибузиру Глявану²²⁶.

С этого момента начинается новый виток византийско-хазарских отношений, в конце концов приведший нескольких потомков хазарских каганов на константинопольский трон. Каган проявил редкостное сочувствие к свергнутому императору, не смутившись ни постигшим его изгнанием, ни отсутствием носа и языка. Никифор пишет: «Хаган уступил просьбе, принял его с честью и, подружившись с ним, отдал ему в жены свою сестру Феодору. Юстиниан, с его согласия, прибыл в Фанагорию, и жил там вместе с ней».

Узнав об этом, Апсимар обратился к хазарскому кагану с просьбой «прислать Юстиниана живого или его голову», обещая ему за это «много денег и подарков»...²²⁷

Деньги и подарки эти (или, во всяком случае, аванс) были, вероятно, переданы кагану, и возможные их следы до сих пор обнаруживаются археологами в донских степях: в нескольких погребениях хазарского времени были найдены золотые солиды, выпущенные Леонтием и Апсимаром-Тиверием. Монеты эти являются большой редкостью, поскольку оба они правили недолго, а свергнувший очередного узурпатора преемник, естественно, выводил деньги с изображением соперника из обращения, заменяя новыми, с собственным портретом. Но монеты, попавшие в степь, изъятию не подлежали. Кочевники редко или вообще не использовали

золотые деньги по назначению, то есть для покупок. Обычно это было нечто вроде семейного сокровища, которое хранили как реликвию и могли положить в могилу тому, кто их получил. А зарабатывали их не обычным трудом — очень часто золотые монеты вручались за особые заслуги и в честь каких-либо значимых поводов, как сегодня — медали (недаром к монете иногда приделывали петельку или пробивали в ней дырочку, чтобы носить на одежде). Каган, получивший деньги от византийского императора, мог раздать их ближайшим соратникам, и монеты последовали за ними в могилу. Среднее время, которое проходит между вручением монеты ее постоянному хозяину и его смертью, вряд ли может превышать 20 лет. Таким образом, золотые солиды Леонтия и Тиверия III, найденные в курганах, не только подтверждают сообщения Никифора и Феофана о награде, которую обещали за голову Юстиниана, но и позволяют довольно точно определить дату хазарских курганов, в которых эти солиды найдены²²⁸.

Трудно сказать, прельстился ли каган подарками или понял, что зашел слишком далеко и что сердить всесильного соседа все же не следует. Он послал к зятю людей «будто бы для его охраны, под предлогом, чтобы он не стал жертвой заговора своих единоплеменников, в действительности же чтобы он был под охраной и не убежал бы». В то же время каган приказал двум своим боспорским чиновникам: наместнику кагана и архонту Боспора — убить Юстиниана. Но хазарка Феодора, несмотря на то что муж ее, казалось бы, не располагал к нежным чувствам, оказалась верной женой. Кто-то из слуг донес ей о замысле брата, и она все рассказала мужу.

Юстиниан лично задушил архонта и наместника, отослал Феодору к кагану, а сам морем отправился в окрестности Херсона. Здесь он собрал небольшую группу своих сторонников и приплыл в устье Дуная. «Оттуда послал из числа бывших с ним некоего Стефана к Тервелю, тогдашнему государю тамошних болгар, призывая его оказать ему содействие для обратного получения императорского престола, обещаясь дать ему многочисленные дары и свою дочь

в жены. Тот охотно на все согласился, принял Юстиниана с великим почетом и, вооружив весь подвластный ему народ, вместе с ним направился к столице»²²⁹.

Смена власти, если верить Никифору, снова произошла с удивительной легкостью. Под стенами Константинополя низвергнутый император в течение трех дней требовал у жителей города, чтобы они приняли его обратно. «Они же, гнусно понося его, отсылали его. Тогда Юстиниан ночью вошел вместе с немногими сопровождающими его в город через водопровод и оттуда захватил город»²³⁰. Но титул императора не спас его от прозвища, которое теперь прочно приклеилось к его имени: Юстиниан Ринотмет (Носоотрезанный).

Вернув себе трон, Юстиниан «совершил множество убийств и злодеяний по отношению к подданным». Аписмара и Леонтия, которые проявляли к своим предшественникам некоторую гуманность, ограничиваясь отсечением носа, он «во время конских состязаний волочил... направо, волочил налево и попирал их ногами», а потом отрубил им головы. Патриарха, который провозгласил Леонтия императором, он ослепил. «Одних назначал на архонтат и сразу посылал вслед за ними других и убивал; других еще призывал на обед и убивал ядом; других опять же выбрасывал в мешках в пучину моря. По единогласной молве, он был для подданных крайне жестоким зверем»²³¹.

Однако, несмотря на все эти жестокости, Юстиниан проявил себя как хороший муж. Он «послал в Хазарию за своей женой Феодорой и за своим сыном Тиверием, родившимся от нее. И венчал их на царствование»²³². Феофан сообщает дополнительные подробности воссоединения этой семьи. Не будучи уверен, что каган отдаст свою сестру и племянника добровольно, Юстиниан «послал флот, чтобы привезти из Хазарии свою жену, но многие корабли затонули вместе с людьми».

«Хаган, услышав об этом, пишет ему: “О неразумный, неужели тебе было недостаточно двух или трех кораблей, чтобы забрать свою жену и не погубить [при этом] столько людей? Или ты считаешь, что и ее возьмешь в сражении? Знай, у тебя родился сын, пошли [за ними] и возьми их”».

Юстиниан привез Феодору и ее сына Тиверия в Константинополь, короновал их, «и они воцарились вместе с ним»²³³.

Юстиниан воздал своей жене и сыну все мыслимые почести. Тиверий был объявлен соправителем отца. В столице, рядом со статуей императора, была поставлена статуя хазарской царевны. Каган, несмотря на то что он еще недавно покушался на жизнь зятя, был приглашен в Константинополь, и его всенародное чествование происходило в огромном подземном зале-водохранилище — «Цистерне Базилике», которая до сегодняшнего дня практически без перестроек сохранилась в Стамбуле.

Однако союз Юстиниана с хазарами (по крайней мере, политический) оказался не слишком долговечным. Все началось с того, что Юстиниан через пять лет после своего восстановления на престоле вспомнил былые обиды, нанесенные ему жителями Херсона, и решил отомстить. Впрочем, существует и такая точка зрения, что херсониты, не дожидаясь мести жестокого императора, заблаговременно отделились под протекторат Хазарии и в городе появился наместник кагана — тудун²³⁴. После этого Юстиниану уже ничего другого не оставалось, как покарать изменников. Никифор пишет:

«Юстиниан, имея в памяти происшедшее с ним из-за козней Апсимара в Херсоне, собрал очень многочисленные и разнообразные корабли, посадил на них счетом до 100 тысяч человек обученных из наборов войск и еще из земледельческого и ремесленного люда, а также и из сената и из городского народа и, поставив над этим флотом начальником некоего Стефана патрикия, по прозванию Асмикта, послал его, приказав казнить мечом всех людей, находящихся в областях Херсона и Босфора (город Боспор. — *Авт.*), а также и других областей»²³⁵.

Стефан достаточно точно выполнил приказ своего императора. Об этом рассказывает Феофан:

«Ромеи, прибыв в Херсон, захватили крепость, так как никто им не воспротивился, и уничтожили всех мечом, кроме подростков, пощадив их как неразумных и годных в услужение, а Тудуна — архонта Херсона, бывшего там от лица хагана, и Зоила, первого гражданина по роду и племени, также и сорок других знатных мужей, протевонов (пер-

вых лиц. — *Авт.*) Херсона, вместе с семьями, связанными отослала василевсу. Других же семерых протевонов Херсона ромеи подвесили на деревянных вертелех и зажарили на огне; остальных двадцать, связав им руки за спиной и привязав к ремням хеландия (корабля. — *Авт.*), наполнили его камнями и потопили в пучине»²³⁶.

Однако Юстиниан остался недоволен масштабом казни (ему не понравилось, что в живых остались херсонские подростки), и он приказал Стефану вместе с флотом вернуться в Константинополь. По дороге флот был уничтожен бурей, количество погибших достигло 73 000. «Когда Юстиниан узнал об этом, то ничуть не опечалился, но, напротив, еще больше преисполнился радости и был уже в высшей степени одержим безумием и, крича, угрожал, что вышлет другой флот, распашет и сровняет с землей все вплоть до стен. Это услышали жители крепостей, приняли меры к безопасности и, вынужденные задумать [что-то] против василевса, послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны»²³⁷.

Тем временем Юстиниан, вместо обещанного флота, отправил в Херсон нескольких своих представителей и отряд в 300 воинов, которые должны были восстановить порядок в городе. Но к стенам Херсона уже подоспели хазары. Жители города (видимо, кто-то из них все-таки остался в живых) одних посланцев Юстиниана казнили сами, а других, вместе с сопровождавшим их отрядом, передали хазарам для отсылки к хагану. Те не стали утруждать своего властителя и по дороге сами расправились с пленными. После чего херсониты и жители других близлежащих крепостей провозгласили императором некоего Вардана, армянина, который отбывал в Херсоне ссылку²³⁸. Могло показаться, что это — только декларативный жест, поскольку Херсон находился на окраине империи и большая политика делалась не здесь. Но Юстиниан, видимо, помнил, что основатель его династии, уже упоминаясь нами Ираклий I, был провозглашен императором в еще более далеком Карфагене, и решил принять меры

«Узнав это, еще больше неистовствовал Юстиниан»²³⁹. Снарядив второй флот, он «посылает патрикия Мавра Бесса, дав ему для осады таран, манганики и другие осадные маши-

ны, и приказывает ему сровнять с землей стены Херсона и весь город, ни единой души не оставлять в живых, а о происходящем извещать его часто донесениями»²⁴⁰. Мавр прибыл к стенам города и успел разрушить две его башни, но тут на помощь осажденным вновь пришли хазары. Новоявленный император Вардан на всякий случай бежал в ставку кагана. Тогда Мавр увидел, что «неспособен вести осаду и, опасаясь возвратиться к Юстиниану, присоединился к городу херсонитов»²⁴¹. Переметнувшиеся на сторону Вардана византийцы из-под стен Херсона отправили к хазарскому кагану послов с просьбой прислать к ним нового императора, которого они успели переименовать в Филиппика. Каган отнесся к делу с большой ответственностью и не только взял с них клятву, что они обеспечат безопасность своего владыки, но и потребовал денежный залог. Залог был внесен, клятвы сдержаны, и Вардан-Филиппик прибыл в Херсон в качестве императора без империи²⁴².

Отметим, что все эти годы, начиная по крайней мере с того дня, когда Юстиниан бежал из Херсона под защиту кагана, жители города и обитавшие там ссыльные византийцы удивительно беспрепятственно общались непосредственно с хазарским владыкой, направляя к нему послов и навещая его лично. Все это наводит на мысли, что ставка кагана располагалась в Крыму и, уж во всяком случае, не на берегах Каспия. И это — лишнее доказательство того, что и Боспор, и значительная часть Крыма в то время находились в руках хазар, которые укрепляли здесь свою власть.

Юстиниан, не дождавшись возвращения флота, обратился за военной помощью к своему давнему другу, болгарскому государю Тервелю, а сам отправился к берегам Крыма, чтобы выяснить, что там происходит. Тем временем флот новоявленного императора Филиппика подплыл к Константинополю, и его армия вошла в город без боя. Воины, вместе с Юстинианом вернувшиеся к стенам города, отреклись от своего повелителя, получив от нового императора (точнее, от его полководца) гарантии безопасности. Под такие же гарантии отправились домой и подошедшие было на выручку Юстиниану болгары. Смена власти обошлась почти без жертв, если не считать самого бывшего императора

(ему отрубили голову) и его сопровителя, сына хазарской царевны Феодоры.

Филиппик послал за мальчиком военачальника Мавра и своего оруженосца Иоанна. «Они его захватили бежавшим в алтарь храма пресвятой богородицы во Влахернах; ворвавшись туда, Иоанн вытащил его, державшегося за святой престол, не считаясь ни со святостью алтаря, ни с обильными слезами его бабушки Анастасии. Защищая внучка, она сама оказалась вместе с ним в опасности. И Иоанн его зарезал, как бессловесную тварь за стеной [на паперти] так называемого Каллиника и приказал похоронить в храме святых Анаргиров [бесеребренников], называемом храмом Павлины»²⁴³. Произошло это в 711 году.

Император Лев Хазар

Несмотря на убийство малолетнего императора, который был наполовину хазарином и приходился племянником кагану, хазары не имели претензий к византийцам. Союз между двумя государствами был выгоден им обоим, прежде всего потому, что у них был общий враг — Арабский халифат.

Всю необходимость союза с хазарами Византия особенно ощутила в 717/718 году, когда арабы осадили Константинополь и город (а с ним и империя) едва уцелели. Но в эти годы борьба арабов с хазарами обострилась, хазары в очередной раз берут Дербент и разоряют Закавказье, и Византия сразу почувствовала облегчение. Действия хазар являлись своего рода антиарабским «вторым фронтом»²⁴⁴, возможно спасительным для империи. Ради такого альянса стоило поступиться и племянником кагана, и своими интересами в Крыму. Крымский вопрос стороны уладили миром: Херсон отошел обратно к Византии, а большая часть полуострова осталась за хазарами.

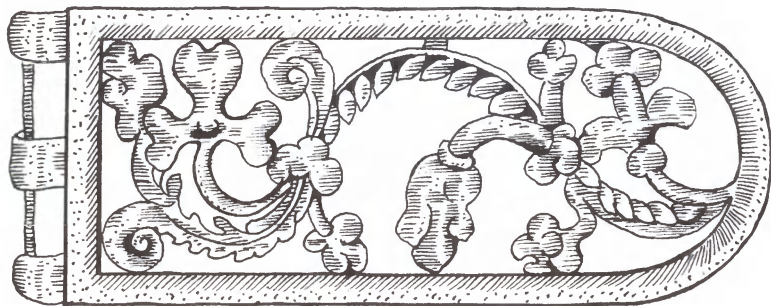
Для того чтобы упрочить союз со своими восточными соседями, в 732 году император Лев III Исавр (717—741) женил своего сына Константина, будущего императора Кон-

стантина V (741—775), по прозвищу Копроним (Смердящий, или Навозник), на дочери хазарского кагана²⁴⁵ Вирхора²⁴⁶, которую звали Чичак (Цветок). Вероятно, ее необычный для Византии костюм пленил воображение жителей Константинополя, потому что вскоре здесь вошла в обиход парадная одежда, получившая название «чичакион»²⁴⁷. После крещения невеста получила имя Ирина; она изучала Священное Писание и отличалась благочестием²⁴⁸. Сын Ирины и Константина стал императором Львом IV (775—780), в историю он вошел как Лев Хазар.

Естественно, что хазары, которых теперь связывали с Византией самые тесные отношения, стали часто бывать в Константинополе. Возможно, в это время здесь появилось «Хазарское предместье». Немало хазар служило и в византийских войсках²⁴⁹.

Позднее, уже в IX веке, один из константинопольских патриархов, Фотий, вероятно, имел хазарские корни. По крайней мере, известно, что император Михаил III однажды обозвал его «хазарской рожей» (*chazaroprosopos*)²⁵⁰. Правда, отец и мать патриарха были знатными византийцами²⁵¹, но нельзя исключить, что кто-то из его более далеких предков происходил из Хазарии.

Глава 6 Экспансия в Причерноморские степи и лесостепь

От Кубани до Днестра

Одним из основных направлений хазарской экспансии во второй половине VII века, по сообщению византийских источников, были Причерноморские степи от Дона (включая левобережье) до Днестра и Дуная. Археологи подтверждают это, хотя и с определенными оговорками.

В степях Южной Украины и в кубанском Приазовье в конце VI и VII веке стали появляться воинские захоронения, которые получили в науке название «сивашевские». Оставившие их кочевники не утруждали себя сооружением нового кургана и подзахоранивали усопших сородичей в курганы, которые уже стояли в степях. «Сивашевцев» хоронили в простых ямах, обычно в сопровождении коня (или его чучела) с седлом и сбруей; рядом с воинами лежало оружие: луки, колчаны со стрелами, боевые ножи, иногда мечи. На них были надеты традиционные пояса со множеством серебряных или бронзовых накладок, каждая из которых могла быть произведением ювелирного искусства. В могилу ставился горшок с похлебкой или деревянное блюдо с частью бараньей туши. Кроме этих, основных, особенностей, «сивашев-

ским» погребениям присуще еще множество черт, по которым археологи их узнают. Более сложным является вопрос, кто оставил эти погребения, — понятно лишь, что кочевники, причем принадлежащие к тюркскому кругу, то есть либо наследники племен гуннской «степной империи», либо собственно тюрки.

Погребения «сивашевцев» появлялись в степях в течение примерно столетия и с какого-то времени достаточно резко исчезают. Некоторые ученые считают, что произошло это к концу VII века и что «сивашевцы» были болгарами, которых хазары вытеснили из Причерноморских степей. Существует и мнение, что большинство «сивашевских» могил следует датировать последней четвертью VII — началом VIII века, и принадлежали они уже хазарам, которые сменили болгар и обосновались в этих местах. Во всяком случае, во второй половине VII века в степях происходили серьезные катаклизмы, которые не с чем связать, кроме как с приходом хазар.

Косвенные свидетельства хазарского нашествия сохранились и севернее, в украинской лесостепи. Здесь было зарыто множество кладов, которые получили название «антских». Анты были народом, об этнической принадлежности которого ведутся споры (некоторые ученые считают их славянами). Но сейчас нас мало волнует, кем были анты, важно другое: во второй половине VII века они стали массово прятать свои сокровища в землю, и это значит, что на границе степи и лесостепи появились воинственные пришельцы, которыми могли быть только хазары.

В этих же местах было найдено известное «гладосское» захоронение — неглубокая яма, в которой лежали пережженные человеческие и овечьи кости. Сверху были положены: сбруи двух коней с золотыми бляхами, золотые серьги, три ожерелья с византийскими медальонами, браслеты, перстни, оплавленные серебряные сосуды, меч и кинжал в золотых ножах и копье. Некоторые исследователи считают, что в этой могиле был похоронен знатный тюрк, — по конструкции и по обряду похорон она напоминает погребальные комплексы тюркютов, описанные в китайских хрониках. Отметим, что к этому времени рядовые тюрки, которые,

скитаясь по свету, переняли немало обрядов у своих соседей, уже перестали кремировать покойников. Но высшая знать хранила традиции предков²⁵².

Впрочем, есть и другая точка зрения: что в яме были найдены следы не погребального, а поминального обряда и человек, чьи обгорелые кости лежали на дне, был такой же жертвой, как и сожженная здесь овца. Это тем более похоже на правду, что на человеческих костях видны следы ударов рубящим оружием. Но и в этом случае обряд совпадает с тюркским поминальным обрядом. Кем бы ни был умерший, знатным воином или принесенным в жертву пленником, скорее всего, он оказался «участником» тюркского ритуала, совершенного на рубеже VII и VIII веков²⁵³. И это дает весомые основания считать, что его совершили именно хазары, а если точнее, то тюркюты, стоявшие во главе хазарского каганата²⁵⁴.

Еще одним поминальным сооружением, которое могло быть оставлено хазарами-тюрками, считают знаменитый Вознесенский комплекс на высоком плато на левом берегу Днепра. Это — прямоугольная площадка, окруженная валом из земли, перемешанной с камнями. На ней было расположено каменное кольцо площадью 29 квадратных метров, а в нем — две ямы. В одной археологи нашли обгорелые лошадиные кости, стрелы и осколки посуды. Во второй лежали вещи, тоже побывавшие в огне. Здесь было множество предметов конской сбруи: одних стремян нашли 58 штук, а бронзовых позолоченных бляшек, украшавших сбруйные ремни, оказалось около полутора тысяч. Здесь же лежали обломки византийских серебряных сосудов и блюд, золотые и серебряные обломки ножен, великолепной работы серебряные фигурки льва и орла — возможно, навершия византийских военных штандартов. Сверху в яму были воткнуты три палаша.

Клейма на фигурке орла позволяют датировать его второй половиной VII века. А конская сбруя такого вида была распространена в начале века VIII. Это сооружение очень похоже на поминальный комплекс, построенный в Монголии в 732 году в честь Кюль-Тегина — богатыря и полководца, второго лица во Втором Тюркском каганате (наследнике Восточно-Тюркского каганата). Поэтому есть основания

считать, что именно тюрки (то есть, вероятно, хазары) поминали своих усопших властителей на берегах Днепра на рубеже VII и VIII веков²⁵⁵.

В лесостепной зоне, недалеко от Полтавы, был обнаружен так называемый «Перещепинский клад» — невероятно богатая и интересная находка. В неглубокой яме, на глубине от 18 сантиметров до метра, сохранились остатки деревянного ящика, обтянутого коричневым шелком с золотыми нитями; кроме того, ящик был обит тонкими золотыми пластинами. В него было сложено несколько сотен драгоценных предметов: золотые и серебряные кувшины, кубки, блюда, ковши, чаши; меч в роскошных золотых ножнах, браслеты и перстни с драгоценными камнями, подвески, разнообразные бляшки на воинский пояс и сбрую коня, золотые монеты... Общий вес одних только золотых вещей превышал 21 килограмм.

Особый интерес вызывают три золотых перстня с греческими монограммами. Правда, исследование показало, что две монограммы оказались неумелыми подражаниями, но одна — действительно сделана византийским мастером, и некоторые специалисты расшифровывают переплетение букв как «Куврат Патрикий». Все это навело историков на мысль, что вещи из клада принадлежали Куврату²⁵⁶, — недаром Никифор писал о том, что Иракий посылал из Византии подарки своему другу и удостоил его сана патрикия²⁵⁷. По мнению ряда ученых, все вещи из «Перещепинского клада» датируются серединой VII века, а «младшие» монеты (солиды Константа II) были выпущены в 642–646 годах. В таком случае клад, в котором хранился личный перстень болгарского правителя, действительно мог принадлежать ему и попасть в землю вскоре после его смерти, последовавшей примерно в 650 году.

Но существует и противоположная точка зрения. Некоторые исследователи считают, что, хотя многие входящие в состав клада предметы, прежде всего монеты, датируются началом и серединой VII века, некоторые вещи были сделаны уже в начале VIII века. И это значит, что хотя часть сокровищ, возможно, и принадлежала Куврату, но полностью клад был сформирован все-таки позднее. Болгары

его «доукомплектовать» не могли, потому что вскоре после 641 года — года смерти Ираклия — византийское золото к ним поступать перестало.

Дело в том, что, когда император умер, между его наследниками разгорелась борьба за власть. Куврат поддерживал вторую жену своего друга, Мартину. Но победу одержала партия первой жены. Победители возвели на престол внука Ираклия, Константа II, и жестоко расправились с Мартиной и ее детьми. После этого во взаимоотношениях Византии и Великой Болгарии произошло заметное охлаждение, и о дорогих подарках речь уже, во всяком случае, идти не могла. А еще через несколько лет государство болгар распалось. И значит, владельцем сокровищ, который во второй половине VII века пополнял их уже из своих источников, был не болгарин, а, вероятно, знатный хазарин²⁵⁸.

Отсутствие в яме костей исключает мысль о том, что это была могила. А вот поминальным комплексом она могла быть, причем комплексом тюркским, то есть, вероятно, хазарским. Тот факт, что зарыт он был севернее, чем обитали в те времена хазары, только подтверждает предположения о его хазарском происхождении. Дело в том, что исследователи реконструировали тюркско-монгольскую погребальную традицию, и она, по их мнению, выглядела приблизительно так.

Тело хоронили сразу же после смерти, причем никаких дорогих вещей с ним не укладывали — это спасало могилу от разграбления. А потом небольшая доверенная группа из ближайших друзей и родственников покойного упаковывала для него ценные предметы и отправлялась на север, то есть поближе к местам, где был расположен загробный мир. Всадники скакали семь дней, после чего сжигали вещи, убивали коней умершего и совершали тризну. Тем временем душа покойного, привлеченная дымом жертвенных костров, налегке прибывала сюда же, чтобы забрать свое имущество если не в непосредственной близости от загробного мира (до которого ей оставалось еще 33 дня пути), то все-таки поближе к нему.

Учитывая, что кони степных пород могли за семь дней проделать около 400–500 километров, можно предполо-

жить, что хазары на рубеже VII—VIII веков похоронили своего кагана или кого-то из его приближенных в Причерноморских степях или в Крыму²⁵⁹. Кстати, эти расчеты вполне соответствуют сообщениям византийских авторов, из которых можно сделать вывод о том, что ставка кагана в начале VIII века находилась достаточно недалеко от Херсона.

«Курганы с ровиками»

В донских степях и даже в соседних с ними Воронежской Области и Калмыкии хазары оставили гораздо более весомые следы своего существования. Во второй половине VII века здесь появляются курганы «с квадратными ровиками», которые, как считается, принадлежали хазарским воинам.

Женские погребения в таких курганах — большая редкость, и это может говорить либо о том, что хазары отправляли на Дон только военные отряды, либо о том, что женщин, в отличие от воинов, хоронили в грунтовых могильниках, а их гораздо труднее найти, потому что они практически не возвышаются над поверхностью.

Так или иначе, хазарских воинов на Нижнем Дону было достаточно много, потому что уже найдено около 300 таких погребений. В отличие от «сивашевцев», на Дону хазары воздвигали для своих покойников отдельные курганы. В центре такого кургана располагалась прямоугольная могила (реже — две), в которую были уложены воин и его конь (или «чучело» коня — то есть голова, ноги с растянутой шкурой и упряжь). Коня обычно клали у входа, в так называемой «входной яме», всадника — рядом, в нише («подбое»), параллельно коню.

Воина сопровождали боевое оружие, заупокойная пища и обязательный пояс с многочисленными серебряными или бронзовыми пряжками и накладками. Литые пряжки и накладки поясов зачастую украшены орнаментом в виде лотоса или побегов виноградной лозы. На формирование этого стиля, возможно, оказали влияние традиции среднеазиатского и византийского искусства. Материал, из кото-

рого был отлит декор пояса, характер и пышность орнамента, вероятно, могли свидетельствовать не только о богатстве воина, но и о его статусе.

Из предметов вооружения в погребениях «с ровиками» чаще всего находят остатки лука так называемого гуннского типа, точнее, его болгаро-хазарского или салтовского вариантов. Деревянная основа лука оснащалась несколькими костяными накладками (как правило, из оленьего рога) — они были необходимы для большей жесткости и для придания луку пружинящих свойств. Дерево, из которого была сделана основа, в погребениях почти всегда истлевало, но сохранившиеся костяные накладки позволяют судить об основных деталях конструкции. Часто находят в погребениях и железные наконечники стрел — дальнобойные легкие трехлопастные или более тяжелые «бронепойные», «пулевидные», как их называют археологии, — такие могли пробить щит, панцирь, кольчугу.

Кроме лука, в могилу почти всегда клали нож или даже несколько, иногда боевые кинжалы. Другие предметы вооружения встречаются нечасто. Изредка находят остатки длинноклинкового оружия (меч, палаш, сабля). Это было время, когда более легкая и удобная в бою сабля сменяла тяжелые мечи и палаши. Иногда в могилах лежат железные или костяные кистени.

Судя по тому, что лук в могилу клали почти всегда, он был основным оружием хазар-кочевников в это время. Клинковое оружие находят редко, но это объясняется еще и тем, что помещать в могилу такую дорогую вещь было непозволительной роскошью. Потому же в хазарских погребениях редки кольчуги и панцири. Лук же всегда в чем-то индивидуален, «подгоняется» под своего владельца и в то же время сравнительно недолговечен; вряд ли его передавали по наследству.

Интересно, что даже в богатых погребениях рядом с роскошными золотыми и серебряными импортными вещами обычно стояли очень грубые и простые сосуды, вылепленные вручную, — вероятно, это была дань ритуалу²⁶⁰. Скорее всего, такие сосуды делались специально для похорон. Иногда рядом с покойными лежали кубики игральные костей, —

наверное, игра в кости была популярна среди хазар. Еще одна распространенная находка в таких курганах — золотые византийские солиды. Часто они имеют дырочки или петельки для ношения на одежде²⁶¹.

Вокруг могилы вырывался ровик, опоясывающий ее более или менее правильным квадратом. Такой же ровик мог опоясывать и специальную ритуальную площадку без погребения²⁶². Ширина ровика не превышала один — полтора метра, а обычно была даже меньше. Глубина не превышала ширину (речь, конечно, идет только о следах ровика в материке, то есть в глине, лежащей под слоем чернозема). В ровиках иногда находят кости жертвенных животных²⁶³.

Авторам настоящей книги довелось участвовать в раскопках четырех таких курганов, содержавших пять могил, одна из которых оказалась неразграбленной. Об этом уже подробно рассказывалось в предисловии.

«Курганы с ровиками» очень напоминают тюркские погребальные и поминальные сооружения кочевников Центральной Азии. Сходство проявляется и в ровиках-оградках, и в конструкции могильной ямы (так называемая «яма с подбоем», то есть с неглубокой нишей), и в обязательном коне, которого укладывали вместе с погребенным.

От болгарских кочевнических погребений хазарские курганы отличаются и устройством могильной ямы, и наличием ровиков, и расположением коня (болгары укладывали его поверх всадника), и конструкцией лежащих в могилах сложносоставных луков с костяными накладками²⁶⁴. И это — свидетельство того, что на смену гунно-болгарам в нижнедонских степях пришли кочевники-тюрки: хазары-тюрокюты. а если точнее, то воины, возможно принадлежавшие к тюркской верхушке Хазарского каганата. Об их этнической принадлежности говорят и тюркские руны, процарапанные на монетах и костяных накладках луков. На это указывают и золотые монеты в погребениях — следы византийских выплат хазарам, о которых повествуют византийские хроники.

Хазары сооружали свои «курганы с ровиками» вплоть до начала IX века, но потом что-то произошло в Нижнедон-

ских степях. Археологи сходятся во мнении, что уже в первой трети этого столетия «курганы с ровиками» исчезают. Причины неизвестны, как непонятно и что вообще случилось с этой воинственной группой кочевников. Были ли они истреблены? Откочевали в новые земли? Ушли в очередной далекий поход и не вернулись? Парадокс, неоднократно и не без иронии отмечаемый археологами: кочевники, в которых многие признают собственно хазар эпохи расцвета каганата, куда-то бесследно пропадают без очевидных причин на пике своего могущества. А ведь Хазарский каганат после их исчезновения со страниц археологической летописи просуществовал еще около двухсот лет...

Существует небезосновательная версия, что эти люди потерпели поражение в гражданской войне, которая разразилась в Хазарии, и те, кто уцелел, отступили на запад.

Каган

В предыдущих главах мы рассказали о том, кто же такие хазары (точнее, о том, какие версии существуют на этот счет), и дали краткий обзор их ранней истории — до образования каганата и в первые несколько десятилетий его существования. Теперь пора рассказать о том, как было устроено их государство, какую религию исповедовали его жители, каких обычаев и нравов придерживались.

Существует расхожее мнение, что хазары были иудеями, — об этом много говорят и пишут, и у людей, не знакомых с историей вопроса, может сложиться впечатление, что так оно и было. Но помимо того, что в вопросе о принятии хазарами иудаизма остается много неясного, эта религия, во всяком случае, утвердилась в каганате не раньше самого конца VIII века. Менее известно, что верховный правитель каганата некоторое время (правда, очень недолгое и, вероятно, чисто формально) исповедовал ислам. Но и это случится позже, после окончательной победы арабов, о которой мы будем подробнее говорить ниже. Позднее изменится структура власти, и каган из полноправного правителя посте-

пенно превратится в сакральную марионетку, символическую фигуру, которой все поклоняются, но которая не имеет права голоса. А пока, по крайней мере до 737 года, хазары и в своих религиозных воззрениях, и в повседневной жизни, и в государственном устройстве придерживались в основном тех традиций, которые существовали у их предков-кочевников: языческая религия, кочевое скотоводство, достаточно низкий, с точки зрения просвещенных европейцев, уровень культуры и практически абсолютная власть кагана.

Поначалу Хазарский каганат был устроен по тому же принципу, что и каганаты тюркские. Если принять версию о том, что его правителями стали тюркюты из рода Ашина, это представляется очевидным. Но даже если бы тюркюты и не возглавили молодое государство, гунно-савиры и прочие жители северных берегов Каспия, будучи в той или иной мере потомками хунну, еще до прихода тюрков придерживались близких с ними воззрений на устройство мира и государства. Очень близки были и религиозные воззрения гуннов и тюрков (и, кстати, гунно-болгар). А после пребывания в составе Западно-Тюркского каганата для обретших независимость народов было бы естественно строить свою державу по такому же образцу. Во всяком случае, известно: хазарские каганы подчеркивали, что являются преемниками каганов тюркских²⁶⁵. Поэтому, кем бы ни были хазары, о раннем этапе их государственного устройства можно судить по тюркским государствам Центральной Азии. Делать это приходится хотя бы потому, что об устройстве Хазарского каганата в ранний период его истории сведений почти нет.

Тюрки возводили власть каганов к изначальным божеским установлениям. Один из властителей Второго Тюркского каганата, Йоллыг-тегин, который был неплохим историком и литератором, оставил каменные стелы с высеченными на них надписями собственного сочинения. Там, в частности, говорится:

«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Буряя Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращурь — Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и уста-

новили Тёрю (Закон) народа тюрков... Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили склонить колени! На восток и на запад они расселили свой народ. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы!»²⁶⁶

Ведя речь от имени своего дяди (который еще до него возглавлял каганат), почтительный племянник обращается к народам его эля, бекам (князьям), апа (старейшинам) и тарканам (вельможам, имевшим суверенные права):

Рожденный Небом, сам подобный Небу, я,
Бильге-каган, теперь над тюрками воссел —
Так слову моему внимайте до конца
Вы, сыновья мои и младшая родня,
Народы, племена крепящие свой эль,
Вы, беки, и апа, что справа от меня,
Тарканы и чины, что слева от меня.

Затем Бильге-каган повествует о том, как он объединил тюркские народы, завоевал огромные территории и обустроил свое государство:

Вперед — до тех земель, где солнечный рассвет,
Направо — до земель полдневных, а затем
Назад — до тех земель, где солнечный закат,
Налево — до земель полночных, — вот тот мир,
Где подданных моих не счесть: все племена,
Народы все собрал, сплотил, устроил — я!²⁶⁷

Другая надпись той же эпохи объясняет временные неудачи тюрков тем, что они потеряли своего кагана:

Сказало Небо им: «Я хана вам дало —
вы, хана потеряв, себя не сберегли»²⁶⁸.

Каган воплощал собой и сакральную, и государственную, и военную власть. У тюрков родоплеменная организация (бодун) и военно-административная (эль) дополняли друг друга. На одной из так называемых «Енисейских» стел написано, что хан (каган) «держал эль и возглавлял бодун»²⁶⁹.

Важнейшей задачей кагана были завоевательные войны и получение большой добычи, которая распределялась

между войском. На стелах, посвященных тюркским каганам, совершенные ими походы и одержанные победы перечисляются как самые славные их деяния. Каган мог назначить полководца — шада, но это не снимало с него ответственности за ход военной кампании; очень часто он возглавлял войско сам.

Помимо добычи, захваченной во время набега, каган получал еще и подати с покоренных народов. Каланкатуа-ци писал о западно-тюркском кагане: «...Властитель севера усиливался благодаря насилию в пределах всей своей страны. Он навел страх и ужас повсюду. Назначил смотрителей над ремесленниками, владеющими мастерством добывания золота, плавки серебра, железа и меди, а также на торговых путях и рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса. Всю дань он строго требовал от всех...»²⁷⁰

Для того чтобы обеспечивать верность наместников в удаленных частях огромной державы, тюрки внедрили у себя удельно-лествичную систему. По их законам не сын наследовал отцу, а младший брат — старшему и старший племянник — младшему дяде. Это обеспечивало кагана взрослыми родственниками, на которых он мог положиться (а заодно спасало престол от слишком юных и неопытных правителей). В противном случае любой из его братьев или племянников, не имеющих надежды на престол, мог возглавить смуту. А доверять кому-то из них войско или управление значительными территориями и вовсе было бы опасно (что, собственно, и наблюдалось у множества народов). У тюрков же младшие братья правителя не были заинтересованы в смуте и расколе государства — они знали, что рано или поздно оно им же и достанется в порядке очереди, поэтому каган мог спокойно поручить любому из них войско и отправить наместником к одному из подвластных племен²⁷¹. Подобно высшей власти, самые значимые государственные должности у тюрков передавались по наследству²⁷².

Инаугурация кагана у тюрков сопровождалась интересной процедурой. Н. Я. Бичурин, излагая сведения китайских источников, сообщает: «При возведении государя на престол, ближайшие важные сановники сажают его на войлок, и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом

разе чиновники делают поклонение пред ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивают: сколько лет он может быть ханом?»²⁷³

Добавим, что ответ на этот вопрос, данный в полубес-сознательном состоянии, был для новоявленного владыки делом жизни и смерти. Как только он доживал до назначенного им самим срока, его убивали и заменяли новым правителем. Об этом, но уже применительно к хазарскому кагану сообщал арабский историк ал-Истахри. Правда, его сочинение датируется 930 годом, а мы говорим сейчас о ранней истории Хазарского каганата, но эта процедура была заимствована хазарами у тюрков и не претерпела заметных изменений. Ал-Истахри пишет о хазарах:

«Когда они желают поставить кого-нибудь этим хаканом, то приводят его и начинают душить шелковым шнуром. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: “Как долго желаешь царствовать?” — он отвечает: “Столько-то и столько-то лет”. Если он раньше умрет (то его счастье), а если нет, то его убивают по достижении назначенного числа лет царствования»²⁷⁴.

Подданные кагана

Религиозные и бытовые обычаи древних тюрков, подробно освещенные современными им китайскими авторами, описывает Бичурин. Правда, надо иметь в виду, что китайцы находились с тюрками в состоянии непрерывных войн, поэтому не всю сообщаемую ими информацию стоит принимать буквально. Так, когда они говорят, что у тюрков «мало честности и стыда», что они «не знают ни приличия, ни справедливости, подобно древним хунну» и «по природе люты, безжалостливы» — эти категорические утверждения можно оставить на совести жителей Поднебесной. Но рассказы о конкретных обычаях и традициях, безусловно, более объективны. Интересно описание погребального обряда:

«Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоого пола закалают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают развертываться. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»²⁷⁵.

Этот обряд достаточно близок к тюркскому погребальному обряду, реконструированному А. В. Комаром, с тем различием, что по Бичурину останки и вещи покойного сжигаются в одном и том же месте, а не в разных.

Кроме того, Бичурин сообщает, что у тюрков был принят левиратный брак: они «по смерти отца, старших братьев и дядей по отце женятся на мачехах, невестках и тетках». «Постоянного местопребывания» у тюрков не было, но кочевали они в пределах своего, отведенного каждому участка земли. Они злоупотребляли хмельным кобыльим кумысом, любили играть в волан и «хюпу» (авторы настоящей книги так и не смогли выяснить, что же это такое) и пели песни, «стоя лицом друг к другу». Смерть от болезни считалась у них постыдной, в отличие от смерти на поле боя²⁷⁶.

Все это — сведения о нравах тюрков, которые обитали на границах Поднебесной или в ней самой (напомним, что Восточно-Тюркский каганат попал под власть Китая, а Западно-Тюркский был им частично оккупирован), но по

ним можно в общих чертах представить себе быт и нравы тюркютов раннего Хазарского каганата.

Бичурин сообщает, что в целом обычаи тюрков схожи с хуннскими. В Хазарии были и народы, которые, возможно, имели к хунну более близкое отношение, — те, кто осел на берегах Каспия со времен гуннского нашествия и кого называли хазарами еще до пришествия тюркютов (по крайней мере до появления изгнанников рода Ашина, если таковое имело место). Об их обычаях довольно подробно рассказал Мовсес Каланкатуаци.

Историк пишет, что после взятия хазарами Тбилиси, «северный лев рыкающий» Джебу-хакан оставил войско под началом своего «львенка хищного» Шата²⁷⁷ и велел ему двинуться на Алуанк, но наказал не разорять страну, «если вельможи и правители страны выйдут навстречу сыну моему и добровольно отдадут свою страну мне в повиновение». Шат приступил к военным действиям, и тогда жители Алуанка собрали богатые дары и направили в ставку хазар посольство под предводительством своего католикоса. Послы прибыли к шатру хазарского вождя как раз во время обеда и застали, с их точки зрения, весьма малопривлекательное зрелище.

«В то время, когда они прибыли туда, в стане [Шата] перед ним находились вельможи и нахарары. И видели мы, как они сидели там [в шатре], поджав ноги под себя, как тяжело навьюченные верблюды. Перед каждым из них стоял таз, полный мяса нечистых животных, а рядом — миски с солевой водой, куда они макали [мясо] и ели. [Перед ним стояли также] серебряные, позолоченные чаши и сосуды чеканной работы, награбленные в [городе] Тбилиси. Были у них и кубки, изготовленные из рогов, и большие, продолговатые [ковши] деревянные, которыми они хлебали свою похлебку. Теми же грязными, невымытыми, с застывшим на них жиром, ковшами и сосудами они жадно набирали и вливали в раздутые, как бурдюки, ненасытные брюха свои чистое вино или молоко верблюжье и кобылье, причем одной посудой пользовались по два-три человека. Не было ни виночерпиев перед ними, ни слуг позади, даже у царевича [их

не было], кроме стражи, вооруженной копьями и щитами, зорко и внимательно охраняющей его шатер тесным рядом».

Впрочем, несмотря на отсутствие хороших манер, Шат отнесся к послам с примерным дружелюбием, назвал католика отцом и поклялся выполнить любую его просьбу. Кроме того, он выразил готовность разграбить окружающие Алуанк страны, чтобы возместить убытки, которые нанес своим новым друзьям. А после того, как и католикос предложил Шату и Джебу-хакану свою службу, «улеглась ярость зверонравного князя и всех вельмож, и войска его, и стали они перед католикосом кротки, как овцы, как мужи богобоязненные к любимым братьям и ко всем согражданам и соседям».

Хазары предложили гостям разделить их трапезу и, «опустив их на колени по обычаю своему, поставили перед ними посуды, полные скверного мяса». Гости отказались от скоромной пищи (тем более что это было мясо «нечистых животных»), но хазары не обиделись, «не стали заставлять их, а убрали мясо и принесли немного тонкого хлеба», испеченного на жаровне²⁷⁸.

В истории с посольством к Шату Каланкатуаци рисует нам в основном лишь застольные обычаи хазар. Интересным штрихом является отсутствие на пиру слуг.

Другое, уже упоминавшееся нами, посольство, возглавляемое епископом Исраэлом, на полвека позже посетило хазарскую столицу. Поскольку Исраэл преследовал цели душе-спасительные, то и Каланкатуаци, описывая его миссию, теперь уделяет внимание прежде всего религиозным обрядам хазар (которых он в этой части своего текста называет гуннами), а также тем их традициям, которые показались благочестивому епископу особо богомерзкими. Так, его возмутило, что хазары «по диким языческим нравам своим жен отцов своих брали себе, или два брата брали одну жену, или [один] брал много разных жен». Напомним, что обычаем жениться на овдовевших «мачехах, невестках и тетках» был описан Бичуриным у тюрок.

Похоронные обряды жителей Варачана тоже во многом напоминают обряды тюрок: те же надрезы на лицах и скачки на лошадях. Каланкатуаци пишет:

«Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах. То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины — муж за мужем и отряд за отрядом — бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону. Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему».

Хазары обожествляли природу. «Они приносили жертвы огню и воде, поклонялись каким-то богам дорог, и луне, и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными». Бог молнии у них назывался Куар, и они «служили ему».

Главным божеством хазары считали «огромного и безобразного бога Тангри-хана, которого персы называют Аспандиат»²⁷⁹. Тангри был общетюркским божеством, почему Каланкатуаци отождествляет его с «персидским» Аспандиатом, не известно; божества с таким именем у персов никогда не было. Высказывалось предположение, что к персам этот бог никакого отношения не имел, но епископ Израэл, который в иностранных языках был сильнее, чем в языческом богословии, услышал в имени незнакомо-го бога корень «асп» и отождествил его с пехлевийским (то есть персидским) словом «аспа» — лошадь²⁸⁰. Тем более что этому богу действительно «приносили в жертву коней на кострах». Для Аспандиата строили «капища и храмы». Но главным предметом его культа было «посвященное скверному Аспандиату дерево — дуб, с пышной кроной, которому приносили в жертву лошадей и который окропляли кровью жертвы, а голову и шкуру ее вешали на ветви...». Он считался «дарителем жизни и всех благ», «хранителем и защитой...страны».

Многие другие боги хазар тоже были связаны с деревьями. «Этот дуб был как бы главой и матерью всех остальных высоких, покрытых густой листвой деревьев, посвященных [другим] суетным богам». Деревья давали «добрые дары и умножение народа» в стране, «давали силу и победу в битвах». В ответ на приносимые деревьям жертвы «больные получа-

ли исцеление, неимущие — состояние». Силою этих деревьев жрецы вызывали и прекращали дожди и «усмиряли громогласное возмущение и сверкание молний с облаков». А тех, «кто по незнанию брал для своих нужд из опавших листьев или сучьев» священного дерева, божество наказывало, истребляя его дом и род²⁸¹.

Благочестивый епископ Израэл на некоторое время положил конец «злонравным верованиям» и «развратным обычаям» хазар (по крайней мере, жителей Варачана). Он был человеком дела и не стал терять время на долгие проповеди, а попросту «осенил знамением креста высокие деревья, посвященные скверному Аспандиату, после чего священники двинулись в рошу и повалили все деревья». Епископ перевез бревна в Варачан. «Пригласив к себе искусных мастеров по дереву, он приказал изготовить из круглых бревен прекрасный крест. Вырезав [из дерева] различные изображения, прикрепили их к кресту, украсили великолепными орнаментами и весь, сверху донизу покрыли лаком». Некоторых колдунов и жрецов сожгли на кострах, а тем, что остались в живых, толерантный епископ позволил публично отстаивать свою точку зрения и назначил «судилище» на площади. Права язычников были соблюдены: «Обеим спорящим сторонам была дана возможность [высказаться] перед многочисленным собранием народа».

«Начал епископ. Держа в руках Божественное Писание, он заговорил словами [божественного] учения, строго браня и осуждая их. А жрецы, жалкие служители суеверные, сгорали от стыда перед Крестом Господним, который епископ все время держал в руке. [они] трепетали и впали в отчаяние. [Затем] они стали поносить себя, признавая свои грехи, [поклонились епископу] и обратились в истинную веру»²⁸².

Но хазары оказались не слишком стойкими христианами. Их князь Али-Илитуер (Алп-Илутвер), после принятия новой религии исчезает со страниц исторических хроник. Можно, конечно, допустить, что сей благочестивый муж удалился от мира в душеспасительных целях. Но более вероятно другое: хазарская верхушка не захотела менять веру предков, кроме того, Али-Илитуер был подданным хазарского кагана, и тот мог не одобрить нововведений своего вассала²⁸³. Так

или иначе, известно, что хазары оставались язычниками по крайней мере до конца VIII или начала IX века, когда правящая верхушка каганата приняла иудаизм.

Глазами археологов

О языческих, прежде всего тюркских, обычаях хазар говорят курганы «с квадратными ровиками», которые возводились в донских степях вплоть до начала IX века, и святилища, найденные археологами в хазарских крепостях: Хумаринской в горах Кавказа²⁸⁴, Маяцкой на юге Воронежской области²⁸⁵, средневековой Сугдее в Крыму²⁸⁶. Ряд исследователей считают их тюркскими, тем более что Маяцкое и Хумаринское святилища имеют квадратную планировку. Интересно, что подобное святилище квадратной формы существовало и в Дунайской Болгарии, на территории первой ее столицы — Плиски²⁸⁷, основанной потомками племени Аспаруха.

В Воронежской области был обнаружен уникальный подземный лабиринт, на котором стоит остановиться особо. Лабиринт этот «действовал» в VIII—IX веках, и ученые отмечают его тюркские корни. Это было подземное сооружение общей площадью 254 квадратных метра. Переплетающиеся коридоры шириной от полуметра до полутора метров и высотой не больше 1,3 метра, а иногда и значительно меньше вели в подземную «юрту». В ее центре когда-то, видимо, стоял каменный идол, здесь же сохранились следы человеческого жертвоприношения. В самих коридорах найдены кости жертвенных животных²⁸⁸. С. А. Плетнева предположила, что в этом лабиринте юноши проходили обряд инициации. У восточного входа будущий воин приносил в жертву овцу или коня. Потом ему приходилось в темноте, почти ползком, передвигаться по узким запутанным ходам, с трудом выбирая правильное направление и готовясь к суровым испытаниям, которые ожидали его в подземном святилище. Это было экзаменом на умение ориентироваться, на смелость и терпение²⁸⁹. И конечно же, вся эта процедура-

ра, начинавшаяся с жертвоприношения и заканчивавшаяся возле каменного идола, стоявшего на человеческих костях, была бы немыслима для представителей любой авраамической религии (то есть иудаизма, христианства или ислама).

Во многих захоронениях Северо-Западной Хазарии (на Среднем Дону), в основном в аланских катакомбах, возможно, прослеживается языческий обряд «обезвреживания» покойника — то есть полное или частичное разрушение его скелета, чтобы тот не мог подняться из могилы и вредить живым. Это находит отражение и в алано-осетинских фольклорных традициях²⁹⁰.

Впрочем, на этот счет существует и другая точка зрения, и разрушения скелетов могли быть связаны со спецификой зороастрийского похоронного обряда. Некоторые ученые допускают, что эта религия могла оказать некоторое влияние на болгар и северокавказских алан, в том числе переселившихся на Средний Дон в хазарское время. В соответствии с зороастрийской религиозной традицией, труп покойника после первоначальных обрядов оставался «на свежем воздухе» примерно две недели и только потом помещался в заранее вырытую могилу и засыпался землей. Естественно, что анатомический порядок костей скелета при этом мог нарушаться²⁹¹.

Нельзя сбрасывать со счетов и банальное ограбление могил, которое в ряде случаев трудно отличимо от следов неких «постпогребальных» ритуалов.

В некоторых захоронениях лесостепной зоны явственно видны следы человеческих жертвоприношений. Эти захоронения также принадлежали, вероятно, не самим хазарам, а переселившимся в этот регион в середине VIII века аланам. В могильнике Дмитриевского городища археологи раскопали немало могил, в которых богатого немолодого воина сопровождала очень юная женщина, почти девочка, а иногда — женщина и маленький ребенок. Маловероятно, чтобы женщина эта, так сильно отличающаяся от своего спутника по возрасту, была его женой. Тем более что у большинства народов законных жен хоронили с мужьями достаточно редко — семье, которая осталась без главы и кормильца, было невыгодно терять

еще и хозяйку дома. Скорее всего, девушка, последовавшая за своим господином в иной мир, была рабыней, которая после смерти получала статус загробной жены, — об этом косвенно говорит слой угля, который археологи обычно находят именно в этих могилах и который они трактуют как след обряда «посмертного венчания». А вот пары, похороненные без угля, обычно были гораздо ближе по возрасту, а иногда женщина оказывалась даже старше — ее подзахоранивали в могилу мужа через несколько лет после его смерти²⁹².

Отметим, что в собственно хазарских могилах (с ровиками) следы человеческих жертвоприношений не встречаются, — вероятно, хазары предпочитали подождать, пока их земные спутницы умрут естественной смертью. Нет в этих могилах и следов «обезвреживания».

Говоря о ритуальных убийствах, нельзя не упомянуть так называемое «Погребение хирурга». Правда, сегодня трудно сказать наверняка, был ли злополучный врач принесен в жертву богам и обитателям загробного мира или же просто растерзан разъяренными родственниками погибшего пациента...

Дело обстояло так: археологи обнаружили на берегу реки Северский Донец большой могильник хазарского времени — оставили его, скорее всего, болгары, жившие здесь в IX веке. В одном из погребений были найдены останки женщины 25–30 лет со следами прижизненной трепанации черепа. Вероятно, у нее была опухоль мозга, и хирург вырезал в районе виска отверстие приметно 45 на 65 миллиметров и удалил пораженный участок. Операция прошла успешно, от чего бы ни скончалась пациентка, произошло это позднее, и хирург продолжал свою практику. Но другая операция оказалась не столь удачной.

В этом же могильнике было обнаружено погребение мужчины 26–30 лет. Археологи, тщательно изучив его останки, восстановили вероятный ход трагических событий, происшедших на берегах Северского Донца больше тысячи лет тому назад. Молодой воин получил сильный удар по голове, скорее всего, кистенем. Теменная кость была проломлена, случилось внутреннее кровоизлияние и отек мозга. И тогда хирург, кото-

рому уже случалось проводить подобные операции, решился на декомпрессионную трепанацию, цель которой — удалить часть кости, чтобы понизить давление при отеке. Он наложил на поврежденное место круглую серебряную пластину диаметром около 23–24 миллиметров, игравшую роль шаблона, и, придерживая ее пальцами, острым ножом стал резать кость. Круглое отверстие было намечено и частично прорезано, но что-то не удовлетворило врача, и он, слегка сдвинув пластину, решил увеличить его. Хирург уже наметил новую прорезь, но на этом операция прервалась, — вероятно, больной умер.

Но история на этом не закончилась. Рядом с могилой погибшего пациента археологи нашли могилу самого хирурга. О том, что это был он, свидетельствует лежащая возле него серебряная пластинка-шаблон, в точности совпадающая по форме и размеру с трепанационным отверстием, и ножик, которым это отверстие было сделано. А о том, что смерть эскулапа не была случайной, неопровержимо говорит его голова, отсеченная от туловища и лежащая отдельно. Вероятно, этим убийством родичи пациента хотели умиловить душу погибшего. Соплеменники позаботились и о том, чтобы в загробном мире врач не мог продолжать свою практику: кисти рук у него также были отрублены и выброшены, по крайней мере, ни одна косточка от них не сохранилась. Правда, хирургические инструменты были уложены в могилу, но, возможно, это сделали не для того, чтобы несчастный врачевал жителей иного мира, а для того, чтобы не соблазнять на подобные операции его последователей в мире земном²⁹³.

Следы ритуальных убийств археологи находили и в крепостях Хазарии. Например, в Саркеле — хазарской крепости, построенной в тридцатые годы IX века, — в здании каравансарая, кроме традиционных «закладных жертв» (заложённые в фундамент череп и ноги коня, останки других животных и рыб), археологи обнаружили части женского скелета и череп ребенка. Это не было «строительной» жертвой, потому что яму, в которую уложили расчлененные останки, вырыли уже после завершения строительства (она прорезала обмазку пола). Но функция у этих людей была примерно такой же: им надлежало охранять обитателей дома²⁹⁴.

Тут же, при караван-сараяе, когда-то была кузница, но потом на ее месте построили жилой дом. Поскольку новшество это могло быть обидным для духа огня, его умилостивили при помощи жертвы: в котлован кузницы бросили расчлененное тело женщины²⁹⁵.

Жертвы, приносимые в Саркеле — крепости, сооруженной по прямому приказу кагана²⁹⁶, — вряд ли были тайными, идущими вразрез с государственными установлениями. Но не исключено, что жертвователями были не сами хазары, а люди, принадлежащие к другим народам, входившим в состав каганата (известно, что гарнизон Саркела состоял из гузов или печенегов²⁹⁷). Во всяком случае, языческие традиции в Хазарии процветали во все периоды ее существования. Когда верхушка каганата приняла иудаизм, эта реформа не коснулась простого населения — по крайней мере, населения, принадлежавшего к другим этносам.

Известно, что в иудаизме человеческие жертвоприношения всегда были категорически запрещены (этот запрет стал одним из краеугольных камней новой религии, когда она выделилась из ранее существовавших семитских культов, и редчайшие случаи нарушения этого запрета расценивались как вероотступничество²⁹⁸). Но у правящей верхушки Хазарии не хватило сил, чтобы вмешиваться (или хватило ума не вмешиваться) в религиозную жизнь своих подданных, предоставляя им совершать любые обряды и приносить любые жертвы по своему усмотрению. В каганате существовала очень высокая веротерпимость, которая в целом сохранялась, несмотря на любые религиозные реформы в верхах. А реформ этих было немало, ведь до того, как принять иудаизм, каган и его приближенные были силою оружия ненадолго обращены в ислам. Но об этом — в следующей главе.

Письменность и символика

С письменностью в Хазарском каганате дело обстоит так же загадочно, как и со многим другим. Еще в VI или VII веках у тюркских племен Центральной Азии появи-

лось руническое письмо на основе согдийского алфавита²⁹⁹. Известны обширные надписи, высеченные на стелах в честь тюркского владыки Бильге-Кагана и полководца Кюль-Тегина в поминальных храмах на территории современной Монголии. Прочтены и многие другие центральноазиатские рунические надписи этой эпохи.

Несколько десятков надписей, сделанных тюркским руническим письмом, были найдены и на территории Хазарского каганата. Большая их часть процарапана на каменных блоках крепостей: Маяцкой на Среднем Дону и Хумаринской в горах Центрального Кавказа. Несколько надписей открыто на Нижнем Дону — на костяных обкладках луков из воинских погребений в курганах «с квадратными ровиками»³⁰⁰. Также с Нижнего Дона происходят относительно длинные надписи на двух глиняных баклажах³⁰¹ — походных флягах, распространенных у кочевников. Баклажки эти хранятся в новочеркасском Музее истории Донского казачества, но обстоятельства их находки неизвестны. Скорее всего они, как и луки, были найдены в хазарских курганах. Руны процарапаны на нескольких византийских солидах, найденных в «курганах с ровиками»³⁰².

В известном письме киевских евреев, написанном в X веке, в конце документа стоит дописанная другой рукой короткая руническая надпись. Письмо это было адресовано к зарубежным иудейским общинам с просьбой собрать деньги для их единоверца, оказавшегося в стесненных обстоятельствах и угодившего в долговую тюрьму (он был поручителем по долгам своего брата, которого убили и ограбили разбойники). Киевские евреи собрали большую часть необходимых денег, и узник был отпущен на свободу, но ему надлежало внести еще 40 монет (вероятно, золотых), и он отправился в путешествие по миру, заручившись рекомендательным письмом уважаемых членов киевской общины, в котором подтверждалась его горестная история. Почему-то текст письма завизирован внизу рунической надписью — есть предположение, что она была сделана хазарским таможенным чиновником. По мнению исследователей хазарской письменности Н. Голба и О. Прицака, надпись буквально

означает: «Я прочел (это)». Впрочем, многие специалисты считают их перевод произвольным³⁰³.

Удовлетворительно расшифровать «хазарские» рунические надписи пока никому не удалось³⁰⁴. Они сильно отличаются от тюркских надписей Центральной Азии. Кроме того, среди них выделяются два варианта: донской и кубанский³⁰⁵. Возможно, донской вариант следует связывать с тюрко-хазарами, а кубанский — с болгарями, расселившимися на Кубани еще со времен хана Куврата или даже ранее³⁰⁶.

На территории Хазарии находят и знаки другого рода — типичные сармато-аланские тамги, относящиеся к иранской культурной традиции. Эти знаки появились у сарматов еще на рубеже эр и стали очень популярны — иногда на один предмет наносилось до нескольких десятков таких знаков. Но тамги не являются письменностью или ее разновидностью, это знак рода или клана, знак собственности, которым «клеймились» различные предметы. Тамги могли ставиться в связи с каким-либо важным событием: свадьбой, обрядом побратимства, строительством, в котором принимали участие родственники — представители клана. Это мог быть и личный знак мастера или клана мастеров-ремесленников, например гончаров³⁰⁷. Характерные гончарные аланские тамги-клейма (в частности, в виде креста) встречаются на днищах столовых и кухонных сосудов: кувшинов, горшков, кружек, кубышек. Эта керамика в большом количестве изготовлялась во многих регионах Хазарии. Большинство мастеров, использовавших такие клейма, вероятно, были аланского происхождения.

Тамги найдены на стенах многих крепостей Хазарии: Маяцкой, Хумаринской, Саркела, Правобережного Симлянского городища. Вероятно, они говорят об участии аланских мастеров в строительстве. Возможно, знаком на одном из блоков метилась целая партия стеновых блоков после их изготовления в каменоломнях, другой знак мог ставиться мастером или «приемщиком работ» на готовом участке крепостной стены.

Возможно, хазары перенимали у алан отдельные тамги и использовали их в дальнейшем как свои, а тюркские руны,

в свою очередь, могли усваиваться аланами в качестве новых тамг³⁰⁸. Иногда тамги и руны соседствуют друг с другом. Их можно видеть рядом на стенах некоторых крепостей, например Маяцкой и Хумаринской. И тюркские руны, и аланские знаки есть на предметах поясной гарнитуры из Мартыновского клада в Поднепровье³⁰⁹. На территории Хазарии находят множество игральных костей-астргалов с разнообразными символическими знаками, среди них также встречаются и руны, и близкие к тамгам знаки³¹⁰. Астргалы эти могли использоваться не только для игры, но и для магических действий, например гадания.

Вообще, разного рода магия и амулеты были в каганате весьма популярны. Его жители часто носили талисманы с солярными символами, в том числе свастикой, изображениями птиц. Во многих погребениях археологи находят ожерелья-обереги, сделанные из костей животного, которое было покровителем человека или всего его рода. На женщин часто надеты ожерелья из пястных косточек зайца и лисы³¹¹. Известно, что в аланской мифологии лиса была покровителем женщин, в частности рожениц, и в данном случае мифология хорошо подтверждается археологией.

Иногда женщины носили амулеты, которые на сленге археологов называются «самоварчиками», — это две миниатюрных чаши на ножках, соединенные друг с другом широкими краями и образующие единую полость. Высказывалось мнение, что они отражают древнейшее представление об устройстве вселенной, состоявшей из двух «чаш» — неба и земли, дня и ночи (подобные представления существуют в древнеиндийской мифологии). Встречаются и другие парные фигурки: стилизованные изображения верблюдов, птиц или лошадей, соединенные по принципу «тяни-толкая», — их происхождение и смысл до сих пор не разгаданы³¹².

Очень редкой, но крайне интересной находкой являются небольшие глиняные «лепешки» с оттиснутыми на них до обжига точками, образующими круги или расходящиеся от центра лучи. Ученые считают эти предметы символическим обрядовым «хлебом». Они могли быть домашними оберегами или использоваться в ритуалах, связанных с земледельческими языческими культами³¹³.

Глава 8 Поражение от арабов. Принятие каганом ислама

Победа ислама

Мы уже писали, что в начале тридцатых годов VIII века хазары потерпели от арабов несколько достаточно серьезных поражений, в том числе потеряли Дербент, теперь уже навсегда. Но арабский полководец Марван вынашивал планы полного разгрома Хазарии. По сообщению Ибн ал-Асира, Марван отправился к халифу и изложил ему свою точку зрения на ошибки, допущенные его предшественником Масламой. Новый полководец возмущался, что Маслама, объявив хазарам войну, после этого бездействовал в течение трех месяцев и дал врагу время собраться с силами.

Марван не только испросил у халифа огромную армию (120 тысяч воинов), но и убедил его держать все приготовления в тайне. Армия была мобилизована для якобы запланированного похода против алан, а к хазарам были отправлены послы с предложением о мире. Каган поверил недавним врагам и, в свою очередь, направил к ним своего представителя для заключения мирного договора. Но Марван торопиться с договором не стал и тянул время, пока приготовления

к войне не были закончены. Тогда он «оскорбил хазар словами» и отправил их посла обратно, но не с мирным договором, а с объявлением войны. При этом он поручил своим людям «вести его по дальнему пути, а сам двинулся по ближайшему». И когда посол прибыл к кагану с печальным известием, Марван уже пересекал границу Хазарии³¹⁴. Это произошло в 737 году.

Армия Марвана, усиленная войсками союзников, насчитывала к этому времени 150 тысяч человек. Ал-Куфи пишет: «Все его военачальники, подчиненные и слуги были одеты в белое, каждому было выдано копье, кончик которого был заострен подобно горящему факелу... Войска излучали такой блеск, что птицы облетали их стороной, иначе, завидя его блеск и сияние, они падали в растерянности»³¹⁵. Возможно, насчет птиц арабский историк и преувеличил, но хазары действительно испугались, и каган, по словам Ибн ал-Асира, бежал из города ал-Байда, «в котором живет (обычно) хакан», «до последних пределов своего государства». «Мерван же вторгся в страну и углубился в нее и разорил ее и захватил много добычи и пленных и дошел до конца»³¹⁶.

Арабские историки оставили достаточно неопределенные сведения о географии этой кампании, поэтому историки современные по сей день спорят о том, куда же бежал каган и до какого «конца» дошел Марван. Разные мнения существуют и о том, где находился город ал-Байда. М. И. Артамонов (и ряд других авторов) считает, что город этот стоял в низовьях Волги, и гонимый арабами каган, бросив столицу, двинулся вверх по реке, вдоль ее левого берега³¹⁷. Арабы преследовали его по правому берегу, заодно совершив набег на неких сакалибов «и на другие соседние племена безбожников и захватили из них 20 тысяч семей»³¹⁸. Сакалибами арабы обычно называли славян, но не только их. Артамонов полагает, что в данном случае имелись в виду буртасы (впрочем, о том, кто такие буртасы, ученые тоже спорят до сих пор). Так или иначе войска Марвана в своей погоне за каганом вышли к некой «реке сакалибов»; Артамонов считал, что имеется в виду Волга в районе современного Саратова³¹⁹.

Здесь арабам предстояло прежде всего сразиться с ударным 40-тысячным отрядом хазарской армии, под началом

некоего Хазар-Тархана. Для этого они сформировали свой отряд той же численности, составленный из лучших воинов, который переправился через реку впереди хазарской армии, чтобы напасть на нее из засады. Но арабам неожиданно повезло: совершенно случайно они наткнулись «на одного хазарского военачальника с 20 хазарскими всадниками, которые охотились с собаками и соколами». Охотники были перебиты, после чего выяснилось, что среди них находился сам Хазар-Тархан.

Лишенные предводителя, воины не смогли дать отпора противнику. Арабы «напали на хазар, перебили из них 10 тысяч и взяли в плен 7 тысяч. Остальные бросились бежать от арабов и укрылись в чашах, долинах и горах»³²⁰.

А. П. Новосельцев полагает, что нет оснований привязывать все эти события к Волге и что ал-Байда — это другое название Семендера. Кроме того, на Волге в те времена никаких славян (с которыми он отождествляет сакалибов) не наблюдалось, что же касается Дона (а точнее, его притока, Северского Донца) — Новосельцев допускает, что славяне на его берегах в описанное время жить могли. Поэтому историк считает, что арабы преследовали беглого кагана до реки Дон³²¹.

Наиболее обоснованную (по мнению авторов настоящей книги) точку зрения высказал на этот счет А. А. Тортика, который предполагает, что разгром хазарской армии произошел в Северном Предкавказье. Исследователь считает, что ни на Волге, ни на Дону в те годы массового и компактного проживания славян, во всяком случае, не было — только на рубеже VIII и IX веков в районе современного Воронежа появилось население, которое можно, и то условно, причислить к славянам³²². Соответственно под сакалибами арабские авторы в данном случае имели в виду кого-то другого (А. А. Тортика предполагает, что это были адыгские племена).

Ал-Куфи, вскользь сообщая о том, что арабы перед сражением перешли реку, ничего не пишет о наведении мостов или строительстве плотов. Более того, когда Марван приказал командиру своего отборного отряда форсировать реку, тот испросил отсрочки до наступления темноты и обе-

шал напасть на хазар уже завтра, но полководец рассвирепел и под угрозой отсечения головы отсрочки не дал. Возможно, Марван и был самодуром, однако же 40-тысячный отряд арабов действительно без задержки переправился на другую сторону. Причем предполагалось, что переправа эта пройдет в тайне от хазар (что и случилось). Допустить, что 40 тысяч человек в течение одного дня незаметно для окружающих форсировали Волгу, невозможно, и А. А. Тортика считает, что подобное скорее могло случиться на Кавказе, где и реки поуже, и горы загораживают обзор.

Но главное, трудно представить, зачем бы арабы носились по бескрайним волжским или калмыцким степям, преследуя своего противника, земли которого и так уже были захвачены. Тем более что такого рода походы для столь многочисленной армии были сопряжены с огромными издержками и трудностями. Да и каган, если уж допустить, что он, спасаясь от Марвана, преодолел такие огромные расстояния, без труда мог уйти, например, в Крым, который находился под его влиянием, или затеряться на просторах Восточной Европы — однако не сделал этого. Что же касается арабов, они были заинтересованы в покорении Закавказья и Кавказа и в ограждении этих земель от хазарских набегов, но им было совершенно нечего делать в северных степях³²³.

Но где бы ни происходили эти события, гибель Хазар-Тархана и разгром его армии означали временное прекращение многолетнего хазаро-арабского противостояния. Ал-Куфи пишет:

«Об этом узнал хакан, царь хазар, впал в безысходную скорбь и воздел руки к небесам. После этого он послал к Марвану ибн Мухаммаду человека, чтобы спросить у него: “О эмир! Ты пленил хазар и саклабов, перебил их и достиг желаемого! Чего же еще тебе надо?” Марван ответил посланцу: “Я желаю, чтобы он принял ислам, иначе я убью его, захвачу его царство и передам его другому!”».

Каган принял предложенное условие и лишь попросил прислать ему учителя, который наставил бы его в новой вере. Марван послал двух. Сначала каган пытался спорить с ними и упорствовал в своем праве пить вино и есть «мертвечину». Но ему было категорически заявлено: «...Нет в религии исла-

ма дозволения запретному и запрета на дозволенное, и если ты примешь ислам, то тебе не дозволена мертвечина, кровь и мясо свиньи и все, что не славит имя Аллаха, если это предано заклятию».

«Затем хаган, царь хазар, принял ислам и вместе с ним приняли ислам множество людей из числа его родных и соплеменников... Марван оставил его править своим царством, а затем побратался с ним как с братом по вере, попросился с ним и принял от него подарки»³²⁴.

На этом в отношениях между Хазарией и халифатом примерно на четверть века (до 763 года) установилось некоторое мирное равновесие. Войны прекратились, границы не пересматривались. Хазары примирились с окончательной утратой Закавказья, а арабы оставили надежды на полное подчинение Хазарии и удовлетворились тем, что ослабленный каганат более не вмешивался в их закавказские дела.

Что касается религиозной победы арабов над язычниками, то она представляется весьма сомнительной хотя бы потому, что, когда через несколько лет хазарская царевна Хатун была просватана за арабского наместника страны Арран (равнинная часть современного Азербайджана), ее пришлось перед свадьбой обучать основам ислама. Да и само ее путешествие к жениху у ал-Куфи описано как переезд «из страны хазар в страну ислама»³²⁵. Надо думать, что каган и его приближенные не считали себя слишком связанными обетами, которые приняли под давлением силы. Впрочем, добровольному почитанию ислама в каганате тоже никто не препятствовал, и со временем эта религия получила там некоторое распространение. Во всяком случае, известно, что в Итиле (столице Хазарии в IX—X веках) рядом с синагогами и христианскими церквями стояли мечети.

Хазарская невеста Хатун

Так или иначе, на юго-восточных границах Хазарии установился мир, и эта страна на несколько лет исчезает со страниц исторических хроник. Хазары не нарушали переми-

рия, однако верность кагана своим недавним победителям вызывала у арабов понятные сомнения.

В 50-е годы VIII века глава халифата писал своему наместнику Йазиду ибн Усайду ас-Сулами в Арран: «Страна Арран не будет пребывать в мире до тех пор, пока не будут установлены родственные связи с хазарами. Я думаю, что ты должен породниться с ними и страна станет пребывать в мире. Иначе я боюсь за тебя и за всех твоих налогосборщиков, так как хазары не оставят вас в покое. Ибо если они захотят, то соберут войско и одержат победу. Смотри, не пренебрегай моим советом и постарайся вступить в родство с хазарами. И мир!»

Йазид повиновался и направил к хазарам сватов. Те сговорили за него дочь кагана, уплатив за нее калым в 100 тысяч дирхемов (в пересчете на вес дирхема того времени — 390 кг серебра). Ал-Куфи пишет:

«Хатун торжественно выехала из страны хазар в страну ислама. С ней следовали 10 тысяч хазар из числа ее родичей, 4 тысячи превосходных кобылиц, тысяча мулов, тысяча рабов, 10 тысяч низкорослых верблюдов породы хазари, тысяча верблюдов породы турки, причем каждый из них двугорбый, 20 тысяч голов овец, 10 фургонов с перекрытиями и дверцами, обитыми золотыми и серебряными пластинами, усланных внутри соболями и украшенных шелками, 20 повозок, груженных золотыми и серебряными вещами и посудой, и другое».

Прибыв к городу Барда, мудрая невеста не отправилась сразу к жениху, а остановилась со своим караваном неподалеку от городских ворот и через посланца попросила будущего мужа: «Пошли ко мне женщин-мусульманок, которые растолковали бы мне сущность ислама и читали бы мне Коран. И когда я усвою это, я буду твоей!» Ее просьба была исполнена, и она стала изучать новую для себя религию. «И не осталось у Йазид а ибн Усайда ни одного командующего, который не принес бы ей подарка, соответствующего его рангу».

«Когда Хатун познала ислам и изучила Коран, от нее принесли меч и кинжал и Йазид ибн Усайд понял, что она решает ему войти к ней. Он вошел к ней по ее разрешению,

а она в это время была разукрашена и увешана драгоценностями. Йазид ибн Усайд стал жить у нее и оставался с ней два года и четыре месяца. Она родила от него двух сыновей. После этого она умерла и умерли оба ее сына. Йазид страшно горевал по ней»³²⁶.

Смерть Хатун имела далекие и печальные политические последствия. По сообщению Гевонда, «смерть ее приписали коварству»³²⁷. В отместку в 762 году хазары собрали огромное войско и вошли во владения арабов через дербентские ворота. Цитадель они взять так и не смогли, хотя и навалили под ее стенами груды деревьев, доходившие до самой вершины крепости. Но арабы залили атакующих горячей нефтью и заставили их отступить³²⁸. Впрочем, цитадель Дербента никому, кроме жителей самого Дербента, не была особенно нужна. Хазары миновали ее и ринулись в Закавказье. Арабы стали срочно подтягивать сюда войска из других провинций, но не могли противостоять хазарской армии. Ал-Куфи пишет:

«В это время подобно водам Нила и ночному мраку появились кавалерийские отряды хазар, которых было более 200 тысяч всадников... Противники встретились в сражении на земле Ширвана. И не видели муслимы дня страшнее этого, ибо было убито огромное их число. Йазид ибн Усайд бежал с поля боя и укрылся в городе Барде. Хакан же, царь хазар, и его воины ушли, захватив такое количество добычи, что описать невозможно»³²⁹.

Гевонд сообщает, что хазары разорили «все области агванские» и «семь областей царства грузинского», в то время как Йазид, которого историк называет «хвастливым подагриком», «не смел даже поднять головы своей»³³⁰. Из одной только Грузии в плен было уведено 50 тысяч человек³³¹.

Грузинская «Летопись Картли» излагает несколько неожиданные, хотя и весьма романтические причины нападения хазар на Грузию. Она передает относящуюся к этим годам трагическую историю Шушан, дочери святого мученика Арчила. Девушка со своим братом Джуаншером проживала «в стране Картлийской и Кахетской». Она была «прекрасна ликом, и слухи о красоте ее дошли до царя Хазарского Хакана». Каган имел по поводу красавицы самые честные

намерения: «прислал он гонцов, дабы выпросить Шушан себе в жены, взамен обещав пособить в борьбе с сарацинами». Однако Шушан, хотя и была христианкой, не желала внести свой вклад в борьбу с сарацинами и «гневно порицала Хазарского царя». А ее родственники прямо заявили: «Уж коли станет нам невоготу, то лучше удалиться в Грецию и обратиться к христианам, нежели позволить язычнику опохабить дитя наше».

Каган обиделся, выждал три года и послал своего полководца Блучана, который для того, чтобы заполучить красавицу, разгромил Кахети, «сокрушил город Тбилиси, полонил Картли и всю эту страну». Шушан попала в плен, но и это не смирило добродетельную грузинку. По дороге в Хазарию она объявила: «Лучше мне помереть, дабы господь сопричастил меня святой матери, нежели быть посрамленной язычником». После чего проглотила яд, который хранила в своем кольце, и пала мертвой.

В результате этой истории неожиданно пострадал и Блучан, который не догадался доставить своему повелителю тело его невесты. Каган рассердился и жестоко покарал его: «Схватили Блучана, накинули ему на шею аркан, отдали двум всадникам на растерзание и оторвали ему голову немилосердно». И только брат добродетельной и жестокосердной Шушан вышел из этой истории живым и даже не без прибыли: «По истечении семи лет Хакан отправил Джуаншера в собственную страну, одарив его обильно»³³².

Последнее крупное вторжение хазар в Закавказье произошло в 799 году, и формальный повод для него был примерно таким же, как и четыре десятилетия назад, когда каган пошел войной на арабские владения после смерти Хатун. Теперь, в 798/799 году, очередной каган выдал свою дочь Суб-т (или С-бу-т) за арабского наместника в Закавказье (который, кстати, приходился молочным братом знаменитому Харун ар-Рашиду). Девушка умерла, не успев доехать до места, и ее отцу доложили, что она была убита. И тогда разъяренный каган отправился в Закавказье с огромным войском³³³.

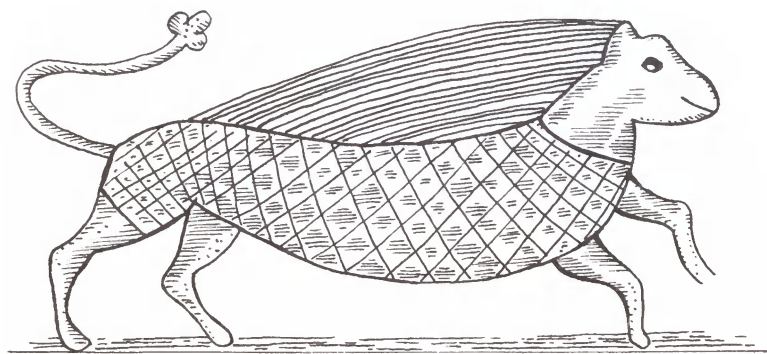
Впрочем, называют и еще одну причину этой войны: ссора двух арабских вельмож привела к тому, что один из них

«направил к хакану, царю хазар, посла с подарками стоимостью в 100 тысяч дирхемов. Он написал ему письмо, в котором просил его прибыть к нему на помощь и обещал ему в качестве добычи страну ислама».

Так или иначе, «хакан и его войска вторглись в страну ислама, перебили огромное число мусульмов и взяли в плен 100 тысяч мужчин, женщин и детей. После этого они возвратились в свою страну»³³⁴. По другим данным они угнали «более ста тысяч голов скота»³³⁵. Впрочем, одно другому не противоречит. Но это было последней их крупной военной операцией в регионе. В IX и X веках и мусульмане, и хазары ограничивались мелкими пограничными стычками или же незначительной помощью другим народам в их военных кампаниях.

Глава 9 Салтово-маяцкая культура

В первой половине — середине VIII века в Хазарии начинается очередной этап больших перемен и массовых миграций. По всей стране, от Средней Волги до Крыма и Приазовья, возникает огромное количество поселений — происходит своего рода «второе пришествие» Хазарии в земли, которые были завоеваны раньше. Теперь, после установления политического контроля над регионами, следует их заселение и хозяйственное освоение. Из разоренного арабо-хазарскими войнами Предкавказья идет отток населения на север.

На север переносится и столица Хазарии — вероятно, для того, чтобы уберечь ее от неожиданного набега арабов. Правда, с конца тридцатых годов между арабами и хазарами установился относительный мир, но о том, что он будет достаточно прочным и долгим, в VIII веке знать не могли. Новой столицей каганата становится Итиль в дельте Волги. Не исключено, что город этот стоял здесь издавна, назывался ал-Байда и уже в тридцатые годы VIII века каган имел в нем постоянную резиденцию. Но именно с середины VIII века Итиль начинает из малоизвестного городка превращаться в блистательную столицу государства.

Примерно в середине VIII века складывается салтово-маяцкая археологическая культура, общая для большинства народов Хазарии. Важнейшей ее составной частью (по которой археологи прежде всего эту культуру определяют) стала аланская керамика, а в степях, кроме того, — некоторые вещи, связанные с бытом кочевников, например известные каждому археологу-хазароведу котлы «с внутренними ушками».

Верхний Салтов

Прежде всего в переселении народов приняли участие аланы, которые еще со времен гуннского нашествия (а возможно, и раньше) осели в Предкавказье, сменив кочевую жизнь на оседлую. Теперь некоторые из них снова стронули с места и направились в основном на северо-запад (а небольшая часть — на юг). Причины, по которым аланы оставили насиженные места и компактными группами расселились вдоль границ Хазарского каганата, усматриваются самые разные. Некоторые ученые считают, что аланы устали от арабо-хазарских войн, которые нередко шли на их территории и с их участием. Некоторые полагают, что аланы были частично вытеснены пришедшими в район Кисловодской котловины болгарами. Существует и версия о том, что аланы покинули родину, спасаясь от эпидемии чумы...³³⁶

Так или иначе, массовое переселение народа в государстве с центральной властью не могло происходить бесконтрольно. Скорее всего, верхушка каганата не просто позволила аланам искать лучшей доли, но и направила их в те места, где они могли принести наибольшую пользу, а именно на границы своего государства. Аланы поселились в низовьях Кубани, где им, вероятно, предписывалось защищать каганат со стороны Черного и Азовского морей. Небольшая их группа переселилась на юг, чтобы контролировать ведущие в Закавказье горные перевалы. И наконец, самая большая группа алан появилась в лесостепях Северского Донца и Средне-

го Дона, к западу от которых уже обитали славянские племена³³⁷.

Возле современного села Верхний Салтов (на правом берегу реки Северский Донец в Харьковской области) археологи обнаружили огромный комплекс памятников хазарского времени: городище с остатками белокаменных стен цитадели, примыкающее к нему поселение и грунтовый (то есть без курганов) катакомбный могильник, занимающий площадь около 100 гектаров. На другом берегу реки оказались еще одно городище и еще один могильник, но уже не катакомбный, а грунтовый ямный — они называются «Нетайловскими» (хотя археологи объединяют оба городища и могильники в один, Верхне-Салтовский, комплекс).

Отметим, что «катакомбы» на языке археологов, в отличие от общепринятой речи, вовсе не означают сложную систему глубоких подземных коридоров и галерей. Обычно катакомба — это могила, сооруженная по следующему принципу: вертикальный входной колодец (длина его может достигать нескольких метров), горизонтальный или наклонный коридор (дромос) и в его конце — «грот» — погребальная камера, в которой и находится сам погребенный. Дромоса может и не быть — тогда вход в погребальную камеру расположен прямо у дна колодца. Может отсутствовать и входной колодец — тогда дромос начинается на поверхности земли и наклонно идет вниз. В восточноевропейских степях специалисты выделяют целую археологическую культуру, которая получила название «катакомбной», оставившие ее народы жили в конце III — первой половине II тысячелетия до н.э. Они, равно как и их соседи, еще не имели письменности, и мы не знаем, как они себя называли, поэтому археологам только и остается, что называть их по самой распространенной конструкции их могил — «катакомбниками». Но катакомбы были популярны и у многих других народов разных эпох, в том числе у алан Северного Кавказа, которые традиционно хоронили своих покойников в грунтовых Т-образных катакомбах (ось дромоса была перпендикулярна длинной оси погребальной камеры)³³⁸. Что же касается грунтовых ямных погребений — это обычные ямы без курганной насыпи; именно они заполняют наши современные кладбища.

Но вернемся к Верхне-Салтовскому комплексу. Входящая в его состав каменная цитадель была построена хазарами чуть позже. Что же касается обоих городищ и могильников, то они возникли в середине VIII века.

Верхне-Салтовское городище было когда-то крупным населенным пунктом, площадью около 120 гектаров. Его окружали валы и рвы, к северу от него вдоль реки тянулся большой посад. В самом городе проживало около семи тысяч человек, а с учетом пригородов (в которые входило и второе городище), население его достигало 20 000³³⁹. Рядом с городом располагался могильник, в котором, по предварительному подсчету ученых, было похоронено 30 000 человек³⁴⁰. Более 700 могил уже раскопано³⁴¹ — в основном это катакомбы. Ступени вели в открытый сверху наклонный дромос, имевший несколько метров в длину. На глубине от 2 до 5 метров дромос переходил в могильную камеру — овальную в плане, со сферическим сводом. Для знатных людей сооружали отдельную катакомбу, люди попроще довольствовались семейными склепами. Покойников укладывали на подстилку из луба, подсыпку из речного песка или угля. После очередного погребения вход в камеру закладывали каменной плитой или досками³⁴².

С покойными клали оружие, украшения, керамические сосуды, предметы быта. В могилах воинов лежали конская сбруя и седла. Сами кони были похоронены в отдельных могилах, рядом со своими хозяевами. Самым распространенным оружием у верхнесалтовцев был боевой топорик-чекан, а вот копья встречались очень редко. Вероятно, салтовское войско состояло из легкой конницы.

Жители Верхне-Салтовского городища любили украшения. Даже на конской сбруе найдено множество декоративных блях и лунниц — серебряных и бронзовых, иногда позолоченных, часто украшенных растительным орнаментом. Одежда погребенных была расшита бубенчиками, мелкими бусами. На многих были надеты ожерелья из стеклянных, костяных, сердоликовых, коралловых бусин, ракушек, бусин из горного хрусталя. В ожерелья вплетены бронзовые подвески: лунницы, кольца с птичьими головами, фигурки и головы птиц, лошадей, верблюдов, баранов... Очень часто среди

бусин встречаются серебряные арабские монеты с пробитой в них дырочкой. Мужчины и женщины носили золотые, серебряные и бронзовые серьги, причем женщины — в каждом ухе, а мужчины — только в одном. Рядом с женщинами лежали туалетные принадлежности: волосяные кисточки с рукояткой из серебра или бронзы, маленькие ножички, пилочки, коробочки, зеркала из белой бронзы, отполированные с одной стороны и покрытые сложным орнаментом с другой. В мужских погребениях часто встречаются многочисленные серебряные или бронзовые накладки на пояс — такие пышно украшенные пояса были непременной принадлежностью воинов хазарского времени. Накладки были декорированы растительными узорами, чаще всего — стилизованными листьями водяной лилии³⁴³. В погребальных камерах и в дромосах стояла керамическая посуда — прежде всего лошенные кувшины и горшки с яйцевидным туловом и поверхностью, украшенной линейно-волнистым орнаментом.

И в конструкции могил Верхнего Салтова, и в стилистике найденных здесь вещей прослеживаются явные аланские корни. А исследование черепов показало, что большинство из них — долихокренные, характерные для алан. Все это — прямое свидетельство того, что на территории Верхне-Салтовского городища жили аланы, переселившиеся сюда в середине VIII века.

Но рядом, в расположенном через реку пригороде — Нетайловском городище и его могильнике — мы видим несколько иную картину. Прежде всего отличие касается конструкции самих могил — из 15 000 погребений, насчитанных археологами, подавляющее большинство — ямные. Здесь преобладают брахи- и мезокренные черепа, характерные в том числе для болгар³⁴⁴. Многие исследователи считают, что в нетайловском пригороде жили именно болгары (впрочем, существуют и другие версии)³⁴⁵.

Некоторые нетайловские могилы, будучи ямными, имеют так называемые «подбойи» — ниши, которые в какой-то мере сближают их с катакомбами. По крайней мере в одной из этих могил подбой похож на катакомбную камеру. А рядом с катакомбами Верхнего Салтова можно встретить ямные могилы,

хотя и немногочисленные. То же самое касается и черепов: среди черепов аланского могильника встречаются брахи- и мезокранные (то есть, возможно, болгарские), и, наоборот, в Нетайловском могильнике иногда похоронены люди другого антропологического облика (вероятно, аланы)³⁴⁶.

Погребальный инвентарь Нетайловского могильника во многом похож на верхнесалтовский: те же сероглиняные лошенные кувшины и горшки, боевые топоры, богатые поясные наборы, бубенчики, зеркала, бусы из сердолика, стекла и коралла...³⁴⁷ Отличительные особенности этих предметов, прежде всего керамики, из обоих могильников (исключая импорт) и определили содержание термина «салтово-маяцкая» культура (вторую часть своего названия она получила в честь расположенного в этих же местах Маяцкого городища).

Все это навело исследователей на мысль о том, что здесь, в верховьях Северского Донца, шло слияние пришлой аланской и какой-то из местных культур (по мнению большинства ученых — близкой к тюркам, возможно — болгарской). Оседающие на землю кочевники и пришедшие из Предкавказья аланы населили один большой город и во многом смешались друг с другом, переняли у соседей некоторые традиции, хотя в чем-то и сохранили самобытность. Город, в котором они так мирно уживались, был крупным административным, ремесленным и торговым центром. В могильниках найдено очень много предметов, говорящих о торговле: монеты (прежде всего арабские), импортные украшения и зеркала из Нижнего Подунавья, Среднего Поволжья, Крыма, Северного Кавказа... Встречаются здесь даже шелковые ткани, завезенные из Китая и Индии. Интересно, что монеты найдены в основном в аланском могильнике (впрочем, почти все они имеют дырочки или петли и использовались не как деньги, а как украшения), а импортные предметы преобладают в могильнике их соседей³⁴⁸.

По всей видимости, в городе располагалась хазарская администрация, решались политические и военные вопросы, здесь же был пункт сбора дани с соседних славянских племен. Известно, что на северо-западной окраине каганата обитали четыре славянских племени: поляне, северяне, вятичи и радимичи, — платившие дань хазарам³⁴⁹.

Славянская дань

Сведения о дани, которую платили славяне хазарам, сохранила «Повесть временных лет». Сначала, когда речь идет о временах столь далеких, что автор затрудняется их датировать, он пишет:

«...Стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И набрели на них хазары, на сидящих в лесах на горах, и сказали хазары: “Платите нам дань”. Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам своим, и сказали им: “Вот, новую дань нашли”. Те же спросили у них: “Откуда?” Они же ответили им: “В лесу на горах над рекою Днепром”. Опять спросили те: “А что дали?” Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: “Не на добро дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель”. И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьей воле»³⁵⁰.

Некоторые комментаторы считают, что под «данью мечами» надо понимать вооруженный отпор, который поляне оказали хазарам³⁵¹. Но «Повесть временных лет» под 859 годом отмечает, что, несмотря на сомнения прозорливых хазарских старцев, славяне все-таки стали платить дань: «хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма». Размер этой дани вызывает споры. Из оригинального текста не понятно, идет ли речь о монете и беличьей шкурке («по бѣлѣ и вѣверице») или же о белой (вернее, серебристой) шкурке зимней белки («по бѣлѣй вѣверице») ³⁵². В последнем случае дань эту нельзя считать обременительной, потому что белки в славянских лесах водились во множестве; считалось, что они выпадают из туч. «Повесть временных лет» рассказывает: «...Мужи старые ходили за Югру и за Самоядь, так видели сами в северных странах: спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, и вырастают и расходятся по земле»³⁵³.

Кстати, иногда названия шкурок употребляли для обозначения монет или их частей. В эпоху создания «Повести временных лет» были известны денежные единицы: «векша», она же «веверица» (белка) и «куна» (куница)... Поэтому не исключено, что «по бѣлѣй вѣверице» означает «по серебряной монете». Впрочем, и такая дань была, вероятно, почти символической. Сегодня трудно с уверенностью говорить о курсе «веверицы» в хазарское время, но записанный в XII веке «Златоструй» говорит о ней, как о ничтожной сумме: «Очень беден, даже и двух векш не имеет»³⁵⁴.

Так или иначе, славян эта дань, вероятно, не слишком обременяла, и «отмщать неразумным хазарам» они в те времена еще не собирались. Некоторые историки полагают, что в эти годы «можно говорить скорее о добрососедских, чем о враждебных отношениях» славян и жителей западных границ каганата. Впрочем, есть и такие, кто считает, что отношения между славянами и салтовцами могли строиться только на принуждении и использовании военной силы³⁵⁵.

Но даже если «официальная» Хазария и воспринималась славянами в качестве захватчика, на взаимоотношения простых смертных это не слишком сказывалось. Они общались, торговали и вступали в смешанные браки. На славянской территории стала появляться керамика, имеющая салтовские черты, а в культуре салтовцев, в свою очередь, проявилось славянское влияние. Для вчерашних кочевников земледельческие навыки славян служили примером для подражания. Аланы обрабатывали землю уже достаточно давно, но на новом месте опыт соседей в этом вопросе тоже не был для них лишним. В глубине славянских земель появились центры со смешанным славяно-алано-болгарским населением и смешанной же культурой, например Битицкое городище³⁵⁶. А в самом центре Хазарского каганата, на Нижнем Дону, в VIII—IX веках стали возникать славянские поселения: поселение у хутора Ближняя мельница, у станицы Богоявленской... Вся кухонная домашняя посуда была здесь лепной, славянской (интересно, что славяне даже там, где они тесно общались с аланами, так и не захотели освоить гончарный круг³⁵⁷), но в качестве «парадной» столовой посуды

использовались сделанные на круге лошенные сосуды, купленные у местных салтовцев-алан. Судя по керамике, славяне переселялись сюда с северо-западных границ каганата, не считая хазар своими врагами. Серьезное их противостояние было впереди.

Степь

Вариант салтово-маяцкой культуры, который сложился в верховьях Северского Донца и на Среднем Дону, получил название «среднедонского», или «аланского». Но были у этой культуры и другие варианты. Один из них — «степной», или «нижнедонской», существовал южнее, в среднем и нижнем течении Северского Донца и в низовьях Дона. Считается, что здесь жили осевшие на землю кочевники — болгары, потомки орд хана Куврата. Аланы сюда массово не переселялись, но какое-то их количество здесь все-таки, видимо, обитало, и они оказали на болгар немалое влияние: те стали выпускать лошеную керамику, подобную аланской.

Очень популярны становятся здесь керамические котлы «с внутренними ушками». Особенность этих котлов в том, что «ушки» для веревки, на которой сосуд подвешивается над огнем, были прилеплены не снаружи, как это обычно делается, а внутри и поэтому веревка не могла перегореть от слишком сильного пламени. Такие котлы были издавна популярны у алан Предкавказья, те принесли эту традицию в степь и лесостепь, и здесь она мгновенно распространилась среди оседающих на землю кочевников, завоевав особую популярность в нижнедонских степях. Поскольку кочевники эти еще не были знакомы с гончарным кругом, они, позаимствовав у алан саму идею «внутренних ушек», стали делать такие же котлы, только лепные. Но иногда археологи находят в степях и чисто аланские котлы, выполненные на гончарном круге, — это говорит о том, что какое-то количество алан в степях все-таки обитало³⁵⁸.

Впрочем, некоторые археологи высказывали предположение, что котлы «с внутренними ушками» были придуманы болгарами самостоятельно, задолго до их знакомства с аланами (тем более что этот вид посуды особо удобен именно в быту кочевников). Тем не менее, насколько известно авторам настоящей книги, по сей день не найдено подобных котлов, которые были бы сделаны в степи до VIII века.

Но кто бы ни изобрел эти замечательные котлы, их обломки стали для археологов одним из основных маркеров салтово-маяцкой культуры. Отметим, что вся эта культура определяется прежде всего керамикой — ремесленные, похоронные и прочие традиции у разноэтничных салтовцев могли быть самыми разнообразными.

В середине VIII века в степях появляется множество небольших поселений, жители которых — вчерашние кочевники — стали осваивать земледелие и ремесла. Они строили здесь стационарные дома-полуземлянки, но по старой памяти делали их круглыми, похожими на юрты. В центре такого жилья располагался открытый очаг, кроме того, в доме или во дворе мог стоять тандыр — круглая глиняная печь, на стенках которой пекли тонкие лепешки. Во дворах вырывали и обмазывали глиной огромные расширяющиеся книзу ямы для хранения зерна. Очень часто эти ямы позднее использовали как мусорные. В селениях или за их пределами, как правило, имелись гончарные мастерские — здесь изготавливали с помощью ручного круга и обжигали керамику «салтовского» типа. Кроме того, археологи находят в этих поселениях довольно много осколков амфор, сделанных в Крыму и в окрестностях Константинополя, — это значит, что степные салтовцы активно торговали с южными соседями.

Одно из таких поселений, получившее название «Золотые Горки», довелось раскапывать авторам настоящей книги, о чем они подробно и с удовольствием рассказали в предисловии. И теперь авторы вновь возвращаются к любимой теме, чтобы сказать несколько слов о месте Золотых Горок среди других салтовских поселений Нижнего Дона. Это был достаточно большой населенный пункт, он стоял на высокой террасе, примерно в километре от Аксяя — старицы

Дона, которая в древности, возможно, была его главным руслом. Впрочем, современный Дон тоже протекает в пределах видимости, и, где бы ни проходило в те времена главное русло, жители Горок могли по воде связываться и с другими подобными городками, во множестве стоявшими на берегах Дона и Северского Донца, и с не такими уж далекими Таманью и Крымом. Не исключено, что торговали они и с хазарскими городами, стоявшими на Волге, — арабские авторы сообщают о канале или переволоке (первое, конечно, невероятно), которые соединяли притоки Дона и притоки Волги³⁵⁹.

От других салтово-маяцких городков и поселков Горки отличались тем, что здесь имелось каменное домостроительство. Даже в крепостях Хазарии население обитало в основном в юртах и землянках с глиняными стенами на каркасе из жердей, иногда — в домах с дощатыми стенами, тоже обмазанными глиной. Необычные дома археологи обнаружили в Карнауховском поселении: их сплетали из тростника, обмазывали глиной и обжигали докрасна. В результате получался керамический дом с прочными стенами толщиной до 30 сантиметров³⁶⁰. Но каменной кладки в степи не знали, ее можно было встретить только на салтовских поселениях Тамани и Крыма и на Кавказе. Впрочем, и здесь каменными обычно были только цоколи (выше шли глинобитные стены), причем укладывали камень не слишком профессионально: в одном и том же доме сосуществовали разные виды кладки.

А вот в Горках каменная кладка была однотипная. Строительным материалом служил местный ракушечник, который добывали совсем рядом, в балке, расположенной в нескольких сотнях метров, — там до сих пор видны следы кустарных карьеров. Мы исследовали около 900 квадратных метров городища, и почти вся эта площадь была покрыта остатками каменных цоколей. Правда, из камня только эти цоколи и были выложены — выше, вероятно, шел слой сырцовых кирпичей.

Интересно, что все исследованные нами постройки не имели фундамента и не были заглублены. Никаких следов

пола, кроме земляного, тоже не сохранилось. Жить в таких домах было бы очень холодно, но в них, судя по всему, никто и не жил: ни в одной комнате мы не нашли ничего даже отдаленно напоминающего печку или очаг (немногочисленные очаги и тандыры найдены только во дворах). Культурного слоя внутри домов тоже почти не было, а ведь в земляной пол обычно втаптываются и кусочки керамики, и кости, и бусины, и множество других мелких предметов. Все это навело археологов на мысль, что постройки эти имели сугубо хозяйственное назначение, но какое именно — понять невозможно. Что же касается жилых кварталов, то они, вероятно, лежат в еще не раскопанной части городища³⁶¹.

В остальном Золотые Горки были типичным нижнедонским салтовским городком. Здесь было развито гончарное производство: мы обнаружили печи для обжига керамики и огромное количество черепков и вокруг этих печей, и по всей территории городища. Это обычная салтовская керамика, среди которой нашлись и осколки «котлов с внутренними ушками» (включая и сами ушки). В огромных хозяйственных ямах жители хранили зерно, — возможно, его отправляли вниз по течению Дона, на Тамань, в Крым, в Византию, а оттуда получали амфоры с вином и оливковым маслом — осколки этих амфор тоже валялись по всему городищу.

Никаких других находок, кроме черепков (и нескольких мелких и невыразительных металлических предметов), мы на Горках не сделали. Но это — обычная картина для небольших хазарских поселений: большую часть находок здесь составляют черепки и кости животных.

Следов пожара или осады в Горках не найдено. Судя по всему, в первой половине IX века жители городка мирно уложили все свои вещи, снялись с места и переселились куда-то. Не исключено, что процесс этот начался и раньше, во всяком случае, керамики, которую можно было бы датировать второй половиной IX века, в Золотых Горках уже нет, а значит, к этому времени здесь не осталось и жителей. В гончарной печи стояла обожженная, но невынутая посуда, которая была «в моде» в начале IX века, — видимо, мастер, собираясь в дорогу, не захотел тащить ее с собой.

Тамань

В середине VIII века салтово-маяцкая культура распространяется и на берегах Керченского пролива, в том числе на Тамани. Еще с конца VII века, со времен хазарского вторжения в Крым, эти земли попадают под власть каганата и для них начинается новая эпоха. Раньше здесь, на задворках Византийской империи, после гуннских и тюркских погромов IV и VI веков жизнь едва теплилась; в VI—VII веках на всю Тамань известно 22 поселения. В VIII—IX веках их насчитывается уже 69 (и это лишь те, что обнаружены археологами). В них развивались скотоводство и земледелие (прежде всего виноградарство), в портовых городах — торговля и ремесла. В хазарском городе Таматархе (позднее — Тмутаракань), возможно, массово выпускали амфоры для вина и высокие красноглиняные кувшины для транспортировки нефти — археологи находят здесь огромное количество таких черепков³⁶².

Люди, поселившиеся на Тамани, были вчерашними кочевниками, вероятно болгарами, тем же самым народом, который заселил степи Нижнего Дона.

Кроме того, в этих местах появились и выходцы из Малой Азии, которая входила в состав Византии. Империю тогда раздирали религиозные распри: в 730 году император Лев III Исавр, убоявшись идолопоклонства, выступил против почитания икон. Правда, существует мнение о том, что богобоязненный император думал не столько о душе, сколько о том, чтобы привлечь к себе симпатии мусульман и иудеев, которые никаких икон не признавали. Но так или иначе, Лев III законодательно утвердил то, о чем раньше лишь дискутировали знатоки Священного Писания.

Его преемник Константин V Копроним (муж хазарской царевны Чичак) пошел еще дальше и объединил усилия государства и церкви. В его правление, в 754 году, был созван Иконоборческий собор, который постановил, что «всякая икона, сделанная из какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестивого искусства живописцев, должна быть извергаема из христианских церк-

вей». Собор приравнял иконы к идолам, а художников предал анафеме: «Кто лики святых будет изображать вещественными красками на бездушных иконах, которые не приносят ровно никакой пользы... — тому анафема». Кроме того, анафеме были преданы и все те, кто «не лобызает с полной готовностью» постановлений собора³⁶³.

Принять такое решение собору было нетрудно, потому что сторонников иконопочитания на него попросту не пригласили. После этого в империи началась охота как за иконами, так и за теми, кто им поклонялся. Их, по сообщению Феофана Исповедника, умерщвляли мечами и ударами бичей, ослепляли, поджигали им бороды, предварительно пропитав смесью воска и масла... Некоторых отправляли в изгнание³⁶⁴.

В 787 году Седьмой Вселенский собор восстановил иконопочитание, но потом его вновь отменили. Так происходило неоднократно, и каждый раз воспрывшие было иконопочитатели подвергались казням и ссылкам. Известный иконоборец император Феофил приглашал своих идейных противников на богословские диспуты, но в качестве аргумента использовал плеть и приказывал выжигать на лбу упорствующих стихи собственного императорского сочинения (отметим, что стихи были достаточно бездарными, а главное — весьма длинными)³⁶⁵.

Особенно ополчились иконоборцы на монахов, а их в империи было множество. Большинство монастырей оказалось разгромлено. В 765 году при сжигании Пелекитского монастыря около сорока человек из братии были загнаны в развалины древних терм и там живыми засыпаны землей³⁶⁶. В одном только Константинополе в результате душеспасительной деятельности иконоборцев опустело 120 монастырей, некоторые из которых насчитывали до тысячи монахов. Из страны началась массовая эмиграция³⁶⁷. Толпы неудачливых иконопочитателей оставляли империю и переселялись во владения хазар, которые хотя и были язычниками, но отличались редкой веротерпимостью и к изображениям христианских святых относились гораздо лучше, чем официальная Византия. Здесь прибывшие селились по преимуществу в Крыму и на Тамани.

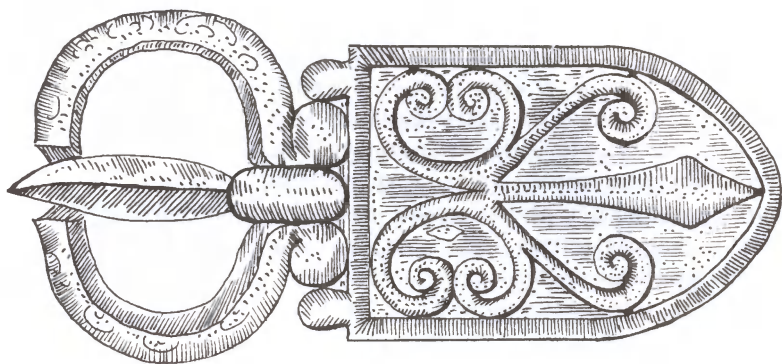
Массовый исход иконопочитателей на Тамань примерно совпал по времени с оседанием здесь кочевых болгар. Византийцы принесли сюда свои строительные традиции. Дома они строили довольно большие, часто возводили двухкомнатные пятистенки общей площадью до 20 квадратных метров. Одна комната была жилой, вторая — хозяйственной; до VIII века таких домов на Тамани не было.

Болгары жили в небольших однокомнатных строениях площадью не больше 12 квадратных метров³⁶⁸. Даже в городах они так и не смогли полностью отойти от старых кочевых привычек и иногда, соорудив в углу комнаты современную печь, в центре устраивали еще один круглый очажок³⁶⁹. Они переняли у алан гончарные традиции, и в городах и селениях Таманского полуострова стала выпускаться типичная салтовская керамика, в том числе котлы с внутренними ушками.

Крупнейшими городами Тамани были в то время Таматарха и Фанагория. Там до сих пор идут раскопки, и не исключено, что самые сенсационные находки еще впереди.

Массовая миграция затронула и Крым, в котором тоже сложился свой вариант салтово-маяцкой культуры. Но истории Крыма в VIII веке будет посвящена отдельная глава.

Салтовцы в Крыму

В Крыму в середине VIII века происходило примерно то же самое, что и на Тамани, — здесь появилось около 250 новых поселений. Они, как и поселения предыдущей волны, были небольшими; в это время в Тау-Кипчак в Центральном Крыму жило около 120 человек, в других — и того меньше, но, поскольку самих селений было очень много, количество людей, которые мигрировали в Крым за вторую половину века, оценивается как минимум в 12–15 тысяч.

Абсолютное большинство новых поселений возникло на Керченском полуострове, остальные были разбросаны по всему Крыму, кроме самых теплых и плодородных районов на юге и юго-западе. Пришельцы занимали пустующие земли там, где было меньше народа и где они никому не могли помешать. Они никого не изгоняли с насиженных мест и не теснили жителей уже существующих городов, поэтому их принимали мирно, и им даже не пришлось ограждать свои поселения оборонительными стенами.

Иногда они обосновывались на развалинах античных городов — в Крыму давно уже царило изрядное запустение, вызванное сначала готскими, потом гуннским и, наконец,

тюркскими нашествиями. Некоторые города и селения были оставлены жителями. Так случилось, например, с античным городком Илурад неподалеку от Керчи. Он был разрушен готами в III веке, зарос дерном и травой. Пятью веками позже сюда пришли новые поселенцы и облюбовали свалки, оставленные вокруг города прежними обитателями, — высокие площадки, заполненные в основном золой. Здесь было сухо, и кочевники стали осваивать сначала их, а потом и территорию самого города под застройку. До сегодняшнего дня до нас дошли выложенные ими каменные круги диаметром от 3 до 30 метров. Первые обрамляли основания круглых юртообразных построек, вторые были загонами для скота³⁷⁰.

Люди эти принадлежали к тому же кочевому этносу, с которым связана салтово-маяцкая культура на Тамани. Кроме того, как и на Тамань, во второй половине века сюда массово бежали византийские иконопочитатели, и в Крыму стали появляться новые христианские церкви³⁷¹.

Стали здесь появляться и хазарские крепости — каганат стремился упрочить свое влияние на полуострове. В Боспоре (современная Керчь) в VIII веке была возведена цитадель, правда, не слишком мощная — со стенами толщиной около 2,5 метра, состоявшими из двух «панцирей» с забутовкой между ними. Тогда же была построена 130-метровая оборонительная стена, перегородившая мыс, на котором стояло городище Кыз-Кермен³⁷². В Крыму сохранились развалины множества хазарских крепостей, правда, по поводу времени возникновения большинства из них идут споры, вероятно, в основном они были возведены уже в IX веке (иногда — на развалинах ранее существовавших античных). Это Чуфут-Кале, Мангуп, Суйренская крепость, Сугдея (современный Судак)...

Готия и Иоанн Готский

В горах Крыма в VIII веке существовало подчиненное хазарам княжество, которое называлось Дори, или крымская Готия (Готфия). Когда-то здесь обосновались готы, вытесненные гуннами из Причерноморья. Они смешались

с местным населением и в VI веке признали власть Византии, а веком позднее — власть хазар. Впрочем, в религиозном отношении готы (по крайней мере, те из них, кто исповедовал христианство) продолжали подчиняться Византии.

В столице Готии, Доросе (позднее — Мангуп), стоял большой христианский храм, в начале VIII века здесь появился свой епископ. Известна каменная плита с высеченной на ней «строительной надписью», происходящая из Юго-Западного Крыма, предположительно из Мангупа. На этой плите сообщается, что в правление неких кагана и тудуна (имена их утрачены) «воздвигнут храм Божий 14 апреля». Здесь же упоминаются четыре местные семьи, финансировавшие постройку храма, и следует обращение к Богу о помощи воинам некоего Савга, который, вероятно, возглавлял местный гарнизон (впрочем, по поводу Савга и его воинов — это лишь гипотеза переводчиков, поскольку текст сильно поврежден)³⁷³. Это говорит о том, что хазары контролировали Готию и что во времена хазарского владычества христианство имело здесь немалое влияние.

Когда византийцы стали бороться с почитанием икон, послушные готы поначалу последовали их примеру, и епископ Готский даже подписал постановления Иконоборческого собора 754 года. Но потом, когда в Готию хлынул поток обездоленных монахов-иконопочитателей, ситуация изменилась³⁷⁴.

Дело в том, что иконоборцы боролись не только с иконами как таковыми — они довольно активно выступали и против монашества и под маркой конфискации икон часто прихватывали и принадлежавшие монастырям ценности, и даже их земли³⁷⁵. Разоренные монахи, которым в Крыму пришлось все начинать сначала, вовсе не намеревались попасть под новую конфискацию, и они отрешились от духовной власти Византии. Сделать это было тем легче, что Готия находилась в политической зависимости от каганата. Епископа-иконоборца решили заменить епископом-иконопочитателем, при котором монастырской собственности ничто бы не угрожало. Новым духовным главой княжества в 758 году был избран местный уроженец Иоанн, вошедший в историю как Готский. Для того чтобы окончательно порвать с Византией,

а возможно, и потому, что византийское духовенство не утвердило бы эту кандидатуру, «жители Готфии послали его в Иверию к кафолическому патриаршему престолу, и рукоположенный там во епископы он сохранил невредимыми догматы кафолической церкви и правую веру»³⁷⁶.

Тем временем духовенство Византии металось между иконопочитанием и иконоборчеством. После смерти императора Льва Хазара в 780 году его жена, афинянка Ирина, стала регентшей при малолетнем сыне, будущем Константине VI, и восстановила иконопочитателей в их правах. Престарелый патриарх Павел вынужден был удалиться в монастырь, и его место занял некто Тарасий, «муж благоговейный и добродетельный» и не склонный ссориться с императрицей по поводу иконопочитания. В 785 году был созван собор, которому надлежало вновь поменять отношение византийцев к иконам. В храме Святых Апостолов собрались епископы и «мужи благоговейные от лица патриархов», но, «когда они провозглашали догматы православия», случилось непредвиденное. Их духовные противники, не надеясь на идейную победу, привлекли на свою сторону гвардейцев-схолариев, которые, «сделав нападение с мечами и палками», разогнали поборников иконопочитания³⁷⁷. Побоище происходило прямо в храме, Тарасию и его приближенным пришлось искать спасения в алтаре³⁷⁸.

Пока в Константинополе святые отцы занимались поиском истины, в Готии Иоанн решил использовать сложившуюся ситуацию для политической борьбы. Не вполне понятно, чем ему помешали хазары, которые весьма благосклонно относились к пришлым иконопочитателям, но Иоанн стал добиваться независимости Готии от каганата. Незадолго до этого он побывал в византийской столице по личному дозволению императрицы. Поскольку взгляды Ирины на иконопочитание совпадали со взглядами самого Иоанна (она даже во времена гонений хранила в постели иконы, за что имела серьезные неприятности от мужа)³⁷⁹, императрица, вероятно, решила использовать своего сторонника для восстановления византийских владений в Центральном Крыму или, по крайней мере, для ослабления хазарского влияния.

Житие святого сообщает, что, вернувшись в места своего служения, Иоанн «вместе с самим владетелем Готфии и всем народом стоял за то, чтобы строною их не владели упомянутые хазары». Каган послал войска, которые заняли крепость Дороса и оставили там «вооруженную стражу». Но святой отец «изгнал» вооруженных хазар и взял под свой контроль горные проходы соединяющие Готию со степным Крымом. Впрочем, противостояние властей и епископа продолжалось не слишком долго — жители Готии, вероятно, предпочли толерантных хазар суровым византийцам, которые свои богословские споры решали преимущественно «мечами и палками». Иоанн «был выдан начальникам Хазаров», а жители Готии «подчинились Хагану, который владетеля Готфии пощадил, а семнадцать невинных рабов казнил»³⁸⁰. Произошло это между концом 784 и 786 годом³⁸¹.

С самим виновником беспорядков хазары обошлись весьма мягко: он был заключен под стражу, «имел возможность спастись бегством» и переправился через море в «христоробивый город» Амастриду в Малой Азии. Ученики его, способствовавшие бегству святого, «были схвачены, стояли уже пред Хаганом, и по его определению должны были быть казнены, но по молитве преподобного были отпущены на свободу здоровыми, так как Хаган сказал, что “эти вины за собой не имеют”». Такое милосердие автор Жития относит за счет высшего вмешательства. Он пишет: «Между тем в тот час, когда они стояли пред Хаганом, преподобный в Амастриде, исполнив утренний канон и воздев руки, вне церкви молился до третьего часа, так что казалось, что он висит на один локоть (от земли); когда же один из близких спросил его, ради чего так долго молился, он отвечал: “ради того, сын мой, что в тот час наши братья стояли пред Хаганом, и благий и милосердый Бог избавил их от смерти”».

Если же стоять на более рационалистических позициях, то можно отметить, что хазары проводили в своих провинциях достаточно мягкую политику и не злоупотребляли карательными операциями. Что же касается Иоанна, он не простил кагану своего изгнания и, узнав через четыре года о его кончине, сказал: «И я, братия, чрез 40 дней отхожу, чтобы судиться с моим гонителем пред Судиею и Богом».

Не простил святой и тех, кто упрекал его за поднятое восстание и пролитую кровь. Житие сообщает: «Другой кто-то, несправедливо порицавший преподобного, как будто бы он был виновником того, что укрепление Готфии было передано Хагану и некоторые несправедливо убиты, среди упреков, подняв ногу, чтобы сесть на коня, пал ниц и испустил дух».

Впрочем, борцу за свободу Готии от хазар случилось творить и чудеса иного рода. «Двое враждовавших между собою из-за кувшина вина и не примирившихся даже при посредничестве Святого, вернувшись, нашли спорное вино сгустившимся в сосуде и, разрубив его, как сыр, выбросили вон. И других много чудес сотворил Святой, и жители той стороны, рассказывая о них во всеуслышание, приводят слушающих к сокрушению сердца и обращают к Богу»³⁸².

Восстание Иоанна Готского привело к тому, что позиции хазар в Готии только укрепились. Пользуясь покровительством кагана, сюда начинают еще более массово переселяться болгары, — впрочем, это лишь способствовало экономическому росту региона. Что же касается свободы вероисповедания, то даже восстание, возглавленное духовным пастырем-христианином, не смогло поколебать традиционную веротерпимость кагана. Константинопольская патриархия продолжала беспрепятственно вести работу на территории Хазарии. Здесь действовали несколько епархий, возникали монастыри, строились храмы.

Константин Философ

Надо отметить, что христиане Хазарии и, возможно, Готии, хотя и исповедовали свою религию абсолютно свободно (а может быть, именно из-за этого), порою были недостаточно крепки в вере и позволяли соблазнить себя языческими обрядами. В IX веке в Крыму, в городе Фуллы, который, возможно, был расположен неподалеку от нынешнего Бахчисарая (или Коктебеля, или Судака — мнения исследователей расходятся), с миссионерскими целями побывал знаменитый Константин Философ (позднее вме-

сте с монашеским саном принявший имя Кирилл) — один из основателей славянской письменности. Здесь он застал местных христиан, которые, несмотря на то что были уже крещены, приносили традиционные хазарские жертвы деревьям. В Житии Константина рассказывается:

«Был же в народе фульском большой дуб, сросшийся с черешней, и под ним приносили жертвы, называя его Александр, — и женскому полу не позволяли ни подходить к нему, ни (приносить) жертвы. И когда услышал о том Философ, не пожалев трудов, направился к ним». Он потребовал, чтобы нечестивцы срубили богомерзкое дерево. Почитатели дуба пытались оправдать свое поведение древностью обычая, перенятого ими от отцов, и тем, что «благодаря ему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди». А тот, кто посмеет поднять руку на святыню, «тогда же и смерть узрит, а дождя уж не увидит до (самой своей) кончины».

Судя по последнему заявлению, почитатели дуба не могли похвалиться особой логикой, однако Философ сумел уговорить своих оппонентов, используя эмоциональное давление. Он напомнил принятое ими крещение и напугал судьбой эллинов, которые «пошли на вечные муки» за то, что поклонялись «небу и земле, столь большим и добрым творениям». Нечестивцы испугались «и, взяв белые свечи у Философа, с пением пошли к дереву, и, взяв топор, ударил Философ тридцать три раза, и приказал всем срубить с корнем и сжечь его. В ту же ночь пошел дождь от Бога. И с радостью великою похвалили Бога, и Бог сильно возрадовался этому».

Так христианство в очередной раз одержало победу на территории Хазарии. Впрочем, хазарского кагана святой Кирилл не сумел обратить в свою веру, хотя и имел с ним продолжительную богословскую беседу. Правда, не вполне понятно, когда могла состояться эта беседа.

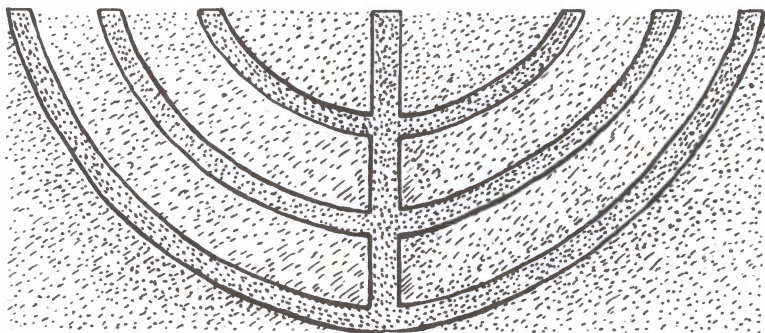
Житие святого сообщает, что каган пожелал ознакомиться с основами авраамических религий и Константин Философ был направлен в Хазарию для просветления язычников. Каган и его приближенные прониклись доводами Философа, согласились с осуждением ислама и иудаизма и заявили: «...Тот из вас, кто на запад кланяется, или еврейские молит-

вы читает, или держится веры сарацинской, скоро смерть от нас примет». А каган написал византийскому императору следующее письмо: «Послал к нам, владыка, такого мужа, что показал нам (всю) христианскую веру и (догмат) Святой Троицы словом и делами. И познали, что это — вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет, крестился, надеясь, что и мы к тому же придем. Все мы — друзья и приятели твоего царства и готовы (идти) на службу твою, куда захочешь»³⁸³.

Однако из других источников мы знаем, что, во-первых, глава государства, познакомившись с основами трех монотеистических религий, предпочел иудаизм, а во-вторых, произошло это задолго до рождения Константина Философа, который появился на свет в 827 году.

Глава 11 Иудаизация Хазарии

Конец VIII — первая треть IX века были переломным периодом в истории Хазарии. Значимых событий в этот короткий промежуток времени произошло так много, что авторы настоящей книги решили посвятить им несколько глав. Самым известным из них была смена религии.

Необходимость перехода к монотеизму рано или поздно вставала перед всеми европейскими властителями. Хазарским правителям было бы резонно выбирать между исламом и христианством по византийскому образцу (окончательного раскола между католицизмом и православием тогда еще не произошло, но он уже намечался). Однако они сделали ход, который на первый взгляд может показаться странным: выбрали религию, которая не имела за собой никакой государственной поддержки. Но в этом был глубокий смысл.

В середине VIII века во взаимоотношениях каганата с Арабским халифатом и Византией наступило некоторое равновесие, которое окончательно стабилизировалось на рубеже веков. Бесконечные войны с арабами прекратились, что же касается Константинополя, с ним у хазар всегда были союзнические отношения. Хазары впервые за всю свою историю могли вздохнуть спокойно и заняться обустройством страны. Принятие ислама, как и христианства, качнуло бы маятник весов, а хазарам не было смысла ссориться ни с кем из своих могущественных соседей.

Принятие иудаизма ввело верхушку каганата в «цивилизованное» сообщество людей, исповедующих авраамические религии (в противовес отживающему язычеству), но избавило их от необходимости делать выбор в пользу одного соседа. Мусульмане в те времена относились к иудеям значительно более терпимо, чем это случалось в более поздние эпохи, — они боролись с язычниками, но не с «людьми писания». Византия, ведя частые войны с арабами, тоже, безусловно, предпочитала иметь у себя под боком любое государство, кроме мусульманского.

Расчет хазар оправдался: после принятия ими иудаизма страна продолжала поддерживать достаточно мирные отношения и с арабами и с Византией, и реальная опасность ей стала угрожать гораздо позднее, причем от совершенно неожиданного языческого соседа, которого на рубеже VIII и IX веков еще можно было не принимать во внимание.

Кроме того, ставка на иудаизм привлекла в страну значительное количество евреев, которые оживили ее торговлю. Собственно, иудеи жили на территории Хазарии и раньше. Еврейские памятники первых веков нашей эры известны в Фанагории, на Тамани, в Крыму. Время от времени в Византии происходили гонения на иудеев, и евреи начинали переселяться: так было в 20-е годы VII века при Ираклии I и в начале VIII века при Льве III. Поселения евреев издавна имелись в Дагестане: они перебирались сюда из Сасанидского Ирана. Особенно много евреев бежало в Дагестан в 530 году при подавлении движения маздакитов. Не исключено, что некоторые из этих образованных людей, имевших широкие торговые связи, стали занимать государственные должности, сначала при мелких местных правителях, а позднее — при дворе кагана и царя³⁸⁴.

Эльдад га-Дани, авантюрист

Иудаизация Хазарии прямо или косвенно описана во многих раннесредневековых документах. Одним из древнейших свидетельств на этот счет был текст, восходящий к иудей-

скому путешественнику и авантюристу второй половины IX века Эльдаду Даниту (или Эльдаду га-Дани). Эльдад путешествовал по миру и собирал сведения о своих единоверцах. Прежде всего его интересовали те колена Израилевы, которые смогли добиться независимости от окружающих народов, — описывая их свободную и счастливую жизнь, Эльдад, вероятно, хотел поднять дух евреев, находящихся под властью иноверцев, и пробудить в них мессианские надежды³⁸⁵.

«У сказанных колен золото в изобилии; овец, рогатого скота, верблюдов, лошадей и ослов очень и очень много; они сеют, жнут и живут в шатрах, переходят и кочуют от границы до границы, на пространстве в двести дней вдоль и поперек, и там, где они останавливаются, нет пустого места для ноги человеческой: везде поля, виноградники, роши и сады... Когда трубач звуками рога созывает людей на войну, то выходит полководец, и самое меньшее количество собирающегося войска бывает до ста двадцати знамен и под каждым знаменем по тысяче человек — и это только частица одного из колен... Детей у них столько, сколько песку на берегу моря, и все они очень воинственны».

Эльдад охотно уснащал свои рассказы не слишком достоверными подробностями. Говоря о потомках Моисея, обитающих на берегах реки Шабатион (Сабатион), он сообщает: «...Они живут в домах, дворцах и башнях, и у них нет ничего нечистого: ни птиц, ни животных [нечистых], ни собак, ни волков, ни хищных зверей, ни мух, ни блох, ни вшей, ни ворон, ни скорпионов, ни змей, ни лисиц, ни львов, ни леопардов; одни только овцы и рогатый скот; овцы у них рождаются по два раза в год». Удивительные свойства имела и сама река: «Вода, песок и камни в реке находятся в движении всего неделю, а в субботу, начиная с кануна ее до кануна следующего дня, все это покоится». Но поскольку в этот день переправа, как и любая другая деятельность, иудеям запрещена, люди, жившие на разных берегах замечательной реки, были обречены лишь перекрикиваться друг с другом.

Сообщая о воинских подвигах евреев, Эльдад говорит, что «один в состоянии победить тысячу человек». А для пушей занимательности дополняет свои сочинения рассказами о собственных приключениях. Например, о том, как

он потерпел кораблекрушение и вместе со своим спутником попал в плен к людоедам. Спутник «был жирный, здоровый и чрезвычайно нежный телом», и поэтому «они тотчас же стали есть его живьем». Самого же Эльдада людоеды «взяли и посадили на цепь, пока он не сделается здоровым и жирным, для чего и стали кормить его», но сообразительный пленник «ничего не ел» и посему остался жив. Потом он был захвачен племенем огнепоклонников, у которых наблюдал кровосмесительные оргии и жертвоприношения детей, но вскоре был выкуплен собратом по вере...³⁸⁶

Все это заставляет относиться к любым сведениям, сообщаемым Эльдадом га-Дани, с некоторым скептицизмом. Однако же полностью проигнорировать «Книгу Эльдада Дани-та» нельзя, хотя бы потому, что это первый собственно еврейский текст, который говорит о массовом присутствии иудеев в Хазарии и о том, что именно они были правителями страны. Правда, книга эта (созданная, кстати, не самим Эльдадом, а записанная современниками с его слов) дошла до сегодняшнего дня в нескольких редакциях, причем Хазария упомянута не во всех. В константинопольском издании 1516 года сказано:

«Колено же Симеоново и (второе) полколено Манасе находятся в земле Козар, на расстоянии шести месяцев пути от Иерусалима. Они бесчисленны, берут дань от двадцати пяти государств, и со стороны Измаильтян (даже) платится им дань по причине страшности и храбрости их»³⁸⁷.

В других редакциях вместо «земли Козар» упомянуты «земля халдейская» и «земля кедарская»³⁸⁸, то есть мусульманская. Но халдеи, жившие в Месопотамии, находились никак не в шести месяцах пути от Иерусалима. А представить еврейскую диаспору, собирающую в IX веке дань с окрестных мусульман, пожалуй, тоже трудно. Поэтому есть основания думать, что Эльдад все-таки имел в виду Хазарию.

Письмо Хасдая ибн Шапрута

Гораздо более достоверным свидетельством иудаизации Хазарии является переписка испанского сановника, иудея Хасдая ибн Шапрута, и хазарского царя Иосифа³⁸⁹.

Хасдай ибн Шапрут был советником, переводчиком, министром финансов и врачом при дворе кордовских халифов Абд-ар-Рахмана III (912—961) и его сына ал-Хакима II (961—976). Оба правителя были людьми очень образованными, покровительствовали наукам, при них Кордова переживает культурный расцвет. Здесь находился знаменитый университет, где изучали произведения не только арабских, но и античных авторов. Библиотека халифов насчитывала более 400 000 томов — посланцы кордовских правителей собирали для нее книги по всему миру.

После захвата Пиренейского полуострова арабами в начале VIII века иудеи пользовались там полной свободой вероисповедания и могли занимать государственные должности. Поэтому энциклопедически образованный Хасдай ибн Шапрут играл при дворе Абд-ар-Рахмана III (а позднее и при дворе его сына) очень значимую роль. Сам Хасдай писал о своем повелителе: «Когда цари земли услышали о величии и могуществе его, они стали подносить ему приношения и искать его расположения посредством даров и драгоценностей... Чрез меня приходят дары их и чрез меня (же) выходит вознаграждение за них». Сообщал Хасдай и о многочисленных иноземных купцах, прибывающих в Кордову: «Все их торговые сношения и все их дела идут не иначе, как чрез меня и по моему слову».

Но, служа арабским владыкам и управляя их огромными богатствами, Хасдай не забывал о своих единоверцах: «Этих всех посланцев, приносящих дары, я всегда спрашивал о наших братьях, израильтянах, остатке диаспоры, не слышали ли они чего-либо об освобождении оставшихся, которые погибают в рабстве и не находят (себе) покоя». Сановнику довелось слышать об Эльдаде га-Дани, который побывал в Испании за несколько поколений до него. Возможно, дошли до него и рассказы авантюриста о хазарском государстве, находившемся под властью евреев. Хасдай называет Эльдада «иудеем, умным в речах», но к сообщению его он, видимо, отнесся скептически, потому что, когда купцы, пришедшие из Хорасана, сообщили любознательному сановнику, «что существует царство у иудеев, называющихся именем ал-Хазар», тот не поверил рассказчикам. Но когда в Кордову прибыли послы из «Кустантинии» (Константино-

поля), он все-таки решил расспросить их о загадочном царстве и выяснил, что купцы сказали правду.

Византийцы поведали, что между Константинополем и ал-Хазар «15 дней пути по морю», что на суше между ними «находится много народов» и что хазары «обладают (военной) силой и могуществом, полчищами и войсками, которые выступают (на войну) по временам». Рассказали послы и о дипломатических связях между Византией и Хазарией: «...Они с нами в дружбе и у нас почитаются... между нами и ими (постоянный) обмен посольствами и дарами». Выяснилось, что две державы ведут активную торговлю, что хазары привозят в Византию «рыбу и кожу и всякого рода товары». Правит же в Хазарии царь по имени Иосиф.

К этому царю Иосифу Хасдай ибн Шапрут и решил обратиться с письмом. Произошло это, как пишет сам Хасдай, в правление Абд-ар-Рахмана, причем халиф к этому времени уже успел объединить под своей властью почти всю Испанию и стать могущественным и влиятельным государем. Значит, Хасдай написал письмо Иосифу в середине X века, но не позже 961 года (год смерти Абд-ар-Рахмана).

Любопытный кордонец задал своему венценосному адресату множество вопросов по истории, географии, экономике и политической жизни Хазарии. Он интересовался порядком наследования царской власти, протяженностью страны, ее укрепленными и неукрепленными городами, количеством собираемой дани, численностью войска... Последний вопрос, вероятно, считался не вполне корректным, и дипломатичный Хасдай счел нужным объяснить по этому поводу: «Пусть не гневается (на меня) мой господин за то, что я спрашиваю (его) о числе полчищ его. Господь да прибавит к ним в тысячу раз большее число таких, как они, и благословит их, и пусть господин мой, царь, сам увидит это! Я спрашиваю об этом только, чтобы ликовать вследствие многочисленности святого народа».

Хасдай интересовался, с какими странами граничит Хазария и с кем она воюет. Он спрашивал о языке, на котором говорят жители, о судопроизводстве, о ведущих в страну торговых путях, и даже о проблемах орошения в Хазарии. Интересовали Хасдая и списки царей Хазарии со сроками их правления.

Особо волновали кордовского сановника вопросы, связанные с иудаизмом. Он спрашивает царя, когда появились в его землях первые израильтяне и «есть ли среди близких к нему прибрежных стран такие, которые приняли иудейскую веру». Он интересуется, воюют ли хазары по субботам. Спрашивает он и о том, нет ли у хазарских иудеев каких-либо указаний «касательно подсчета (времени) “конца чудес”, которого мы ждем вот уже столько лет, переходя от пленения к пленению и от изгнания к изгнанию» — то есть о времени завершения испытаний еврейского народа.

Хасдай объясняет Иосифу, что известие об иудейском царстве вселило надежду во множество его соотечественников, которые, пребывая в изгнании, вынуждены каждый день выслушивать попреки: «...У каждого народа есть (свое) царство, а о вас не вспоминают на земле». Кордовец пишет: «Когда они услышали о моем господине, царе, о мощи его царства и множестве его войск, они пришли в изумление. Через это мы подняли голову, наш дух ожил и наши руки окрепли. Царство моего господина стало для нас (оправданием), чтобы раскрывать (смело) уста».

Все это дало кордовскому сановнику смелость обратиться к царю Иосифу с письмом: «Испытующий сердца и исследующий помыслы знает, что я сделал это не ради славы, а чтобы (только) разыскать и узнать истину, (а именно) существует ли (где-либо) место, где имеется светоч и царство у израильской диаспоры, и где не господствуют над ними и не управляют ими».

Хасдай написал первое письмо (текст которого не сохранился, но которое, вероятно, содержало те же самые вопросы, что и дошедшее до нас второе) и направил в Хазарию своего посланца. Тому надлежало ехать через Константинополь и передать византийскому императору подарки и рекомендательное письмо от кордовского сановника. Император и письмо и подарки принял, оказал посланцу почет и продержал его у себя около шести месяцев, а потом объявил, что путь в Хазарию закрыт, потому что «народы, живущие между нами, в раздоре друг с другом» и «море бурно, и переправиться чрез него можно только в известное время».

Когда Хасдай узнал о провале своего предприятия, он «был так огорчен, что готов был умереть». Тогда он напи-

сал второе письмо, в котором, помимо прочего, подробно изложил проблемы с доставкой первого, и решил отправить его другим путем: через Иерусалим, Месопотамию, Армению и Арран. Но в это время в Кордову явилось «посольство царя Г-б-лим'ов и вместе с ними два человека из израильтян». Кто такие Г-б-лим'ы, доподлинно не известно, вероятно, это было одно из славянских племен — высказывались предположения о хорватах, чехах и поляках. Во всяком случае, сопровождавшие посольство евреи вызвались помочь своему единоверцу. Они сказали:

«...Дай нам твои письма, и мы доставим их царю Г-б-лим'ов, а он, ради оказания тебе почета, пошлет твоё письмо к израильтянам, живущим в стране Х-н-г-рин. Точно так же (те) перешлют его в страну Рус и оттуда в (страну) Б-л-гар, пока не придет твоё письмо, согласно твоему желанию, в то место, куда ты желаешь»³⁹⁰.

Таким образом, письму Хасдая надлежало добираться из Кордовы в Итиль через неведомую страну Г-б-лим'ов, Венгрию, страну Русов и Волжскую Булгарию. Путь этот был не слишком прямым, но, возможно, опытные иудеи-путешественники, прокладывая маршрут, думали не только об его краткости, но и о его безопасности и принимали во внимание политические мотивы.

История написания письма Хасдая и трудности, с которыми пришлось столкнуться при его доставке, в свое время немало удивили авторов настоящей книги. Сегодня в нашем распоряжении имеется корпус текстов, в которых множество раннесредневековых авторов пишет о Хазарии. Трудно представить, что в просвещенной Европе крупный сановник и высокообразованный человек мог не знать об этом государстве, которое к тому времени просуществовало уже более трехсот лет (из них около 150 — под эгидой иудаизма). Столь же трудно представить и то, что доставка письма по столь цивилизованной территории, как средневековая Европа, могла быть настолько сложна. Мы знаем, что большая часть Европы еще со времен Римской империи была покрыта сетью вполне приличных дорог, а плавание по Средиземному, Черному и Азовскому морям от Испа-

нии по крайней мере до устья Дона считалось относительно безопасным еще за полторы тысячи лет до Хасдая. Тем не менее Хасдаю ибн Шапругу, конечно, было виднее. Вероятно, сегодня популярность Хазарии у средневековых европейцев представляется нам значительно выше, чем она была на самом деле.

По этому поводу хотелось бы отметить, что массовое нашествие евреев в Хазарию, которая стала для них своего рода «землей обетованной», — вероятно, не более чем миф. Из переписки Хасдая и Иосифа (а в ее подлинности никто из серьезных ученых сегодня не сомневается) видно, что даже для человека, который по долгу службы постоянно имел дело со множеством заморских купцов и специально интересовался еврейскими диаспорами, существование иудейской Хазарии было неожиданным сюрпризом, в который он сначала не хотел поверить. А огромное множество евреев, разбросанных по всему миру, могли и вовсе не знать об этом государстве (тем более что далеко не все они занимались торговлей в международном масштабе).

Археологи тоже подчеркивают, что находки, хоть в какой-то мере связанные с иудаизмом, на территории каганата — большая редкость. И значит, ни о каком массовом проживании там иудеев речь никогда не шла.

Да и чисто практическая доступность Хазарии для путешественников из Европы, вероятно, была невелика. Недаром первый посланник Хасдая так и не смог туда попасть.

Тем не менее в конце концов письмо Хасдая нашло своего адресата.

Письмо царя Иосифа

Царь Иосиф отнесся к просьбе своего кордовского единоверца очень уважительно и написал: «Я извещаю тебя, что пришло к нам письмо твое, увенчанное красотой (твоей) речи, чрез одного иудея из страны Н-м-ц, по имени Исаака, сына Элизера. И мы обрадовались о тебе и восторгались твоим разумением и твоей мудростью... Мы отвечаем, давая

тебе ответ по каждому предмету, в ответ на твое письмо, будучи в восторге от тебя и в радости от твоей мудрости...»

Ответное письмо Иосифа дошло до сегодняшнего дня в двух редакциях: краткой и пространной. Научный мир после некоторых сомнений (они прежде всего касались пространной редакции) признал их обе подлинными, хотя и претерпевшими некоторые изменения от излишне добросовестных переписчиков, которые с самыми лучшими намерениями заменили незнакомые им слова на более понятные, а старые географические названия на новые.

Если верить Иосифу, хазары считали своим родоначальником упомянутого в Библии Тогарму³⁹¹, прародителя тюркских народов³⁹²: «Я сообщаю тебе, что я (происхожу) от сынов Иафета, из потомства Тогармы. Так я нашел в родословных книгах моих предков, что у Тогармы было десять сыновей; вот их имена: первенец — Авийор; второй — Турис, третий — Аваз, четвертый — Угуз, пятый — Биз-л, шестой — Т-р-на, седьмой — Хазар, восьмой — Янур, девятый — Б-лг-р, десятый — Савир. Я (происхожу) от сыновей Хазара, седьмого (из сыновей)». На заре своей истории хазары «вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их», победили, заняли их земли и «некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня». Иосиф рассказывает о победе над неким народом, который они преследовали до самого Дуная и в стране которого они живут «до настоящего дня»³⁹³.

Иосиф описал историю и географию своей страны, рассказал об окружающих ее народах, о дани, которую они платят, о реках и городах Хазарии, о ее столице Итиле, не оставил без внимания даже волновавшие Хасдая вопросы ирригации. Авторы настоящей книги, следуя примеру добросовестного царя, тоже вернутся ко всем этим вопросам, но несколько позднее. А пока что поговорим об иудаизации Хазарии, потому что именно ей посвящена эта глава.

Иосиф сообщает, что после того, как «ушли поколения», в Хазарии правил мудрый и богобоязненный царь Булан, «уповавший всем сердцем на своего творца»³⁹⁴. На какого именно «творца» мог уповать правитель, носивший тюркское имя (Булан в переводе с тюркского значит «олень»³⁹⁵)

и бывший по рождению несомненным язычником, сказать трудно. Однако царь тем не менее «удалил из страны гадалей и идолопоклонников, и искал защиты и покровительства у бога»³⁹⁶.

Однажды к нему во сне явился ангел и пообещал ему покровительство Господа. Во второе свое явление ангел предложил царю дать ему «заповеди, закон и правила» и пообещал: «...Если ты будешь соблюдать мои заповеди, законы и правила, я благословлю тебя и умножу тебя». Булан отнесся к предложению благосклонно, но выразил опасение, что хазары не примут нововведений: «Но народ, над которым я царствую, (люди) неверующие. Я не знаю, поверят ли они мне». Царь попросил ангела явиться с тем же предложением к «главному князю» своего народа. Ангел так и сделал, после чего «князь» и царь объединили свои усилия по внедрению новой веры³⁹⁷.

В этом месте рассказа надо отвлечься, чтобы объяснить, какого такого влиятельного «князя» царю Булану пришлось при посредстве ангела привлекать к участию в реформе. Дело в том, что в ранней истории Хазарии и, вероятно, до начала IX века безусловным главой государства был каган. Он, как и всякий уважающий себя владыка, имел немалые сакральные функции, недаром его инаугурация сопровождалась сложным ритуалом частичного удушения. Но он же был и носителем высшей власти — в некоторых раннесредневековых источниках его называют царем³⁹⁸. Впрочем, как бы ни именовали кагана, он во всяком случае был главой государства — именно таковым считают его и восточные, и грузинские авторы, описывая события второй половины VIII века³⁹⁹.

Однако имелся в каганате и другой властитель, «шад», которого историки иногда считают «царем-заместителем» и который мог возглавлять войско. Напомним, что в первой половине VII века, когда хазары в союзе с Византией разорjali Закавказье, их правителем был Джебу-хакан, а во главе войска стоял его сын (и племянник главы Западно-Тюркского каганата), носивший титул «шад».

Постепенно реальная власть начала переходить к шаду, которого все чаще стали именовать «бек» («пех») — прави-

тель, государь⁴⁰⁰. В X веке император и писатель Константин VII Багрянородный, рассказывая об основании в 30-е годы IX века хазарской крепости Саркел, сообщает, что с просьбой построить эту крепость к византийскому императору Феофилу обратились двое: хакан и пех Хазарии⁴⁰¹. Уже во второй половине IX века власть, а с ней и царский титул станут достоянием шада, или бека (его еще будут называть «хакан-бек, то есть «каган-государь»)⁴⁰², а собственно каган превратится в чисто сакральную фигуру — ему будут оказывать величайшее почтение, но не будут повиноваться.

Описанное в письме Иосифа время правления Булана было, вероятно, переходным — Булана, бывшего, судя по всему, шадом, уже называют царем, но для проведения религиозной реформы ему еще нужна поддержка второго властителя, которого он называет «князем». Впрочем, этот титул фигурирует лишь в переводах письма Иосифа (выполненных выдающимся востоковедом П. К. Коковцовым), поскольку нужно было найти какой-то русскоязычный эквивалент слову «сар» (буквально «глава»). В «краткой» редакции письма упомянут просто «глава», в «пространной» — «большой глава» (в переводе — «главный князь») — это безусловно и был каган, которого Иосиф упоминает без титула⁴⁰³.

Кстати, наследникам этого кагана в письме Иосифа места не находится. Упомянув безымянного князя, поддержавшего Булана в его религиозных реформах, автор сообщает о воцарении потомка Булана — Обадьи («После этих событий воцарился из сыновей его сыновей царь, по имени Обадья») и приводит список из одиннадцати последующих царей (одиннадцатым был сам Иосиф). Он пишет: «Все мы — царь, сын царя. Чужой не может сидеть на престоле наших предков, но (только) сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков»⁴⁰⁴. Вероятно, после реформы Булана каганы стали утрачивать реальную власть и произошла фактическая смена правящей династии. Отметим, что если Булан еще носил тюркское имя, то все цари, начиная с Обадьи, имели традиционные библейские имена.

Но вернемся к религиозной реформе, которую провел Булан. Иосиф пишет, что, заручившись поддержкой кагана, царь «собрал всех князей и рабов своих и весь свой народ

и изложил перед ними все это». Не совсем понятно, что именно изложил Булан, потому что ни с какими принципами новой веры ангел его на тот момент не познакомил, более того, царь еще некоторое время раздумывал, выбирая между одной из трех авраамических религий. Но эта неопределенность не смутила хазар: «Они приняли (новую) веру, пошли и стали под покровительством Шехины» — так именовался бог в древнераввинской литературе⁴⁰⁵.

Бог, устами ангела, предложил Булану построить ему храм, а когда царь сообщил, что у него нет на это средств, посоветовал пойти войной на Закавказье, где в результате божественного промысла для Булана уже были приготовлены «два склада: один серебра, и один золота». Царь так и сделал. Затем он посвятил взятое имущество богу и «выстроил из него шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды»⁴⁰⁶. Примерно так же в свое время иудеями сооружалась скиния⁴⁰⁷.

Однако окончательный выбор вероисповедания еще не был сделан. Прослышав о победах и величии хазарского царя, «царь Эдома и царь исмаильтян... прислали к нему своих посланцев с великим имуществом и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, чтобы склонить его (перейти) в их веру» (именем «Эдом», он же — библейский Исав, называли христиан). Но мудрый царь по собственной инициативе пригласил еще и «мудреца из израильтян», расспросил его, а потом устроил общий диспут, «чтобы они выяснили (истину) о своих верах». Однако мудрецы «опровергали слова друг друга» и ни к истине, ни хотя бы к согласию не пришли⁴⁰⁸.

Тогда Булан приватно поговорил с христианским мудрецом и спросил его, какую из двух религий, иудаизм или ислам, он бы предпочел. Священник однозначно выбрал иудаизм. Подобный вопрос был задан и мусульманину: «Сообщи мне правду: в чем разница между верой Израиля и верой Эдома, которая из них лучше?»⁴⁰⁹ Он тоже отдал предпочтение иудаизму. После этого Булан «в присутствии всех своих князей и рабов и своего народа» объявил о том, что отдает предпочтение вере Израиля. «Он сам и его рабы совершили над собою обрезание, и (затем) он послал (посланцев) и доставил (к себе) некоторых из мудрецов израильских, и те объ-

яснили ему закон (Моисея) и изложили ему в порядке все заповеди»⁴¹⁰. «Пространная» редакция письма подчеркивает, что обрезанию подверглись не только сам царь и его «рабы», но и весь подчиненный Булану народ. («Он совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание»⁴¹¹).

Потомок Булана, Обадья, «поправил царство и укрепил веру согласно закону и правилу», построил синагоги и школы «и собрал множество мудрецов израильских», которые «объяснили ему 24 книги (священного писания), Мишну, Талмуд и весь порядок молитв...»⁴¹² Считается, что именно при нем в Хазарии утвердился талмудический иудаизм. И именно с ним связывают окончательное отстранение от власти каганов и утверждение владычества хазарских царей⁴¹³.

«Кембриджский документ»

Существует еще одно письмо, в котором сообщается об установлении иудаизма в Хазарии, — так называемый «Кембриджский документ» (по месту хранения), или «письмо Шехтера» (по имени первооткрывателя)⁴¹⁴. В этом письме безымянный иудей рассказывает своему столь же анонимному адресату об истории и географии Хазарии, уделяя особое внимание принятию иудаизма. Ни начала, ни конца у документа нет, и понять, кому и по какому поводу он адресован, невозможно. Некоторые исследователи полагают, что это — написанное в XII–XIII веках подражание письму Иосифа, в которое новый автор счел нужным ввести дополнительные сведения⁴¹⁵. Другие считают, что это письмо, как и письмо Иосифа, было написано в X веке, что его автор решил сообщить Хасдаю ибн Шапруту свою версию хазарской истории и что оно действительно было получено испанским сановником⁴¹⁶. Так или иначе, автор письма (оно, как и письма Хасдая и царя Иосифа, написано по-еврейски) был знаком с историей обращения Хазарии в иудаизм (или, по крайней мере, с одной из версий этого события), и его точкой зрения не стоит пренебрегать.

Анонимный автор сообщает, что некогда группа евреев бежала от ига идолопоклонников и оказалась в Хазарии. Здесь беглецы осели, породнились с хазарами и «стали одним (с ними) народом». Они не слишком строго чтит традиции предков, лишь придерживались завета обрезания, и некоторые из них соблюдали субботу.

«И не было царя в стране казар, а того, кто одерживал победы на войне, они ставили над собой военачальником (и продолжалось это) до того самого дня, как евреи вышли с ними по обыкновению на войну, и один еврей выказал в тот день необычайную силу мечом и обратил в бегство врагов, напавших на казар. И поставили его люди казарские, согласно исконному своему обычаю, над собою военачальником».

Добившись успехов на военном поприще, новоявленный властитель решил обратиться к поприщу духовному, тем более что его склоняли к этому жена и тесть. Он собрался «принести покаяние», то есть раскаяться в пренебрежении верой предков. Узнав об этом, «цари македонские (византийские. — *Авт.*) и арабские» направили в Хазарию своих послов, которые заявили: «Зачем вам переходить в веру иудеев, которые находятся в рабстве у всех народов?» Кроме того, они произносили слова, которые автор письма «не в состоянии передать». Однако, несмотря на столь недипломатичное поведение послов, «главный князь, еврей» (вероятно, тот самый победоносный военачальник) предложил устроить диспут с участием представителей разных религий.

На диспут собрались представители греческой христианской церкви, мусульмане и иудеи. Победы не одержал никто, но тут в некой пещере обнаружили «книги закона Моисеева», которые были истолкованы иудейскими мудрецами в полном согласии с теми доводами, которые они приводили раньше. «И покаялись израильтяне вместе с людьми казарскими полным раскаянием».

После того как заветы иудаизма были восстановлены, в Хазарию началось паломничество евреев «из Багдада и Хорасана и земли греческой», отчего местные евреи еще более укрепились в вере. «И поставили люди страны одного из мудрецов судьей над собою. И называют они его на казарском языке каганом; поэтому называются судьи, которые были

после него, до настоящего времени каганами. А главного князя казарского они переименовали в Савриила (что значит: «Бог — моя надежда». — *Авт.*) и воцарили царем над собою»⁴¹⁷.

Не вполне понятно, почему автор письма решил наделить кагана судейскими полномочиями, — возможно, они у него когда-то и были, но этим его функции далеко не исчерпывались. А в годы, последовавшие за принятием иудаизма, каган вел жизнь отшельническую, почти никому из подданных не позволялось даже смотреть на него, поэтому представить его в качестве судьи достаточно трудно. Но во всяком случае, разделение высшей власти между каганом и военачальником-царем автор отразил.

Интересно, что автор «Кембриджского документа» называет евреев, бежавших в Хазарию, относящимися к колену Симеонову (хотя он и не уверен в своей правоте). Принадлежность (через смешанные браки с евреями) к одному из двенадцати колен Израилевых давала хазарам право на исповедание иудаизма. Дело в том, что иудаизм — одна из редких религий, где прозелитизм не слишком приветствуется. Еврею надо родиться, и человек, предки которого не принадлежат к потомкам Иакова, но который тем не менее принял иудаизм, всегда будет в глазах своих единоверцев в какой-то мере не вполне «настоящим» иудеем. Например, если ни один из родителей прозелита не был евреем, то он не может претендовать на общественную должность или стать судьей в уголовном деле⁴¹⁸. Принятие иудаизма человеком, не имеющим еврейских предков, никогда не было столь невозможным, как об этом пишет, например, М. И. Артамонов⁴¹⁹, но и беспрепятственным оно тоже никогда не было. Таким образом, «Кембриджскому документу» надлежало «легализовать» хазарских иудеев в глазах истинных сынов Израиля.

Иехуда Галеви

Идея «Кембриджского анонима» о еврейских корнях жителей Хазарии перекликается с сообщением Эльдада га-Дани, но находится в полном противоречии с письмом

Иосифа. Не находит она поддержки и у известного еврейского писателя XII века Иехуды Галеви — в своей «Хазарской книге» автор подчеркивает, что «хазарский царь, принявший иудейство» сперва был язычником, хотя и угодным богу.

«...Он много раз видел во сне, как будто бы ангел разговаривал с ним и говорил ему: “твое намерение приятно творцу, но то, что ты делаешь, неприятно”. Между тем он до того усердно исполнял хазарский закон, что даже сам, с чистым сердцем, совершал храмовое служение и жертвоприношения. Но как усердно он ни исполнял это, ангел (все) приходил к нему ночью и говорил ему: “твое намерение приятно (творцу), но то, что ты делаешь, неприятно”. Это побудило его расследовать (разные) веры и религии, и под конец он и много народа из хазар приняли иудейство».

Процесс этот, если верить Галеви, был достаточно долгим. Сначала царь посвятил в свои намерения визиря. Ангел дал неопитам указание, что они должны «искать поступка, приятного богу всевышнему, на горах В-р-сана». Вероятно, ангел имел в виду окрестности хазарского города Варасана (Варачана), хотя есть и другие версии. Так или иначе, царь и визирь должны были отправиться на территорию современного Дагестана. Там они нашли «пещеру, в которой некоторые из иудеев праздновали каждую субботу», открыли им свои намерения и здесь же приняли новую веру и совершили обрезание.

Вернувшись обратно, прозелиты поначалу скрывали свои религиозные взгляды от окружающих, мало-помалу посвящая в тайну самых близких людей. И лишь когда последователей иудаизма стало достаточно много, они «осилили остальных хазар и заставили тех принять иудейскую веру». «И поставили люди страны одного из мудрецов судьей над собою. И называют они его на казарском языке каганом; поэтому называются судьи, которые были после него, до настоящего времени каганами. А главного князя казарского они переименовали в Савриила и воцарили царем над собою». Таким образом, хазарский царь получил еврейское имя»⁴²⁰.

Некоторые ученые прямо ассоциируют Булана из письма Иосифа с воцарившимся над хазарами еврейским вои-

ном Савриилом, считая их одним и тем же лицом⁴²¹. Отметим, что Галеви, излагая ход событий, ссылается на некие «летописные книги» и «хазарскую летопись» — не исключено, что таковые действительно имелись, хотя и не дошли до наших дней.

Когда хазары стали иудеями?

Еврейские документы сообщают об иудаизации Хазарии достаточно противоречивую информацию. Непонятно, существовала ли в стране многочисленная еврейская диаспора, захватившая власть, или же сами хазарские правители приняли иудаизм в результате собственного свободного выбора (под влиянием явившегося во сне ангела). Неясно и то, насколько массово исповедовали новую для себя религию жители Хазарии. Если верить текстам, которые мы рассматривали выше, население каганата, так или иначе, в подавляющем большинстве состояло из иудеев (пусть даже и прозелитов). Но это абсолютно не подтверждается археологическими данными. Кроме того, арабские и византийские авторы тоже не склонны преувеличивать число живших в Хазарии иудеев.

Противоречивы и сведения о дате, хотя бы приблизительной, принятия новой религии. Так, в пространной редакции письма Иосифа говорится, что обращение хазар в иудаизм произошло за 340 лет до его правления⁴²², то есть около 620 года, чего быть, безусловно, не могло хотя бы потому, что ислам тогда еще не вышел за пределы Аравийского полуострова, а ведь мусульмане принимали активное участие в организованных Буланом богословских диспутах. Да и Хазарско-го каганата тогда еще не было. Впрочем, в краткой редакции этой даты нет; скорее всего, она была «от себя» вставлена переписчиком, который не позаботился обозначить ее как собственную пометку (рукопись дошла до наших дней в виде средневековой копии). Фразу «Этому (уже) 340 лет», безусловно, надо отнести не ко времени написания письма Иосифа, а ко времени создания копии⁴²³.

Иехуда Галеви, работавший над своей книгой в первой половине XII века, сообщил, что хазарский царь принял иудаизм «около 400 лет тому назад»⁴²⁴, то есть в начале VIII века. Эта датировка тоже вызывает сомнения. О жизни Хазарии в VIII веке нам известно довольно многое и от арабских, и от византийских авторов, и они ничего не говорят о том, что правители страны были иудеями, а ведь смена религии должна была найти хоть какое-то отражение в хрониках. В Житии Иоанна Готского нет ни слова о том, что восстание Иоанна было подавлено иудеями (надо думать, автор не преминул бы отметить этот факт). Хазарские каганы выдавали своих дочерей за византийских императоров и за арабских наместников, но нет никаких намеков на то, что невесты исповедовали иудаизм. В 799 году дочь кагана была просватана за наместника халифа в Закавказье и умерла по дороге к жениху. Каган отнес ее смерть на счет злого умысла арабов и развязал кровопролитную войну, подробно освещенную многими арабскими авторами, но никаких религиозных мотивов ни ему, ни арабам никто не приписывает (а будь невеста иудейкой, эта тема не могла не всплыть)... Короче, есть основания думать, что по крайней мере до конца VIII века хазары были язычниками.

Существует и точка зрения, приверженцы которой радикально омолаживают иудаизацию Хазарии, основываясь на тексте Жития Константина Философа. Там сказано, что святой участвовал в теологическом диспуте при дворе кагана и что хазары в то время иудеями еще не были и лишь размышляли о смене религии. Посольство Константина в Хазарию датируется 861 годом, и, во всяком случае, оно не могло состояться раньше середины IX века. Из этого делается вывод, что хазары приняли иудаизм во второй половине IX века⁴²⁵.

Авторам настоящей книги такая точка зрения представляется несколько странной. При всем уважении к трудам Константина (Кирилла) на ниве славянской письменности надо признать, что Житие святого дошло до нас в списках XV века и по поводу даты его написания существуют разногласия. Но даже если признать точку зрения самых радикальных поклонников Жития о том, что оно было написано уче-

ником святого «не более 10 лет спустя после его смерти»⁴²⁶, никаких гарантий его исторической достоверности это не дает (по крайней мере, в том, что касается деталей).

Очень может быть, что знаменитый святой действительно участвовал в диспуте христианских, мусульманских и иудейских богословов при дворе хазарского кагана (это тем более возможно, что хазары были известны своей крайней веротерпимостью). Но изложенные в Житии подробности этого диспута слишком фантастичны, чтобы на них можно было всерьез опираться. Проникнувшись словами Константина, «первый среди советников» кагана сравнил иудейскую веру с чем-то «нечистым», а про христианскую сообщил, что «без нее никто жить не может жизнью вечной». Хазары поддерживали советника и пригрозили казнями тем, кто «еврейские молитвы читает». Что же касается кагана, он написал византийскому императору проникновенное письмо, в котором признал догмат о Троице, признал истинность христианской веры и выразил надежду вскорости ее принять⁴²⁷.

Все это можно было бы считать правдой, если бы мы не знали, что каган и его приближенные в самое ближайшее время после этого приняли иудаизм (исходим из того, что они его еще не исповедовали). В таком случае мы должны либо признать, что вся верхушка каганата бессовестно и совершенно беспричинно обманывала наивного христианского проповедника и оскорбляла присутствовавших здесь же иудеев несмотря на то, что собиралась принять их веру, либо что автор Жития несколько погрешил против истины, хотя бы и невольно, домыслив за участников диспута слова, которых они не произносили. Второе представляется авторам настоящей книги тем более вероятным, что, если уж главный герой Жития вступает в богословский спор, он должен одержать в нем победу — этого требуют законы жанра. И значит, всю историю с диспутом нельзя считать достоверной.

Скорее всего, Константин действительно побывал в Хазарии и убедился в том, что правящая верхушка ее исповедует иудаизм, а население пользуется полной свободой вероисповедания. Миссионер более или менее успешно делал свое дело и кого-то действительно сумел склонить к христианству. Но каган и его приближенные остались верны иудаиз-

му — их преемники сохранили эту верность по крайней мере до последних дней существования каганата.

Некоторые историки разбивают принятие хазарами иудаизма на этапы. Они исходят из того, что, согласно письму Иосифа, Булан совершил набег на страну Ар-д-вил, где добыл золото и серебро для строительства храма новой веры. Действительно, набег хазар на город Ардебиль (центр арабского Азербайджана) известен, он состоялся в 730 году⁴²⁸. Схожую дату можно вывести и из книги Иехуды Галеви — примерно 740 год⁴²⁹. Но поскольку обе эти даты относятся ко времени, когда иудаизма как государственной религии в Хазарии быть не могло, подразумевается, что Булан был только предтечей иудейской веры у хазар, насадил же ее потомок Булана, про которого сказано: «После этих событий воцарился из сыновей его сыновей царь, по имени Обадья».

Исходя из текста письма, Обадья мог воцариться как непосредственно за Буланом, так и позднее, быть как его внуком, так и далеким потомком. Правление Обадьи достаточно произвольно приурочивают к началу IX века. И заслугу иудаизации Хазарии приписывают именно ему, поскольку именно Обадья «укрепил веру согласно закону и правилу», «выстроил дома собрания и дома учения» и пригласил иудейских мудрецов, которые объяснили ему «24 книги (священного писания), Мишну, Талмуд и весь порядок молитв...»⁴³⁰.

Такая трактовка событий снимает многие противоречия, но вызывает резонный вопрос: если Булан, который построил храм новой веры, стал «под покровительством Шехины», «совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание» и доставил к себе «изо всех мест мудрецов израильских», чтобы они объяснили ему законы Моисея, — если этот Булан не считается принявшим иудаизм, то что же тогда есть принятие иудаизма? И неужели израильские мудрецы, объяснившие неопиту законы Моисея, заодно не посвятили его в тонкости Талмуда, даже если в письме этот самоочевидный факт и не упоминается?

Единственный хронист, который дает достаточно резонную датировку принятия хазарами иудаизма, — Масуди. Именно благодаря ему историки относят время реформы Обадьи к началу IX века. Не называя имен и не разбивая

этот процесс на этапы, Масуди пишет о хазарском властителе: «Царь, его свита и все племя собственно хазар исповедуют иудейство, сделавшееся главенствующей религией в этом царстве уже со времен халифата Гарун-ар-Рашида»⁴³¹ (то есть между 786—809 годом). Поскольку по крайней мере до войны 799 года с арабами хазары в массе своей были язычниками (им же, безусловно, был и каган, если не считать краткого эпизода с принятием ислама), то иудаизм они могли принять в первые годы IX века, но не позднее 809 года. Конечно, Масуди тоже мог ошибиться, но его информация, по крайней мере, не противоречит всему тому, что мы знаем об истории Хазарии.

Свобода совести

Масуди пишет о хазарской столице X века: «Жители столицы — мусульмане, христиане, иудеи и язычники. Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода (джинс)». Ни о какой всеобщей иудаизации речь не идет. Правда, Масуди сообщает, что в Хазарию после победы иудаизма эмигрировало немало евреев из арабских и мусульманских стран. Особенно массовый характер это приняло при жизни самого историка: «Много иудеев приютилось у хазар и бежало туда из разных мусульманских городов и из царства Рум, так как в наши дни, в 332 году (Хиджры; 943/944 н.э. — *Авт.*), Арман, царь румский (византийский император Роман I Лакапин. — *Авт.*), обращал иудеев, бывших в его царстве, в христианство»⁴³². Тем не менее тот же Масуди пишет: «Большую часть населения в царстве хазар составляют мусульмане, так как из них составлено войско царя...»⁴³³ Кроме того, по сообщению Масуди, «в этом государстве существуют мусульмане купцы и ремесленники, переселившиеся сюда по причине справедливости и безопасности, пребывающих в этом государстве». Он пишет, что в Хазарии есть «мечети со школами, где учат читать Коран», причем соборная мечеть имеет минарет «выше царского дворца». О многочисленности иноверцев в Хазарии Масуди сообща-

ет следующее: «Если бы мусульмане и находящиеся там христиане соединились, то царь ничего не был бы в состоянии с ними сделать»⁴³⁴.

Пишет Масуди и о язычниках, которые совершенно свободно и открыто отправляли любые свои обряды, в том числе и такие, которые правоверным иудеям должны были представляться весьма богопротивными: «Что касается до язычников в этом царстве, то среди них славяне и руссы, и живут они в одной из двух частей города; они сжигают своих покойников вместе с их лошадьми, оружием и украшениями. Когда умрет мужчина, то его жена сжигается живою вместе с ним; а если жена умрет первою, то муж не подвергается той же участи. Когда кто-нибудь умрет холостым, его женят после кончины»⁴³⁵.

Ал-Истахри в первой половине X века писал о хазарах: «Царь их иудейского вероисповедания, и говорят, что свита его числом около 4000 человек. Хазары мусульмане, христиане и иудеи и среди них есть идолопоклонники. Самый малочисленный класс иудеи, а самый большой — мусульмане и христиане, но все-таки царь и приближенные его — иудеи. Большую часть обычаев их составляют обычаи идолопоклонников, и они кланяются до земли друг другу для выражения почтения. А установления их, которыми они отличаются от других народов, основаны на древних обычаях и противоречат религиям мусульманской, иудейской и христианской».

Ал-Истахри упоминает и «царя Семендера» (вероятно, имеется в виду хазарский правитель города) — он «иудейского вероисповедания и находится в родстве с царем Хазар»⁴³⁶.

Современник ал-Истахри, Ибн Руста (иногда неправильно называемый Ибн Даста⁴³⁷), писал о хазарах: «Верховный глава их исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как Иша, так военачальники и вельможи, которые состоят при нем; прочие же Хозары исповедуют религию, сходную с религией Турок»⁴³⁸.

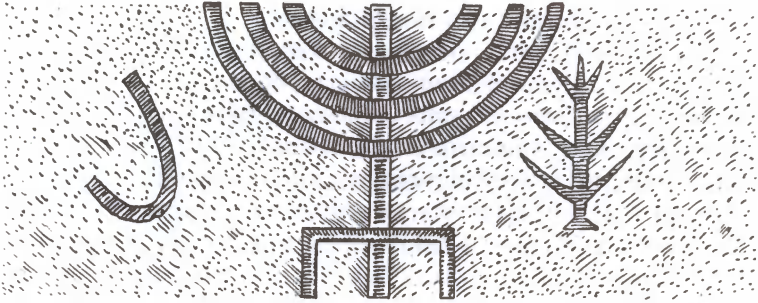
Интересно, что судопроизводство в Хазарии было раздельным для людей разных вероисповеданий: каждого судили в соответствии с законами его религии. По версии Масуди, исламское право имело некоторые преимущества перед

остальными: именно к мусульманским судьям другие обращались в случае затруднений:

«В столице хазарского царства существует обычай, по которому у них полагается семь судей: два для мусульман; два для хазар, руководствующиеся книгою Тора; два для христиан, постановляющие решение согласно с Евангелием, и один для славян, руссов и прочих язычников, судящий по языческим законам, то есть на основании суждений рассудка. Когда произойдет важный случай, который судьи их не умеют рассудить, они обращаются к судьям мусульманским, представляют дело на их рассмотрение и подчиняются их решению, составленному согласно с законоположениями ислама»⁴³⁹.

Все это наводит на мысли, что иудаизм в Хазарии был религией правящей верхушки, но не государственной религией в полном смысле этого слова: иудеи не имели никаких преимуществ перед теми, кто исповедовал любую другую веру. Да и количество иудеев в каганате было, судя по всему, не слишком велико.

Археологи почти не нашли свидетельств пребывания иудеев в Хазарском каганате. Имеющиеся находки настолько малочисленны, что не дают оснований даже для тех скромных выводов, которые можно сделать, прочитав арабских авторов, писавших об иудаизме в Хазарии. Все эти предметы могли бы быть оставлены немногими заезжими купцами, а не жителями страны, в которой иудаизм считается одной из ведущих религий.

С другой стороны, иудаизм — религия достаточно лаконичная в материальном плане, иудеи не злоупотребляют религиозной символикой. Во всем мире большая часть самых значимых археологических находок (для некоторых культур — подавляющая часть) происходит из погребений. Но евреи издавна хоронили своих покойников без погребального инвентаря, сняв с них все украшения и завернув их в саваны.

Древних израильтян хоронили в склепах — естественных или искусственных пещерах за городом. Тела укладывали на каменные выступы, вырубленные вдоль стен погребальной камеры, или на пол. Потом истлевшие кости собирали и переносили в боковую камеру или помещали в специальный сосуд-оссуарий. А освободившееся место использовали

для следующего покойника... Но по мере того как евреи расселялись по миру, похоронный обряд менялся, и уже в раннем Средневековье иудеи обычно хоронили своих мертвецов в обычных грунтовых могилах.

Они укладывали покойных на спину, с руками, вытянутыми вдоль туловища, обычно — ногами в сторону Иерусалима, но в некоторых общинах — наоборот, головой к нему. Простой деревянный гроб не должен был иметь никаких металлических или иных накладок и украшений, даже ручек. На дне его обязательно отсутствовала одна доска или было сделано отверстие для контакта с землей⁴⁴⁰. Иногда вместо гроба могли использовать деревянные носилки. Но и от того и от другого за тысячу лет мало что остается... Поэтому уверенно объявить какое бы то ни было раннесредневековое погребение иудейским практически невозможно. В принципе любое безынвентарное погребение (если только оно не совершено рядом с погребениями других конфессий и если покойник лежит на спине с вытянутыми руками) может быть иудейским, но может и не быть... Мусульманские погребения (например, ордынские), найденные археологами в степях Юго-Восточной Европы, выглядят примерно так же.

В этой ситуации археологам могли бы помочь каменные надгробные плиты — они во все времена были очень приняты у иудеев. На этих плитах часто были высечены религиозные символы и предметы культа, например менора (семи-свечник), шофар (культовый музыкальный инструмент), дулав (нераскрытый пальмовый побег), свиток Торы, плод этрога или граната, нож для обряда обрезания... Популярны были эпитафии, причем не только на иврите или на арамейском языке, но и на греческом или латыни. Отметим, кстати, что шестиконечная «звезда Давида» стала появляться на еврейских надгробиях лишь в XIX веке, древние памятники ее не знали...⁴⁴¹ Но надгробные плиты с иудейской символикой, найденные на территории Хазарии, как правило, относятся к более раннему времени.

На всю степную и лесостепную зону найдена только одна такая плита. Это, конечно, не значит, что их здесь не

было, — за тысячу лет древние кладбища могли быть разрушены, застроены, распаханы... А плиты — использованы для строительства, разбиты или выброшены. Единственная находка сделана в 2005 году в дельте Дона, в поселении, получившем название «Переволочный Ерик». На плите из светло-серого кварцита высечены две строки еврейского текста и две большие красивые меноры. Рядом с одной из них виден еще один небольшой светильник, изображенный гораздо более условно. С одной стороны от ножки у него три ветви, как у меноры, а с другой — четыре, как у ханукии. Рядом с плитой были найдены кувшины, по которым археологи определили дату находки: вторая половина X — начало XI века⁴⁴².

Но датировка эта вызывает некоторые сомнения. В крохотном поселении, затерянном среди болот и камышей дельты, еврейскому купцу делать, пожалуй, было нечего. А вот в крупном античном городе Танаисе, расположенном через Дон, в нескольких километрах к северу, купцов было много. Встречались среди них и евреи, по крайней мере, амфоры с еврейскими именами в Танаисе найдены. Проблема заключается в том, что Танаис в III веке н.э. был разрушен. Потом на развалинах снова возродилась жизнь, и в хазарское время, примерно с конца VII по середину VIII века⁴⁴³, здесь существовало небольшое поселение, но крупных торговых операций его жители уже не вели, и трудно представить, чтобы в нем жил и умер богатый еврейский купец. А к X веку в Танаисе уже никто не только не торговал, но и не обитал; камни, из которых был построен город, понемногу растаскивали для своих нужд все окрестные жители вплоть до XX века включительно. Можно предположить, что надгробная плита была водружена над могилой еврейского купца в окрестностях Танаиса в первые века н.э. — во времена, когда здесь действительно процветала международная торговля. А несколькими веками позднее обработанный и «орнаментированный» камень был перевезен в крохотное поселение и использован в каких-то хозяйственных целях.

Вообще в степи и лесостепи практически нет погребений хазарского времени, которые археологи с уверенностью мог-

ли бы счесть иудейскими⁴⁴⁴. Хотя кое-какие находки, связанные с иудаизмом, есть.

В Волгоградской области, в Царевском могильнике, в погребении женщины, умершей во второй половине IX — начале X века, археологи обнаружили металлическое зеркало, на обратной стороне которого отчеканен рисунок, который пытались интерпретировать как иудейский. Здесь изображен всадник на коне, а перед ним — нечто напоминающее деревце или куст: тоненький ствол, от которого отходит несколько ветвей. Высказывалось мнение, что это — схематически изображенный ритуальный светильник хануккия (в отличие от меноры, он имеет восемь одинаковых свечей и еще одну, большую, в центре)⁴⁴⁵. Но с точки зрения авторов настоящей книги, надо иметь очень раскованное воображение, чтобы в абсолютно несимметричном ветвящемся растении усмотреть строгую структуру хануккии. Впрочем, даже если это зеркало и символизировало собой праздник обновления Храма, признать его владелицу иудейкой невозможно: тогда никакие предметы не должны были бы сопровождать ее в последнее путешествие. А с этой женщиной были похоронены несколько мелких вещей (в том числе нож), кроме того, ей принесли в жертву собаку.

В Мариуполе, в погребении, совершенном не раньше конца VIII века, был среди прочих вещей найден керамический горшок, на котором начертаны символы двух религий сразу: крест и менора. Но менора эта настолько кривая и условная, как будто ее рисовал маленький ребенок. Трудно представить, что гончар осмысленно нанес эти линии на глину в попытке изобразить семисвечник. В лучшем случае неумелый художник по памяти начертил виденный когда-то символ, смысла которого он не понял⁴⁴⁶.

В одной из катакомб Дмитриевского могильника в Белгородской области был найден бронзовый перстень с плоским щитком. Могильник этот — типично салтовский, и перстни такие были популярны у салтовцев; странно одно: на щитке изображена менора. Причем на этот раз никаких сомнений по ее поводу быть не может: рисунок четкий, красивый и совершенно однозначный. Археологи установили, что

перстень был местного производства, и, значит, примерно в IX веке кто-то, живший в этих краях, хотел иметь предметы, украшенные иудейской символикой, а кто-то готов был их выпускать⁴⁴⁷. Впрочем, для кого бы ни был изготовлен перстень, его последний владелец вряд ли был иудеем, потому что эта религия, как мы уже не раз говорили, предписывает снимать украшения с покойников.

Ни одной постройки, которую можно было бы считать синагогой, в степях и лесостепях Хазарии тоже не найдено. Впрочем, в этих местах вообще почти не было зданий из кирпича и камня. Крепости здесь строили, но внутри крепостей стояли юрты, полуземлянки или деревянные хижины. В Саркеле и в Семикаракорской крепости найдены более фундаментальные дома, но их очень немного, и ни один из них не похож на синагогу. Тем более что на многих саркельских и семикаракорских кирпичах найдены тамгообразные знаки, которые говорят о языческих традициях местных жителей. Конечно, синагога могла располагаться и в любой дощатой хижине (небольшим иудейским общинам разрешается приспособлять для религиозных собраний жилой дом), но ни подтвердить, ни опровергнуть это мы не можем. Во всяком случае, это говорило бы о том, что число иудеев в крепости было очень невелико.

Единственная на всю лесостепную и степную Хазарию постройка, которую при известной фантазии можно было бы считать синагогой, находится в Саркеле: два кирпичных строения, связанных общей платформой. Комплекс этот, судя по всему, являлся каким-то общественным зданием. Поскольку ни на языческое святилище, ни на христианскую церковь, ни на мечеть это ни в коем случае похоже не было, высказывалось предположение, что постройка могла служить синагогой⁴⁴⁸. Но высказывалось и не менее обоснованное предположение, что она могла служить и любым другим надобностям, поскольку никакой религиозной символики археологи в ней не обнаружили⁴⁴⁹. Вообще говоря, никто не знает, как должна была выглядеть синагога в Хазарии. Археологи допускают, что теоретически ее можно отличить от других зданий по отсутствию орудий труда и костей «нечистых» животных⁴⁵⁰ (посуду и кости «чистых животных»

в развалинах синагоги встретить можно, поскольку в синагогах проводятся ритуальные трапезы).

Несколько больше материальных свидетельств иудаизма археологи нашли в других регионах Хазарии. В Керчи был найден обломок мраморного блюда с процарапанной менорой. Подобные блюда использовались в иудейских ритуалах, и высказывалось предположение, что блюдо это происходило из синагоги, которая, конечно же, существовала на Боспоре⁴⁵¹.

На Тамани и в Крыму встречаются раннесредневековые амфоры с нарисованными менорами. Но считать их свидетельством, хотя бы и косвенным, иудаизации Хазарии — нельзя. Они были изготовлены не позже VII века, то есть еще до того, как хазары приняли иудаизм. Евреи в Причерноморье жили издавна, ведь и в Танаисе — греческом городе, стоявшем в устье Дона, археологи находили позднеантичные амфоры с еврейскими именами⁴⁵². Еще на рубеже эр в Крыму и на Боспоре существовали поселения, созданные иудеями. После того как в 70 году н.э. император Тит разрушил Иерусалим, поток эмигрантов усилился.

Новая волна эмиграции прошла в середине II века, после того как Бар-Кохба поднял в Иудее восстание против римлян. У повстанцев были на то более чем веские основания: император Адриан под страхом смертной казни запретил обряд обрезания, а на месте Иерусалима решил воздвигнуть римский город Элия Капитолина, названный в честь себя самого (император происходил из рода Элиев) и Юпитера Капитолийского. На развалинах Иерусалимского Храма был построен храм Юпитера, а на том самом месте, где находилась главная святыня иудаизма, Скиния с Ковчегом Завета, была водружена статуя Адриана. В результате в стране вспыхнуло восстание, известное как Вторая Иудейская война. Оно было жестоко подавлено, большая часть еврейского населения Иудеи — уничтожена, а тем, кто остался в живых, пришлось бежать, в том числе в Крым и на Боспор⁴⁵³.

Приток еврейского населения в Крым шел с той или иной степенью интенсивности во все времена. Поэтому частыми находками в Крыму и на Тамани стали еврейские каменные

надгробья и плиты с посвятельными надписями или юридическими актами. На многих есть религиозная символика, еврейские надписи и имена. Но абсолютное большинство этих плит были созданы задолго не только до иудаизации Хазарии, но и вообще до появления хазар, а датировка некоторых до сих пор не определена.

На таманском поселении, которое получило у археологов название «Вышестеблиевская-11», за восемь лет работы экспедиции было найдено 20 надгробий с иудейской символикой. Очевидно, это было место компактного проживания евреев⁴⁵⁴. Но все надгробия найдены археологами в полах и стенах домов или в перекрытиях более поздних могил — люди, жившие здесь в IV—VII веках н.э., использовали их в качестве строительного материала⁴⁵⁵.

При раскопках Судакской крепости в Крыму была найдена уникальная вещь — кусок сланца с процарапанными на нем звездой Давида и тюркской тамгой. Назначение этого камня не известно — на обратной его стороне имеется паз. Найден он в слое X—XI веков⁴⁵⁶, но нельзя исключить, что знаки были процарапаны в хазарское время.

Интересны плиты, связанные с освобождением евреями своих рабов. Такой акт подтверждался установлением специальной памятной плиты, а освобожденные рабы поступали под опеку синагоги с условием их вхождения в иудейскую общину и, вероятно, с последующим принятием иудаизма. Таким образом, хотя иудаизм и не слишком приветствует обращение иноверцев, на берегах Боспора такая практика существовала еще в римское время⁴⁵⁷.

На Тамани были найдены очень интересные надгробные плиты, в которых иудейская символика соседствует с тюркскими тамгами. Поначалу некоторые исследователи видели в этом неопровержимое свидетельство принятия иудаизма тюрками-хазарами. Но дело в том, что еврейская символика на этих плитах красиво вытесана на лицевой стороне, а тамги грубо процарапаны на оборотной. Все плиты были найдены уже во «вторичном» использовании — в кладках домов IV—VII веков или даже христианских гробниц, ни одна из них не лежала на могиле своего первоначального владельца. Поэтому нет никаких оснований считать, что иудейская

и тюркская символика появилась на плитах одновременно. Скорее всего, тамги были процарапаны новыми владельцами плит после того, как они разграбили находившееся неподалеку старое еврейское кладбище⁴⁵⁸.

Аналогичную картину с иудейскими памятниками мы видим и в Крыму. Возникает парадоксальная ситуация: судя по письменным источникам, евреи расселяются по всему миру, в том числе по Хазарскому каганату. Причем если во множестве других стран их достаточно часто притесняют, в каганате царит полная веротерпимость, торговля процветает, а правители государства открыто исповедуют иудаизм. Но при этом археологических свидетельств пребывания иудеев в Хазарии почти нет, более того, создается впечатление, что, например, в Крыму и на Тамани их от века к веку становилось все меньше.

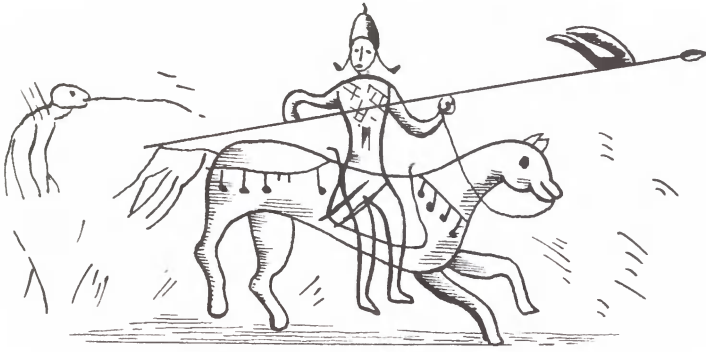
Традиционно считается, что на Северном Кавказе, прежде всего в Дагестане, издавна жило много евреев, которые переселились сюда еще из Ирана, задолго до образования Хазарии. Однако археологических свидетельств этому (равно как и тому, что они жили здесь позднее, под властью каганата) почти нет.

Пожалуй, единственной находкой такого рода можно считать два стеклянных осколка культового иудейского сосуда из могильника Мошевая балка (на реке Большая Лаба на Северном Кавказе). После реставрации они сложились в один фрагмент, на котором вертикально, от дна к венчику, четыре раза повторялась сделанная «иудейским квадратным письмом» надпись: «Израэль»⁴⁵⁹. Место, где были найдены осколки, считается одним из перевалочных пунктов Шелкового пути, который проходил через Хазарию. А сами осколки говорят о том, что еврейские купцы принимали участие в этой торговле.

Остальные свидетельства того, что евреи жили на Северном Кавказе в Хазарское время, — косвенные. Например, известно, что в этих местах в течение многих веков были очень популярны каменные и янтарные бусы — их привозили с Востока и из Прибалтики. В VII веке по ряду причин (в том числе из-за хазаро-арабских войн) приток бус пре-

кратился, однако мода на них не прошла. Правда, теперь местным модницам пришлось довольствоваться в основном стеклянными бусами — мастера стали налаживать их производство. И сырье, и технологии применялись разные, в том числе в конце VII века здесь появилось высококачественное и удобное в работе так называемое «иудейское стекло», уже известное в Западной Европе. Высказано предположение, что рецепт этого стекла был привезен в Дагестан еврейскими стекловарами и что они же наладили здесь выпуск стеклянных бус. Производство это прекратилось во второй половине X века — возможно, в связи с падением Хазарского каганата⁴⁶⁰.

Гражданская война. Магьяры

В первой трети IX века в Хазарском каганате вспыхнула гражданская война. Началась она, вероятно, еще при жизни Обадьи. Считается, что именно он провел в стране наиболее радикальные реформы, как политические, так и религиозные: «поправил царство и укрепил веру согласно закону и правилу»⁴⁶¹. При нем в Хазарии окончательно утвердился талмудический иудаизм. Кроме того, именно Обадья, как считают ученые, полностью взял власть в свои руки, сделав кагана лишь бесправной сакральной фигурой.

Но реформы царя обернулись против него самого. Известно, что хотя после Обадьи правил его сын Езекия, а за ним сын последнего, Манассия, — на смену Манасии, как ни странно, пришел брат Обадьи Ханукка⁴⁶². Ситуация, когда правителю наследует его дед (двоюродный), — достаточно нетипична. Кроме прочего, это значит, что четыре властителя сменились за жизнь одного поколения, — возможно, они погибали в междоусобных войнах. Обадья пал первой жертвой, за ним последовали его сын и внук, который даже не успел оставить наследника и передал престол двоюродному

деду⁴⁶³. И лишь после Хануки в стране вновь установилась четкая линия передачи власти от отца к сыну.

Люди, выступившие против царя-реформатора, были его соплеменниками и соратниками. Скорее всего, войну начали те самые кочевники, которые оставили в донских степях курганы «с квадратными ровиками» (на жаргоне археологов этих людей называют «ровиковцы»). Мы уже говорили, что именно их (единственных из всех многочисленных этносов каганата) археологи считают «настоящими» хазарами, потомками тюрков, пришедших в степи Восточной Европы вместе с воинами рода Ашина (на этот счет существуют некоторые разногласия, но о них уже рассказывалось в главе «Кто такие хазары»).

«Ровиковцы» были безусловными язычниками — судя по их могилам, они никогда не склонялись ни к одной из авраамических религий. Их курганы не отличались особо роскошным инвентарем, зато говорили о воинственности и достатке. Эти воины-кочевники, принадлежавшие к правящему тюркскому клану, были хозяевами восточноевропейских степей. Когда в начале IX века глава их клана, каган, окончательно потерял государственную власть, а на роль духовных наставников выдвинулись представители иноземной религии, «ровиковцы» не захотели мириться с таким положением вещей. Но царь, который уже не был связан с ними религиозными узами, жестоко подавил восстание.

М. И. Артамонов предполагает, что он привлек на свою сторону кочевников-гузов или печенегов — известно, что в дальнейшем «хазарское» войско состояло в основном из этих наемников, не имевших к этническим хазарам ни малейшего отношения. По крайней мере до начала IX века печенеги и гузы обитали к северо-востоку от Волги. Обычно историки, основываясь на сообщениях средневековых авторов, относят их выход из-за Волги и вторжение в Причерноморье к более позднему времени — к самому концу IX века. Но археологические раскопки показали, что какой-то их ограниченный контингент, вероятно, вступил в Хазарию еще в годы гражданской войны (не позже первой трети IX века) и остался на востоке страны. Следы гузов и печенегов, остав-

ленные в первую половину того же века, находят и в низовьях Волги (при раскопках городища Самосделка — предположительно Итиля), и в Саркеле — хазарской крепости, построенной в конце 30-х или в начале 40-х годов IX века⁴⁶⁴.

Восставшим, в свою очередь, помогли венгры, которые обитали по соседству с хазарами. Они появились в каганате примерно в 822—826 годах⁴⁶⁵. Сами они называли себя мадьярами, византийцы же — «турками» (тюрками), или «западными турками». Константин Багрянородный в книге «Об управлении империей» пишет: «...Народ турок имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия — по прозвищу их первого воеводы». Позднее венгры, по сообщению того же автора, передвинулись в страну, называемую Ателькузой⁴⁶⁶.

По поводу того, где именно находились Леведия и Ателькуза, существует множество мнений, равно как и по поводу того, когда мадьяры в них приходили и когда они их покидали. Во всяком случае, поначалу они обитали к востоку от Волги, а потом переселились в Причерноморье, в местность между Днепром и Дунаем. Багрянородный, подробно описывая сложные взаимоотношения мадьяр и хазар, рассказывает, что мадьяры «жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах». Он сообщает, что каган «благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку... чтобы она родила от него». Но планы кагана не оправдались: «...этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой». Тем не менее союза между двумя народами это не нарушило — мадьяры по совету хазар избрали архонта, некоего Арпада, который должен был «повиноваться слову и велению» кагана, и устроили ему инаугурацию, «по обычаю — “закану” хазар подняв его на щите»⁴⁶⁷. Если верить Багрянородному, оба народа жили в дружбе и согласии, пока печенеги в конце IX века не вытеснили мадьяр с их территорий⁴⁶⁸.

Об участии мадьяр в гражданской войне в Хазарии Константин Багрянородный прямо не говорит, но о самой войне пишет и «турок» в связи с ней упоминает. Кстати, он — единственный раннесредневековый автор, который сообщает

о смуте в Хазарии (хотя сам факт этой войны подтверждается многими косвенными свидетельствами).

Багрянородный говорит о хазарах: «Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и, когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов (печенегов. — *Авт.*), сдружились друг с другом и стали называться каварами»⁴⁶⁹. Отметим, что под «землей пачинакитов» император имеет в виду ту местность в Причерноморье, где печенеги обитали уже в его время. Когда «турки» и хазары, потерпевшие поражение в гражданской войне, пришли в междуречье Дуная и Днестра, никаких печенегов там еще не было.

Интересно, что венгры у Багрянородного описаны как непосредственные союзники и вассалы именно кагана. Представляется логичным, что каган, власть которого в результате реформ Обадьи оказалась под угрозой, во время смуты находился в одной политической группировке с язычниками-«ровиковцами» и с мадьярами. После поражения хазарские воины-«ровиковцы», вошедшие в историю как «кавары» (или кабары), и дружественные им венгры были вытеснены на окраины и за пределы каганата.

А еще позднее, вероятно уже в конце IX века, и каварам, и венграм пришлось вновь бежать на запад под натиском печенегов, которые прорвались в причерноморские степи. Подробнее мы поговорим об этом ниже, а пока что скажем лишь о могильнике, оставленном этими переселенцами, раскопки которого проливают некоторый свет на ход гражданской войны в Хазарии.

Археологические свидетельства гражданской войны

Возле села Челарево в современной Сербии, на территории, которая входила в состав древней области Паннония, археологи раскопали некрополь хазарского времени.

Сначала было высказано предположение, что он датируется самым концом VIII и началом IX века, — так считал руководитель раскопок Радован Бунарджич⁴⁷⁰. Но потом появилась и другая точка зрения, основанная в том числе на радиоуглеродном анализе костей, — что некрополь возник на рубеже IX—X веков⁴⁷¹, в то самое время, когда в Паннонию, по сообщению Константина Багрянородного, отступили венгры и кавары, теснимые печенегами⁴⁷². Действительно, в Челареве археологи обнаружили большую группу могил, во многом схожих с могилами «ровиковцев», — совпадали и некоторые элементы конструкции, и детали погребального обряда, например похороненный рядом с воином конь. Сохранившиеся вещи (например, воинские пояса со множеством бляшек) тоже имели общие черты⁴⁷³. Как и у «ровиковцев», у погребенных здесь кочевников преобладали признаки монголоидной расы⁴⁷⁴.

Но здесь же, в Челареве, была найдена и другая группа могил, приблизительно того же времени. Погребенные в них люди не имели выраженных монголоидных черт. В могилах практически не было никаких вещей и украшений (как это полагается у иудеев), но во многих лежали куски кирпича с высеченными на них менорами, этрогами, шофарами и еврейскими надписями⁴⁷⁵. Вообще говоря, правоверные иудеи отнюдь не считали обязательным, чтобы в последний путь их провожали с помощью кирпичей, хотя бы и украшенных религиозными символами. С другой стороны, приписать менору или же написанное по-еврейски слово «Израиль» представителям какой-либо другой конфессии тоже трудно. Возможно, древние жители Челарева были не сильны в равнинистической обрядности и сочетали ее с языческими традициями.

Интересно другое: в Хазарии, судя по многочисленным сообщениям арабских авторов, пишущих о том, что в IX и X веках верхушка каганата исповедовала иудаизм, победила партия сторонников этой религии. Естественно было бы думать, что побежденные кавары к иудаизму относились не слишком тепло. Почему же среди них оказалось так много иудеев, пусть даже и склонных к некоторым языческим обрядам?

Радован Бунарджич считает, что сюда в дни гражданской войны бежал с сыном и внуком сам Обадыя, оставив-

ший государство и власть победителю — своему брату, который действительно стал хазарским царем после окончания смуты⁴⁷⁶. Версия эта представляется весьма странной хотя бы потому, что сын и внук Обадьи, судя по письму Иосифа, наследовали ему и некоторое время правили каганатом, поэтому о совместном их бегстве говорить трудно. Бунарджич исходит из того, что могильник датируется самое позднее началом IX века, а это вопрос очень спорный. Кроме того, от Багрянородного мы знаем, что печенег вытеснили венгров и кавар из Причерноморья именно в конце IX века (впрочем, часть кавар могла переселиться в Паннонию и не дожидаясь прихода печенегов).

Но определенное рациональное зерно в точке зрения Бунарджича, видимо, есть. Вероятно, не все было прямолинейно и гражданская война в Хазарии не просто разделила страну на лагеря сторонников и противников иудаизма. Борьба прежде всего шла за власть, в том числе за приоритет царя или кагана. При этом сторонники иудаизма могли иметься в обоих враждующих лагерях, хотя не исключено, что у них были разные взгляды на желаемую степень иудаизации страны, кроме того, они могли придерживаться разных религиозных традиций внутри самого иудаизма (напомним, что Булан, хотя и без особых на то оснований, считается ревнителем иудаизма «по Моисею», а Обадья — последователем раввинизма). Очень может быть, что в результате перипетий гражданской войны группа хазар, в том числе принявших иудаизм, но не отказавшихся до конца от некоторых языческих традиций, бежала на запад и рано или поздно (возможно, по прошествии нескольких поколений) добралась до Паннонии. Непонятно только, почему «иудеи» из Челарева отличаются от своих собратьев-язычников отсутствием монголоидных признаков.

...Короче говоря, гражданскую войну в Хазарии можно считать той темой, которая еще ждет своего исследователя.

Возможно, археологическим свидетельством гражданской войны в Хазарии является Правобережное Цимлянское городище. Сегодня оно расположено на правом берегу Цимлянского водохранилища, а когда-то это была крепость, стоявшая на высоком берегу Дона, на мысу, защищенном

с двух сторон крутыми оврагами. Добраться сюда можно было только через узкую перемычку, перерезанную небольшим ровиком. Крепость была построена из белокаменных блоков, образующих два панциря, пространство между ними было заполнено щебнем. Толщина стен достигала 4 метров. Крепость представляла собой треугольник со стенами длиной 110, 130 и 135 метров. Еще одна короткая угловая стена, в которую были встроены главные ворота, имела длину 25 метров. Вдоль стен возвышались мощные башни, одна из них (юго-восточная) имела площадь около 80 квадратных метров. Внутри крепости стояли немногочисленные здания из сырцового кирпича, крытые черепицей. В основном жители ее обитали в юртах, пол которых был слегка заглублен в землю⁴⁷⁷. В центре крепости особняком стояли восемь юрт: семь располагались по кругу, восьмая, самая большая (площадью 25 квадратных метров), — посередине. Вероятно, в ней жил владелец крепости⁴⁷⁸.

О том, когда была построена крепость, точных данных нет. Здесь найдено немало предметов, которые можно отнести к IX веку. Некоторые из них можно с равной степенью вероятности отнести и к VIII, но ни одной находки, которая однозначно датировалась бы VIII веком, на Правобережном городище сделано не было. Косвенным свидетельством того, что крепость была построена уже в IX веке, является то, что в ней почти отсутствует популярная у нижнедонских салтовцев VIII века лепная керамика⁴⁷⁹.

Срок жизни крепости археологи вычислили по толщине «культурного слоя» — слоя земли с намешанными в нем мелкими свидетельствами жизни человека: черепками, костями животных и прочими отходами. Слой этот имеет толщину от 20 до 30 сантиметров, то есть в среднем 25 сантиметров. В стоящей неподалеку крепости Саркел, даты строительства и падения которой известны, 75 сантиметров «культурного слоя» нарасли за 130 лет — это около 0,57 сантиметра в год. Поскольку Правобережная крепость была построена примерно в те же годы и существовала в тех же условиях, можно предположить, что «культурный слой» в ней нарастал с той же скоростью. Это значит, что крепость была обитаема около 40 лет.

Примерную дату гибели крепости определили по найденным в ней арабским монетам. Самая «младшая» из них была выпущена халифом Амином, правившим с 809 по 813 год. Кроме того, в крепости была найдена половинка дирхема 796/797 года из города Зерендж на юге Ирана. Про последнюю известно, что такие монеты появились на Дону, вероятно, во второй четверти века, значит, падение крепости можно отнести к периоду не позже середины IX века⁴⁸⁰.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. На рубеже VIII и IX веков на правом берегу Дона была построена крепость, вероятно принадлежавшая знатному хазарину. Жители ее занимались в том числе сельским хозяйством и рыболовством — на городище были найдены серпы, зернотерки, рыболовные крючки, грузила и даже одна блесна⁴⁸¹. Надо думать, что владелец крепости контролировал находившуюся тут же переправу через Дон⁴⁸².

Крепость просуществовала около сорока лет, после чего была почти без боя взята неведомым противником — даже наконечников стрел археологи нашли очень мало, почти не найдено и мужских скелетов. Вероятно, воины в это время находились в походе и немногие оставшиеся защитники не смогли дать отпора врагу. А вот женских и детских скелетов найдено множество, и это косвенно говорит о том, что крепость пострадала не от налета иноземных кочевников — они прежде всего попытались бы увести женщин и детей в рабство. То, что произошло в крепости, скорее напоминало карательную операцию. Во многих домах найдено по несколько обгорелых скелетов людей разных возрастов — каратели вырезали целые семьи и поджигали дома⁴⁸³.

Как ни цинично это может прозвучать, но именно такое неожиданное и полное уничтожение города играет на руку археологам. В городах, где жизнь затухала постепенно (как, например, в наших Золотых Горках), жители ничего не оставляют после себя, кроме разрушающихся домов, черепков и мусорных ям. Если же город гибнет в одночасье, многие ценности остаются в развалинах. На Правобережном городище археологи сделали очень интересную находку, которая помогла определить время существования крепости. Возле ноги одного из женских скелетов было обнару-

жено 49 серебряных иранских и арабских монет. Вероятно, их владелица, выбегая из дома, засунула все свои сокровища в сапог и тут же погибла от руки врага. Никому не пришлось в голову обыскать ее... Сумма, найденная при ней, была по тем временам немалой. Самая старшая из монет датируется концом VI века, — вероятно, эти деньги накапливались в семье из поколения в поколение⁴⁸⁴.

Что же касается воинов из Правобережного городища, то они, скорее всего, сюда уже не вернулись. Большинство погибших так и остались лежать непогребенными, и дикие звери растаскивали их тела. Позднее останки погибших были присыпаны камнями и землей, — видимо, уцелевших соотечественников оказалось так мало, что они не смогли организовать достойные похороны⁴⁸⁵.

Археологи почти единодушно связывают гибель Правобережной крепости с гражданской войной в Хазарии. Вероятно, ее владелец и жители принадлежали к проигравшей партии. Крепость так и осталась стоять бесхозной на берегу Дона во устрашение возможных мятежников. Это был очень удобный для обороны и контроля местности пункт, но его уже больше никто не использовал⁴⁸⁶.

Примерно в это же самое время прекратили свое существование еще две крепости на Нижнем Дону: Семикаракорская и Саркел-3. Последняя очень мало исследована⁴⁸⁷, но по архитектуре напоминает Правобережную; культурный слой Саркела-3 очень тонкий, а это значит, что крепость была построена и уничтожена примерно в тот же период.

Семикаракорская крепость исследована несколько лучше, хотя и не полностью. Построили ее не позднее первой трети IX века, своими размерами она превосходила не только Правобережную, но даже и знаменитый Саркел. Это был почти правильный квадрат 200 на 215 метров. Внутри него стояла цитадель 80 на 85 метров, здесь сохранились следы кирпичных зданий с черепичными крышами. Крепость была построена из сырцовых кирпичей, среди которых лишь время от времени встречаются обожженные. Кирпичей понадобилось не меньше двух миллионов⁴⁸⁸. Известно, что в Хазарии всем, кроме верховных правителей, было запрещено пользоваться обожженным кирпичом⁴⁸⁹ (государственная

крепость Саркел была построена из обожженного кирпича). Семикаракорская крепость, возможно, принадлежала частным лицам.

Это грандиозное сооружение просуществовало очень недолго — импортной керамики второй половины IX века археологи здесь уже не обнаружили⁴⁹⁰. Зато в одной из башен они нашли следы наспех совершенного коллективного погребения. После того как башня была частично разрушена, прямо поверх завала из сырцовых кирпичей были похоронены девять человек (в том числе четверо детей). У одного из погребенных оказалась отрублена голова. Погибших аккуратно уложили в одинаковых позах, но не снабдили заупокойными дарами; их засыпали обломками стены, которые ко времени раскопок превратились в глинистую массу. Судя по всему, это были защитники разрушенной крепости, и у оставшихся в живых не было возможности похоронить их более «пристойным» образом⁴⁹¹.

Гражданская война в Хазарии ознаменовалась гибелью донских крепостей, репрессиями и, вероятно, массовым исходом «ровиковцев» — после первой трети IX века курганы «с квадратными ровиками» в степи больше не появляются. И это дает основание предположить, что исконных «хазар» в Хазарском каганате с этого времени практически не осталось. Конечно, некоторые из них еще раньше могли принимать христианство или ислам, вступать в смешанные браки, оседать на землю — их потомки продолжали жить под властью новых правителей. Какие-то хазары, составлявшие непосредственное окружение царя и кагана, приспособились к переменам, приняли новую религию и составили новую элиту. Но у тех и у других изменился погребальный обряд, изменилась материальная культура, и теперь говорить о них как об исконных хазарах достаточно трудно. Ни одного этноса, который археологи могли бы хоть с какой-то степенью уверенности соотнести с хазарами, в государстве не осталось. Теперь это был Хазарский каганат без хазар.

Достаточно быстро откочевали на запад и мадьяры. Когда бы ни появились они на территории каганата, в каких бы

его западных пределах ни обитали, в самом конце IX века их пути с Хазарией разошлись.

В 890 году между Византией и Дунайской Болгарией началась война; на стороне византийцев сражались и хазарские отряды. Но императорская армия была разгромлена. Болгары с особой жестокостью обошлись с пленными хазарами: перед обменом пленными они отрезали им носы. В ответ Византия призвала на помощь венгров. Те охотно откликнулись, тем более что император предоставил им свои суда. Византийцы переправили мадьяр на правый берег Дуная, и те стали опустошать земли болгар. Тогда болгары заключили союз с печенегами и, пока армия венгров находилась в походе, вторглись в их страну. Они разорили ее до такой степени, что вернувшиеся венгры решили переселиться в другое место (тем более что здесь они жили не так уж давно и родиной эти места не считали). В 895 году венгры (вероятно, с каварами) осели в Паннонии — на этом их странствия завершились⁴⁹².

Отметим, что в результате всех этих мадьярских переселений пострадали славяне, получившие не самых лучших соседей. Ибн Руста писал: «Мадьяры господствуют над всеми соседними Славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними, как с военнопленными... Воюя со Славянами и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, который зовется Карх... А как дойдут Мадьяры с пленными своими до Карха, Греки выходят к ним навстречу. Мадьяры заводят торг с ними, отдают им пленников своих, и взамен их получают греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другие Греческие товары»⁴⁹³.

Печенеги

Место «ровиковцев» и мадьяр в степях Юго-Восточной Европы заняли печенеги. Родина их находилась к северу от Аральского моря. Потом печенеги переселились в область между Волгой и Уралом, но не задержались

там надолго. Когда они появились на территории каганата, доподлинно не известно: напомним, что высказывалось предположение об их участии в гражданской войне в Хазарии в первой половине IX века. Возможно, они (или огузы) составляли гарнизон Саркела. Так или иначе, значительная масса печенегов до последнего десятилетия IX века жила за Волгой.

Поначалу хазары ладили с печенегами, но потом пали жертвой собственного коварства. Багрянородный пишет: «Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих (возможно, Урал. — *Авт.*), будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет»⁴⁹⁴.

Впрочем, не все печенеги бежали от узов, некоторые решили остаться под их владычеством: «Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников»⁴⁹⁵. Участь оставшихся печенегов была печальна. Арабский дипломат X века Ибн Фадлан видел их и сообщил, что они «бедны в противоположность гуззам»⁴⁹⁶.

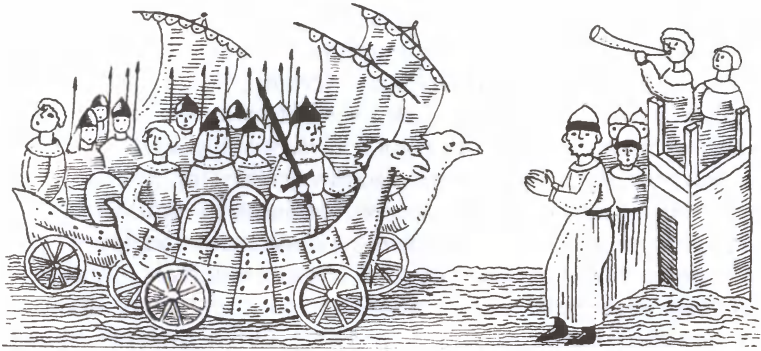
Таким образом, основная масса печенегов оказалась в Причерноморье и разгромила венгров в девяностых годах IX века. Примерно к этому же времени относится разгром

венгров, который печенеги учинили вместе с болгарам и который описан у Багрянородного в другой главе. Возможно, это была одна и та же военная операция, возможно — две разные, но близкие по времени. Так или иначе, в результате всех этих событий венгры, теперь уже окончательно, обрели новую родину, а хазары, вместо сравнительно дружественных венгров, получили весьма воинственных соседей, которые к тому же стали контролировать часть земель, ранее однозначно принадлежавших каганату. Багрянородный пишет: «От понизовья реки Дунай, против Дистры (современная Силистра. — *Авт.*), начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар...»⁴⁹⁷

Печенеги долгое время держали в страхе всю Восточную Европу. Константин Багрянородный пишет, как однажды византийский император отправил к мадьярам посольство с предложением отвоевать обратно занятые печенегами земли. В ответ «все архонты турок воскликнули в один голос: “Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними, — страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье”»⁴⁹⁸.

Багрянородный также утверждал, что «пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них...»⁴⁹⁹.

С этого времени единоличному господству Хазарского каганата в степях Юго-Восточной Европы приходит конец, а территория его начинает уменьшаться. Впрочем, в IX веке у хазар появились и другие враги и соперники. О них — в следующей главе.

Появление русов

С середины IX века в письменных источниках появляются упоминания о новой политической силе, которой в конце концов предстояло сокрушить Хазарский каганат. Имя ее было Русь.

Первое упоминание о росах (русах) встречается в так называемых «Бертинских анналах» — хронике государства франков, охватывающей период с 830 по 882 год. Летописец сообщает, что в 839 году в Ингельгейм, ко двору императора Людовика Благочестивого, прибыло посольство от византийского императора Феофила. Вместе с послами Феофил отправил к Людовику «неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос». Выяснилось, что росы были послами, которых «их король, по имени хакан» направил к Феофилу «дружбы ради». Послы эти добрались до Константинополя с большими трудностями, свой путь «они проделали среди варварских племен, ужаснейших, отличавшихся безмерной дикостью» (возможно, росов напугали венгры, которые как раз в те времена обосновались в Юго-Восточной Европе), и Феофил, опасаясь за жизнь своих гостей, не хотел отпускать их обратно той же дорогой. Он просил

Людовика, чтобы тот разрешил росам «безопасно возвратиться через его империю».

Недоверчивый Людовик, однако, не спешил пропускать незнакомцев через свои границы. Летописец сообщает: «Расследуя более тщательно причину их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов, и решил, что они являются скорее разведчиками в той стране и в нашей, чем просителями дружбы; он счел нужным задержать их у себя до тех пор, пока не сможет истинно узнать, пришли ли они честно туда или нет. Он сразу же сообщил об этом Феофилу через его упомянутых послов и в письме, и что их [росов] он охотно из любви к нему принял, а также, если окажется, что они заслуживают доверия, им будет предоставлена возможность вернуться безопасно на родину; они будут отправлены, причем им будет оказано содействие; в противном случае они будут направлены к лицу его вместе с нашими посланцами, чтобы он сам решил, что с такими должно сделать»⁵⁰⁰.

Дальнейшая судьба послов осталась неизвестной. Но нас она, пожалуй, не слишком интересует. Интересно другое: в 839 году Франкская империя охватывала огромную территорию — всю современную Францию (кроме Бретани), Бельгию и Голландию, запад Германии, Австрию, Швейцарию, север Италии и восток Испании; Людовик Благочестивый был величайшим правителем Европы. И тем не менее он ничего не знал ни о каком государстве росов. А вот о викингах, которые постоянно грабили северные области его империи, Людовик был осведомлен прекрасно. Поэтому, заподозрив, и не без оснований, что росы принадлежат к «народу свеонов» (то есть шведов), он отнесся к ним с естественным недоверием.

Интересно и то, что «росы» титуловали своего правителя «хаканом». Слово это было сугубо тюркским; ни скандинавы, ни славяне своих исконных властителей так не называли. А вот молодое политическое образование на границах Хазарского каганата могло использовать титул могущественного соседа для того, чтобы придать новоявленному властителю какой-то вес.

О происхождении слова «Русь» и о том, кто же такие сами русы (росы), существует множество гипотез. Если предельно

упростить их (а если не упрощать, то придется писать отдельную книгу), основных версий — две⁵⁰¹.

Согласно одной, Русью называлось политическое объединение среднеднепровских славян — этой версии придерживался М. И. Артамонов, ее развивал крупнейший отечественный археолог, академик В. В. Седов⁵⁰².

Согласно второй гипотезе, Русью, или русами (росами), в IX и по крайней мере до начала X века называли выходцев из Скандинавии, дружины которых все чаще появлялись в Юго-Восточной Европе, — так считал, например, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории А. П. Новосельцев⁵⁰³. Этой же теории придерживается доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института славяноведения РАН В. В. Петрухин⁵⁰⁴. По их мнению, русы не были каким-то конкретным народом — так называли отряды пришлых скандинавских воинов (а точнее — грабителей) или купцов. Впрочем, часто русы сочетали оба эти занятия. Недаром и прозорливый император Людовик заподозрил в росах свеонов-викингов.

Во всех германских языках слова «гребля», «весло», «плаванье на гребных судах» имеют общие корни со словом «Русь». Русью, или русами, скандинавы называли участников водных походов независимо от их национальной принадлежности⁵⁰⁵. «Русы состоят из многочисленных племен разного рода, — писал Масуди. — Среди них находятся урмань (норманны), которые наиболее многочисленны...» (справедливости ради отметим, что арабское слово, которое в данном случае переведено как «норманны», некоторые исследователи читают иначе)⁵⁰⁶. По пути на юг их дружины могли пополняться воинами всех племен и народов, прежде всего славянами, через земли которых шли русы, но основу любого отряда, конечно же, составляли сформировавшие его скандинавы.

Авторы настоящей книги разделяют «скандинавскую» точку зрения (ее давно уже можно назвать общепризнанной), что же касается «славянской» теории, то сегодня она не без оснований считается сложившейся под давлением официальной советской историографии⁵⁰⁷.

Вообще говоря, не вполне понятно, почему советской науке так «хотелось», чтобы русы IX века были славяна-

ми. И арабские, и византийские авторы описывают их не в самых лицеприятных выражениях. Ибн Фадлан называет русов «грязнейшим из творений Аллаха», сравнивает с «блуждающими ослами» и сообщает: «...Они не очищаются ни от экскрементов, ни от урины, не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды...»

Ибн Фадлан рассказывает, о том, как русы, привезшие на Волгу девушек-рабынь для продажи, прилюдно совокупаются с ними: «И вот один [из них] сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. И иногда собирается [целая] группа из них в таком положении один против другого, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и наталкивается на него, сочетающегося с ней. Он же не оставляет ее, пока не удовлетворит своей потребности». Про «царя» русов арабский дипломат говорит, что он «не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками], пить и предаваться развлечениям»⁵⁰⁸.

Но неопрятность, неразборчивость в половых связях и отсутствие стыдливости — далеко не самое худшее, что сообщают о русах средневековые авторы. Ибн Руста пишет о них: «Все постоянно носят при себе мечи, потому что мало доверяют они друг другу, и что коварство между ними дело обыкновенное: если кому удастся приобрести хотя малое имущество, то уж родной брат или товарищ тотчас же начинает завидовать и домогаться, как бы убить его или ограбить»⁵⁰⁹.

Патриарх Фотий, которому довелось пережить набег русов на Константинополь в 860 году, в одном из своих писем называет этот народ «всех оставляющим позади в жестокости и кровожадности»⁵¹⁰. В дни осады и сразу после нее Фотий произнес перед жителями города две проповеди, тексты которых сохранились. Он рассказывает, как русы обрушились на окрестности Константинополя, «не шадя ни человека, ни скота, не стесняясь немощи женского пола, не смущаясь нежностью младенцев, не стыдясь седин стариков, не смягчаясь ничем из того, что обычно смущает людей, даже дошедших до озверения, но дерзая пронзять мечом всякий возраст и всякую природу».

Русы отличались особой бесчеловечностью даже для тех, не самых гуманных, времен. Фотий говорит: «Можно было видеть младенцев, отторгаемых ими от сосцов и молока, а заодно и от жизни, и их бесхитростный гроб — о горе! — скалы, о которые они разбивались; матерей, рыдающих от горя и закалываемых рядом с новорожденными, судорожно испускающими последний вздох... Не только человеческую природу настигло их зверство, но и всех бессловесных животных, быков, лошадей, птиц и прочих, попавшихся на пути, пронзала свирепость их; бык лежал рядом с человеком, и дитя и лошадь имели могилу под одной крышей, и женщины и птицы обгадились кровью друг друга. Все наполнилось мертвыми телами: в реках течение превратилось в кровь; фонтаны и водоемы — одни нельзя было различить, так как скважины их были выровнены трупами, другие являли лишь смутные следы прежнего устройства, а находившееся вокруг них заполняло оставшееся; трупы разлагались на полях, завалили дороги, роши сделались от них более одичавшими и заброшенными, чем чащобы и пустыри, пещеры были завалены ими, а горы и холмы, ущелья и пропасти ничуть не отличались от переполненных городских кладбищ»⁵¹¹.

Отметим, что, несмотря на все старания некоторых отечественных историков, ужасы эти не имеют к славянам особого отношения. Те средневековые хронисты, которые прямо говорят о происхождении варваров, громивших окраины Константинополя, называют их норманнами. Так, венецианский историк X—XI веков Иоанн Диакон, описывая события начала 860-х годов, пишет:

«В это время народ норманнов (*Normannorum gentes*) на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к городу Константинополю. Но так как они не могли никоим образом нанести ущерба неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там многое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси»⁵¹².

Поход Руси на Царьград 860 года описан и в «Повести временных лет» (здесь он ошибочно датирован 866 годом). Летописец сообщает, что его возглавили соратники Рюрика, варяги Аскольд и Дир, правившие в это время в Киеве,

где они «собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян»⁵¹³.

Ибн Руста писал о воинских традициях русов, которые явно ассоциируются с викингами, и об их взаимоотношениях со славянами (сведения эти относятся, вероятно, ко второй половине IX века):

«Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (Русы), занимает пространство трех дней пути: покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на Славян, подъезжают к ним на кораблях, высаются, забирают их (Славян) в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там. Пашен они не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли Славян. Когда у кого из них родится сын, то он берет обнаженный меч, кладет его пред новорожденным и говорит: “не оставлю тебе в наследство никакого имущества, а будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом”. Они не имеют ни недвижимого имущества, ни городов (или селений), ни пашен; единственный промысел их — торговля соболями, беличьими и другими мехами, которые и продают они желающим... Они мужественны и храбры. Когда нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего, насилуют побежденных и обращают их в рабство. Они высокорослы, имеют хороший вид и смелость в нападениях; но смелости этой на коне не обнаруживают, а все свои набеги и походы совершают на кораблях»⁵¹⁴.

Отметим, что восточнославянские племена в те времена отличались изрядным миролюбием и все те воинские (и грабительские) деяния русов, которые так охотно живописуют средневековые хронисты, к ним относиться не могли. Ибн Руста, подробно описавший быт и нравы тогдашних славян, сообщает: «Вооружение их состоит из дротиков, шитов и копий: другого оружия не имеют»⁵¹⁵. Почти не упоминается вооружение среди археологических находок в монографии О. В. Сухобокова о раннесредневековых славянах⁵¹⁶. Крупнейший российский историк и оружейвед А. Н. Кир-

пичников указывает, что «в славянских памятниках, предшествовавших образованию Древнерусского государства, мечей не встречено»⁵¹⁷.

Русы же были прирожденными воинами. Ибн Фадлан писал о них: «При каждом из них имеется топор, меч и нож, [причем] со всем этим он [никогда] не расстается. Мечи их плоские, бороздчатые, франкские»⁵¹⁸. «Бороздчатыми» франкские мечи норманнов названы потому, что у них имелись желобки (долы)⁵¹⁹, в отличие от восточных, в том числе хазарских, клинков⁵²⁰.

Русы и славяне

Первые контакты норманнов со славянами относятся, вероятно, еще к VIII веку. В середине века на месте современного поселка Старая Ладога, расположенного на левом берегу реки Волхов, возникло скандинавское поселение. Но уже через несколько лет новоселов вытеснили ильменские словены. Им тоже довелось хозяйничать здесь не слишком долго — примерно через полвека поселение было вновь захвачено скандинавами. Земли эти переходили из рук в руки⁵²¹; в конце концов, если верить «Повести временных лет», именно сюда чудь, славяне, кривичи и весь пригласили на княжение Рюрика, который взял «с собой всю русь» и «поставили город Ладогу».

«В год 6370 (862). И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: “Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону”. Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные — норманны и англы, а еще иные готы — вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу.

И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой — Синеус, — на Белом озере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля»⁵²².

Вопрос о том, действительно ли славяне пригласили к себе варяжских князей с дружинами, или же скандинавы завоевали их земли, до сих пор не решен. К счастью для авторов настоящей книги, он не имеет прямого отношения к хазарам.

Так или иначе, Русь, то есть дружины варяжских князей, оказались на земле славян, смешались с ними, переняли их язык, но дали им свое имя. Последнее не должно удивлять — подобная история произошла чуть раньше на берегах Дуная, когда кочевники-болгары, смешавшись с местными славянами, образовали народ, названный по имени пришельцев. В обоих случаях пришельцы были сравнительно немногочисленны, они переняли язык и обычаи местного населения. Но систему управления, воинские традиции и название они сохранили и распространили на всех.

Впрочем, очень скоро славяне переняли боевой опыт варяжских воинов и стали входить в число русов — ведь так называли не этнос, а дружину. Уже про Олега, который сменил Аскольда и Дира на киевском троне (а точнее, убил их и завладел этим тронном), летопись говорит: «И были у него славяне и варяги, и прочие, прозавшиеся русью». Скоро это слово распространилось и на всех местных жителей. Летопись под 898 годом говорит про полян (обитавших на киевской земле еще до прихода варягов): «поляне, которые теперь зовутся русь»⁵²³.

Так хазары заполучили на своих западных границах еще одних (кроме печенегов) очень беспокойных соседей.

Киев и киевские князья

Одним из мест, где, вероятно, издавна сталкивались интересы хазар и русов, был Киев. В этих землях еще до основания города обитали поляне. «Повесть временных лет» сообщает: «Поляне же жили в те времена сами по себе

и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: а один по имени Кий, а другой — Шек, а третий — Хорив, и сестра их — Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Шек сидел на горе, которая ныне зовется Шековица, а Хорив на третьей горе, отчего и названа Хоривицей. И построили город и в честь старшего своего брата дали имя ему Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были люди те мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне — киевляне и доныне»⁵²⁴.

Несмотря на то что история эта, казалось бы, проста и однозначна, она вызывает множество споров в ученом мире. Спорным является прежде всего вопрос о национальности трех знаменитых братьев. Разные исследователи искали их имена в разных языках и порой находили самые неожиданные параллели.

Существует версия и о том, что они были хазарами. Имя Кий выводится из действительно известного в Хазарии имени Куйа (или Куба) — так звали хазарского вазира первой половины X века, о котором сообщает Масуди⁵²⁵ (правда, человек этот был мусульманином, потомком выходцев из Хорезма). Высказано, в частности, предположение, что хазарский полководец Куйа (предок вазира, упомянутого Масуди) по поручению своего царя выстроил или укрепил крепость, которая получила его имя⁵²⁶. В иранских языках (к которым относится хорезмийский) прилагательное может образоваться из существительного с помощью суффикса «ава», после чего это слово может стать топонимом. То есть город Куйа-ава — Куйев город. Именно так — Куйава — называл Киев германский хронист Титмар Мерзебургский⁵²⁷. Похожее слово использует и Константин Багрянородный: Киоава⁵²⁸.

В имени второго брата, Хорива, некоторые исследователи видят неслучайное совпадение с названием горы на Синайском полуострове — именно там Моисею явилась неопалимая купина и была обещана Земля обетованная⁵²⁹. Если принять эту версию, то следы основателей Киева ведут в Хазарию, причем в Хазарию, которая уже исповедовала иудаизм.

Интересно, что Кию случалось бывать в Константинополе и общаться с византийским императором. Летопись на сей счет сообщает: «А этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к цесарю, <какому> — не знаем, но только то знаем, что, как говорят, великих почестей удостоился тогда от цесаря, какого — не знаю, к которому он приходил»⁵³⁰. Это в определенной мере поддерживает гипотезу хазарского происхождения Кия — хазары имели тесные связи с Византией, их наместник вполне мог оказаться в Константинополе с каким-нибудь дипломатическим поручением.

Существует и другая теория, которая тоже связывает слово «Киев» с хазарами, хотя и не с мифическим Кием, и не с вполне историческим Куйем. Дело в том, что в древнетюркских языках существует слово «кый» — оно переводится как «берег реки», «граница», «окраина города», «посад». Таким образом, хазары могли назвать Киевом поселение на границе или на берегу реки⁵³¹.

Археологи не подтверждают, но и полностью не опровергают хазарскую версию: на территории Киева были найдены салтовские погребения, хотя и немногочисленные⁵³². Более того, в Киеве долгое время существовало урочище «Козаре», позднее превратившееся в район «Жида» (именно здесь в 1113 году произошел первый в русской истории еврейский погром, о котором летопись сообщает: «Киевляне же разграбили двор тысяцкого Путяты, пошли и на евреев и их пограбили») ⁵³³.

Впрочем, версии славянского происхождения Киева (равно как и самого Кия) ничуть не менее убедительны. В рамках книги, посвященной хазарам, пожалуй, нет смысла подробно останавливаться на свидетельствах того, что Киев, «мать городов русских»⁵³⁴, был славянским городом. Во всяком случае, славяне в этих местах безусловно преобладали, кем бы ни были по национальности Кий и его братья.

После смерти братьев «стал род их княжить у полян...»⁵³⁵. А еще позднее в эти земли пришли хазары (если поверить летописи и исходить из того, что они не сидели здесь с самого начала) и потребовали дани от киевлян — тогда-то и случилась история с «данью мечами», о которой мы уже рассказывали⁵³⁶. По крайней мере с 859 года хазары уже «брали

с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма». А варяги в эти же годы, «приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей»⁵³⁷.

Но вскоре власти хазар над киевлянами пришел конец. Дружинники Рюрика, Аскольд и Дир, отправившиеся на завоевание Константинополя, прельстились городом, который контролировал важный водный путь. В результате византийцы получили еще несколько лет спокойной жизни, а Киев — новых князей. Летопись сообщает:

«И было у него (Рюрика. — *Авт.*) два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?” Те же ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили город этот и сгинули, а мы тут сидим, родичи их, и платим дань хазарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян»⁵³⁸.

С этого времени хазары начинают понемногу терять власть во всем регионе.

В 882 году в Киеве стал княжить Олег, в дружине которого, кроме варягов, уже имелись и чудь, и славяне, и меря, и весь, и кривичи — все вместе они назывались русью. «Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери...»

«В год 6391 (883). Начал Олег воевать с древлянами и, покорив их, начал брать дань с них по черной куннице.

В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: “Я враг их, и вам <им платить> незачем”.

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: “Кому даете дань?” Они же ответили: “Хазарам”. И дали Олегу по шелягу, как и хазарам давали. И обладал Олег древлянами, полянами, радимичами, а с уличами и тиверцами воевал»⁵³⁹.

Вероятно, в эти годы уже сложилась система «полюдь», о которой чуть позднее, в начале X века, сообщал Константин Багрянородный. Император писал, что летом русы из

множества городов «внешней Росии», то есть подчиненной им славянской территории, собирались в Киеве и оттуда шли на лодках вниз по Днепру со своими товарами (преимущественно рабами). «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья. — *Авт.*) выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”». Росы обходили древлян, дреговичей, кривичей, северян «и прочих славян», которые были их данниками. «Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»⁵⁴⁰.

Интересно, что Константин, который в своей книге «Об управлении империей» трижды перечисляет славянские племена, ни разу не упоминает полян. Вероятно, к началу X века за полянами уже закрепилось название «руссы»⁵⁴¹.

Хазарский ответ

Русы, о которых еще в начале IX века никто толком и не слышал, уже в середине того же века становятся серьезной политической силой. Они перехватывают у хазар не только славянскую дань, но и контроль над торговыми путями. В 860 году русы разграбили окрестности Константинополя; их ладьи достигают Дона, осваивают переволоку на Волгу и между 864 и 884 годами появляются на Каспии⁵⁴².

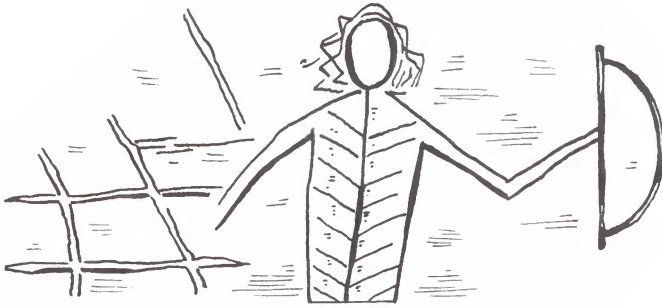
Напомним, что, кроме русов (и попавших под их влияние славян), на западных рубежах Хазарии в это время обособились мадьяры, которые, хотя и находились с каганатом в основном в союзнических отношениях, были народом воинственным и беспокойным, и их тоже нельзя было скидывать со счетов.

Хазары отреагировали на изменение политической обстановки очень оперативно. Уже в первой половине IX века на западных и особенно на северо-западных рубежах каганата начинается укрепление старых и строительство новых крепостей. Прежде всего стоит отметить крепость Саркел, построенную на Нижнем Дону с учетом достижений визан-

тийской оборонительной техники. Для ее возведения хазары обратились за помощью в Константинополь, и в донские степи был прислан Петрона, придворный архитектор императора Феофила⁵⁴³.

Примерно в те же годы на реке Тихая Сосна строятся сразу шесть крепостей, самой известной из которых стала Маяцкая. Они были возведены из каменных блоков или сырцового кирпича, а иногда — из того и другого вместе. В их архитектуре угадывается византийское влияние — есть предположение, что Петрона или кто-то из его коллег могли участвовать в их строительстве⁵⁴⁴.

Поскольку речь зашла о Маяцкой крепости, нельзя не упомянуть самые интересные сделанные здесь находки, хотя они и не имеют прямого отношения ни к русам, ни к политической обстановке на рубежах Хазарского каганата. Это — несколько сот рисунков, прочерченных на мягких меловых блоках, из которых была сложена крепость. Большинство их нанесено на внешний панцирь стены в том месте, где могла быть башня или башенный выступ. Именно здесь несли караул воины, которые, вероятно, и скрашивали рисованием скуку солдатской службы. Впрочем, множество рисунков нанесены и на других участках стен — это была своего рода городская традиция. Особенно популярны были изображения животных и жанровые сценки. А еще сохранились надписи в вечном жанре «Киса и Ося здесь были»: «Ума и Ангуш — наши имена». «Элчи и Атаач и Бука — трое их»⁵⁴⁵. Правда, перевод этих надписей вызывает сомнения, поскольку восточноевропейская руническая письменность до сих пор достоверно не расшифрована⁵⁴⁶.

Левобережное Цимлянское городище

Из множества крепостей, построенных хазарами в первой половине IX века, самой известной стал Саркел, который обычно отождествляют с так называемым «Левобережным Цимлянским городищем». В какой-то мере его славе способствовало то, что в 1949–1951 годах здесь были проведены очень масштабные раскопки — крепость стояла на землях, которым предстояло уйти под воду Цимлянского водохранилища. Правда, археологи успели исследовать только треть памятника, и эта треть дала очень интересные результаты, тем более ценные, что они согласуются с историей строительства Саркела, которую подробно описал Константин Багрянородный. Император писал:

«От понизовья реки Дунай, против Дистры, начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов (наемников⁵⁴⁷. — *Авт.*), сменяемых ежегодно. “Саркел” же означает у них “Белый дом”; он был построен спафарокандидатом (придворный титул. — *Авт.*) Петроной, по прозванию Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел»⁵⁴⁸.

Петрона двинулся в путь с несколькими военными судами — хеландиями. В Херсоне ему пришлось свои корабли оставить — вероятно, он узнал, что они не смогут пройти по Дону, русло которого изобиловало мелями и бродами.

«Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек»⁵⁴⁹.

Византийское сочинение, известное под условным наименованием «Хронография» Продолжателя Феофана, сообщает, что Петрона, «славно, хотя и с многими трудами, благодаря множеству рабочих рук закончив порученное ему дело, вернулся в царственный город»⁵⁵⁰. Его труды были вознаграждены, тем более что бдительный архитектор доложил в Константинополе не только о завершении строительства Саркела. Побывав по дороге в подчиненном Византии Херсоне, Петрона заключил, что он управляется людьми, не заслуживающими доверия императора, о чем и не преминул сообщить, посоветовав направить в город императорского наместника — стратига. Благодарный Феофил по зрелом размышлении решил сделать этим стратигом самого Петрону, «как приобретшего знание местности и понимания дел отнюдь не лишнего». Его почтили чином протоспафария и отправили в Херсон, «повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему»⁵⁵¹.

Археологи при раскопках Херсона действительно нашли здесь печать жившего в IX веке царского патрикия Петроны (впрочем, не известно, был ли ее владельцем Петрона Каматир или его тезка).

Судя по сообщениям византийских авторов, посольство хазар с просьбой о помощи прибыло в Константинополь в 839 году. Подготовка к строительству продолжалась еще около года. Стены, вероятно, возводили осенью и зимой 840–841 годов⁵⁵².

Несмотря на то что Петрона Каматир интересовался политикой не меньше, а может быть, и больше, чем архитекту-

рой, Саркел он выстроил на славу. Крепость была сооружена на неприступном месте: мыс площадью около 10 гектаров отрезали от материка широким и глубоким рвом и земляным валом (который, правда, так и не был закончен). Защищенный таким образом мыс перерезали еще одним рвом, отделив участок площадью около 3 гектаров, — здесь и построили саму крепость.

Саркел имел форму прямоугольника со сторонами 186 и 126 метров. Стены его имели толщину 3,75 метра. Вдоль стен шли башни, в двух из них находились массивные деревянные ворота, укрепленные железными полосами. Угловые башни на пять метров выступали за наружную линию стены. Внутри крепость была разделена еще одной, тоже очень мощной, кирпичной стеной на восточный и западный участки, а каждый из них, в свою очередь, делился надвое стенами кирпичных построек. Оба входа в крепость вели в западный участок, восточная часть Саркела наружных ворот не имела — это было наиболее защищенное место, своего рода цитадель. Стена, проходившая внутри крепости, тоже имела толсто-стенные квадратные башни, которые, в случае прорыва врага, должны были стать последним убежищем ее защитников⁵⁵³.

Стены крепости, как и внутренние постройки, были сложены из обожженного кирпича. Интересно, что в Хазарии к такому кирпичу относились трепетно и строить из него разрешалось только правительственные резиденции. Арабский географ XII века ал-Идриси писал об Итиле (заимствуя сведения у авторов IX—X веков): «Большая часть построек города состоит из войлочных шатров; такие шатры используют тюрки. Знатные горожане строят [дома] из земли и глины, а дворец правителя выстроен из кирпича. Никто там не осмеливается возводить постройки из кирпича из страха перед правителем»⁵⁵⁴. Об этом же говорил ал-Истахри: «Дворец царя далек от берега реки и выстроен он из обожженного кирпича. Ни у кого нет постройки из обожженного кирпича, кроме царя, и он не позволяет никому строиться из кирпича»⁵⁵⁵. Так что Саркел можно считать крепостью государственного значения, принадлежавшей царю, или кагану, или им обоим — в отличие от замков знати, вроде Правобережного городища.

Впрочем, простые люди тоже старались урвать хотя бы кусочек от сакральной силы, которой обладали обожженные кирпичи. В Саркеле они украдкой вытаскивали такие кирпичи из стен и укладывали на пороге дома — в качестве оберега. А поскольку других крепостей из этого материала в округе не было, то в Саркел наведывались за оберегом и жители Правобережного и Карнауховского городищ. Сделать и обжечь кирпич самому нетрудно, но, вероятно, для того, чтобы он «работал», он должен был изначально принадлежать кагану⁵⁵⁶.

Кстати, сами каган и царь, когда они навещали Саркел, в его кирпичных строениях, вероятно, не останавливались — судя по отсутствию следов печей, все эти здания были нежилыми⁵⁵⁷ (хотя некоторые из них условно и называют «казармами»⁵⁵⁸). Впрочем, кочевники, даже самые высокопоставленные, по сей день порою предпочитают юрту кирпичным зданиям. Достаточно вспомнить ливийца Каддафи, который во время дипломатических визитов возил за собой по всему миру шатер и устанавливал его то в парке, окружающем правительственный замок Валь Дюшес в Брюсселе, то напротив Елисейского дворца в Париже, то на территории Московского Кремля. Вероятно, у хазарского кагана были такие же причуды, тем более простительные, что кирпичные здания Саркела трудно считать венцом архитектурной мысли, даже если бы они имели камины и печи. А вот вымощенные кирпичами участки крепости, по предположению археологов, могли служить для того, чтобы здесь ставились юрты высокопоставленных лиц⁵⁵⁹.

Что же касается жилых построек, то они в Саркеле, как и в других хазарских крепостях и поселениях степной и лесостепной зоны, сооружались в основном из прутьев, глины и войлока, иногда — немногочисленных бревен, которые использовались в качестве опорных столбов. В Саркеле это были в основном прямоугольные, реже — овальные жилища, часто — заглубленные в землю. Вокруг овальных домов сохранились ямки от жердей, воткнутых с наклоном внутрь. Жерди эти скреплялись в центре и покрывались войлоком — такие «дома» мало чем отличались от юрт. Их средний размер 4 на 5 метров. Встречались и более «солидные» строения,

имевшие двускатную крышу из соломы или камыша и глинобитные стены — глина набивалась между двумя слоями плетня. Иногда это были полуземлянки, иногда — наземные сооружения. И во всех этих жилищах археологи находили очаги — в этих «домах», в отличие от кирпичных, действительно жили⁵⁶⁰.

Правда, многие из строений этого типа, которые раньше считались принадлежащими хазарскому Саркелу, сегодня признаны славянскими — они были построены уже после завоевания крепости Святославом в 965 году⁵⁶¹. Но были в Саркеле и «салтовские» дома с соответствующей керамикой. В них очагом служила ямка со слоем золы и пепла посередине пола. Стояли такие жилища в основном в западной, менее защищенной части крепости (хотя встречались и в восточной).

В цитадели стояли преимущественно жилища несколько другого типа — в них имелся квадратный очаг, обложенный кирпичами. Обычно кирпичей было пять: один лежал снизу, четыре — стояли вокруг него вертикально (кирпичи тогда чаще всего были квадратными и имели большую площадь, чем современные: самый распространенный формат — 24 на 24 на 5 сантиметров⁵⁶²). Керамика в этих жилищах не похожа на салтовскую, некоторые изделия напоминают те, что встречаются в Средней Азии и Казахстане. Вероятно, в этих домах жили наемники — воины хазарского гарнизона⁵⁶³.

Быт саркельцев отличался простотой и аскетичностью, да и вся крепость была построена добротнo, но без излишеств. Стены и башни не имели никаких украшений. Правда, до наших дней стены не дошли — их в течение многих столетий растаскивали на кирпич окрестные жители. Но если бы декор был, какие-то его куски должны были сохраниться среди обломков.

Зато, к удивлению археологов, в Саркеле обнаружались остатки мраморных византийских колонн, в том числе баз и капителей. Они были найдены в разных концах крепости, исполнены в разных стилях и имели разный диаметр. Причем ни одного здания, которому они могли бы принадлежать, археологи не обнаружили. Колонны эти безусловно были привезены Петроной из Византии или Херсона. Поскольку сделаны они были, судя по стилю, еще в VI веке,

создается впечатление, что Петрона не заказывал их для Саркела, а подобрал в развалинах. Возможно, он намеревался без особых затрат построить в крепости христианский храм, но по какой-то причине ему пришлось отказаться от этого намерения⁵⁶⁴. Нельзя исключить, что запрет на строительство храма был связан с иудаизацией Хазарии.

Впрочем, строить в Саркеле церковь, а равно и мечеть, и синагогу было попросту не для кого — гарнизон крепости состоял из кочевников-язычников, скорее всего гузов или печенегов. Их могильник под стенами крепости, где лежащих под небольшими курганами воинов очень часто сопровождают останки коней, совершенно исключает всякую мысль о христианстве, иудаизме или исламе⁵⁶⁵. От арабских писателей мы знаем, что наемное войско Хазарского каганата в X веке (а возможно, и раньше) состояло из ларсиев (ал-арсиев) — выходцев из Средней Азии, исповедовавших ислам. Но в Саркеле их, судя по могильнику, не было⁵⁶⁶.

Что же касается гражданского населения Саркела, это были не просто язычники, но язычники, которые увлекались человеческими жертвоприношениями, не говоря уже о жертвоприношениях животных: в фундаментах и под полами домов, в «обезвреженной» кузнице, просто в специальных ритуальных ямах были найдены расчлененные останки людей, лошадей, коров и собак...⁵⁶⁷ Поэтому идея Петроны Каматира воздвигнуть в Саркеле христианский храм здесь явно пришлась не ко двору. Впоследствии местные жители растащили заморские мраморные изделия по всей крепости — вероятно, чтобы приспособить их к делу по своему разумению.

Споры о Саркеле

Несмотря на то что Саркел, в отличие от других хазарских крепостей, был и описан средневековыми авторами, и весьма масштабно раскопан (а может быть, именно поэтому), вокруг него по сей день не прекращаются научные споры. Касаются они сразу нескольких вопросов⁵⁶⁸.

Во-первых, до сих пор окончательно не доказано, что крепость, стоявшая на левом берегу Дона, там, где сейчас плещутся воды Цимлянского водохранилища, это и есть Саркел, описанный Константином. Не случайно некоторые археологи предпочитают дипломатично называть ее «Левобережное Цимлянское городище». Неподалеку от нее сохранились остатки другой хазарской крепости, которая носит название «Семикаракорская» — она тоже прекрасно подходит под описания, данные Константином и Продолжателем Феофана. Более того, в таком случае снимается одно немалое противоречие. Константин пишет, что Петрона для строительства крепости должен был добывать известь «из мелких речных ракушек». Совершенно непонятно, почему византиец прибег к этому не самому удобному способу и затеялся отделять ракушки от песка и ила, когда в нескольких километрах от Левобережного городища есть выходы известняка. А вот рядом с Семикаракорской крепостью известняка действительно нет, и там без ракушек было не обойтись⁵⁶⁹. Хотя, с другой стороны, мраморные византийские колонны на территории Левобережной крепости — веский аргумент в пользу того, что именно там разгрузил свои корабли Петрона Каматир.

Во-вторых, не вполне понятно, почему Левобережная крепость (будь она Саркелом или нет) построена из кирпича — неподалеку от нее есть выходы строительного камня (кстати, возле Семикаракорского городища, тоже кирпичного, залежей камня нет — с ним в этом смысле все ясно)⁵⁷⁰. Возможно, хазары, которые придавали кирпичным строениям политический или сакральный смысл, считали, что царской крепости более приличествует быть кирпичной, даже если камень для ее строительства лежит под ногами.

В третьих, не решен вопрос, кто же строил Левобережную крепость, византийцы или хазары. Анализируя план крепости, отсутствие заглубленного в материк фундамента, форму, размеры и качество кирпичей, структуру кладки, ученые отвечают на этот вопрос по-разному. Даже если считать, что Левобережное городище и Саркел — одно и то же (а к этому мнению склоняется большинство специалистов), степень участия византийцев они оценивают по-разному. Некото-

рые считают, что роль Петроны свелась к созданию проекта и архитектурному надзору, а само строительство велось силами хазар; другие — что и сам проект крепости основан на местных традициях⁵⁷¹; есть, наконец, и мнение, что византийские мастера активно участвовали в строительстве⁵⁷².

Авторам настоящей книги представляется, что византийские мастера все-таки прибыли на берега Дона в немалом количестве. Иначе совершенно непонятно, кого вез Петрона на своих многочисленных судах. Известно, что для строительства Саркела император Феофил послал в Херсон Петрону «с хеландиями из царских судов», а кроме того, направил туда же хеландии наместника Пафлагонии⁵⁷³. Даже если тех и других хеландий было всего по две, это значит, что в Херсон прибыли четыре гигантских судна — хеландий вмещал от 100 до 500 человек. Конечно, большинство из них были гребцами, кроме них в экипаж входили матросы и охрана; какое-то место на транспортных судах, в которые Петрона пересадил свою команду, заняли знаменитые мраморные колонны, и все же число его людей было немалым, а значит, византиец, не рассчитывая найти квалифицированных строителей среди хазар, вез с собой значительное количество мастеров.

Еще одним не до конца решенным вопросом, касающимся Саркела, стал вопрос о том, для чего эта крепость была построена⁵⁷⁴. Существует мнение, что она должна была контролировать водный путь, соединяющий Каспий, Волгу, Дон (через переволоку), Азовское и Черное моря и Днепр, чтобы противостоять возможному нападению русов. Но высказывалась и такая точка зрения, что во времена строительства Саркела по Дону еще мало кто плывал и русы особой опасности еще не представляли. В этом случае крепость возвели для контроля не собственно водных путей, а переправы через Дон в том месте, где сухопутная дорога из Итиля вела на запад. Раньше земли по обе стороны реки безусловно принадлежали каганату, и охранять их было не от кого. Теперь на западе обосновались хоть и дружественные, но все-таки чужие венгры. Печенеги на северо-востоке особой активности еще не проявляли, но не исключено, что дальновидные хазары предвидели грядущий выход пачинакистов из-за Волги. Так или иначе, если учесть будущие политиче-

ские события, Саркел оказался построен удивительно вовремя и на нужном месте.

...Но сколько бы вопросов, касающихся Саркела, ни ждало своего ответа, ясно одно: Византия сыграла важную роль в возведении крепости. И это, в свою очередь, вызывает вопрос: почему император Феофил проявил такую сговорчивость? Строительство стратегически важных военных объектов на территории сопредельного государства обычно не входит в приоритеты разумных правителей.

Возможно, империя и каганат распределили таким образом фронты обороны от русов (византийские авторы ничего не говорят об агрессивности русов до середины IX века, но у жителей пограничных территорий могла быть своя точка зрения на этот счет; а через двадцать лет после строительства Саркела русы уже заливали кровью окрестности Константинополя).

Не исключено, что строительство крепости (а может, и не одной) было ответной любезностью Византии, которой хазары уступили часть своих крымских владений. Хазары к этому времени, вероятно, оказались отрезаны от Крыма мадьярами (доподлинно не известно, где была восточная граница временного расселения мадьяр, однако известно, что набеги на Крым мадьяры в середине IX века совершали⁵⁷⁵). В этой ситуации хазары, возможно, сочли разумным не пытаться удержать Крым.

Так или иначе, большая часть хазарских владений на полуострове в эти годы переходит под имперское владычество. Даже в таких давно уже хазарских областях, как Сугдея (Судак) и Мангуп, примерно с середины IX века исчезает салтовская керамика. Конечно, люди, которые здесь жили, никуда не делись, но главенство Византии привело к увеличению византийского импорта, в том числе посуды, и салтовскую керамику перестали выпускать.

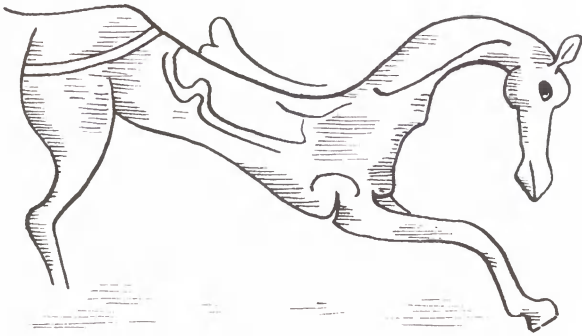
Сразу после завершения миссии Петроны Каматира в 841–842 годах Византия официально ввела целый ряд крымских областей в состав империи. Империя тогда традиционно делилась на области — фемы, — имевшие каждая своего наместника — стратига. На практике Херсон был

издавна подвластен Византии, однако в число фем не вошел и управлялся местными «отцами города». После того как Петрона предложил императору упрочить власть в Херсоне, здесь была создана фема, а Петрона стал ее стратигом⁵⁷⁶.

В новую фему вошел не только Херсон, который и раньше был в фактическом подчинении у Константинополя, но и земли, которые до сих пор контролировались хазарами — так называемые «климаты» (здесь — пять небольших территориально-административных единиц, на которые делился Крым)⁵⁷⁷. Константин Багрянородный писал, что крепости «климатов» расположены «от Херсона до Боспора»⁵⁷⁸. Иногда под словом «климаты» имели в виду только Готию⁵⁷⁹. Так или иначе, «климаты» далеко выходили за пределы округа Херсона.

Известно, что стратиг Херсонской фемы в 842–856 годах назывался также «патрикий и стратиг климатов», то есть ему, по крайней мере формально, подчинялась значительная часть Крыма, а возможно, и почти весь полуостров, кроме Боспора и его окрестностей. Некоторые исследователи считают, что власть стратига над «климатами» была в те годы чисто номинальной⁵⁸⁰, другие — что реальной (по крайней мере в Готии, Юго-Западном и Южном Крыму)⁵⁸¹. Во всяком случае, каганат свое влияние в регионе утратил, а в конце IX века, вероятно, потерял и Боспор (Керчь)⁵⁸².

Глава 16 Каган и его столица

Несмотря на то что IX век был для Хазарии не слишком спокойным: она потеряла часть своих территорий и постепенно слабела, — средневековые авторы описывают каганат второй половины IX — первой половины X века (а он часто мелькает на страницах исторических хроник и географических трактатов) как благополучное и преуспевающее государство. Здесь расцветает торговля; арабские и византийские, а за ними и русские купцы все чаще посещают его столицу, по Волге через переволоку выходят в Дон и плывут до Крыма или Константинополя. Дипломаты и путешественники, навещающие Итиль, оставляют восторженные отзывы об этом богатом городе, о его архитектуре и традициях, о живущих здесь правителях Хазарии.

Каган и царь

Формально во главе Хазарского каганата стояли два властителя, светский и «сакральный», — царь и каган. Но реальная власть кагана к этому времени окончательно пре-

вратилась в фикцию. Гардизи писал о хазарах: «У них есть царь, который носит титул ишада; кроме того, есть главный царь, которого называют хазар-хаканом. Хазар-хакану принадлежит только титул; все управление находится в руках ишада; выше ишада нет никого»⁵⁸³.

Ал-Истахри сообщает: «У хакана власть номинальная, его только почитают и преклоняются перед ним при представлении»⁵⁸⁴. Что же касается царя, то он обладал всей полной реальной властью. Ибн Фадлан пишет: «Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари»⁵⁸⁵.

Власть царя была абсолютной. Ал-Истахри пишет: «Хазары настолько повинуются царю, что когда одного из них иной раз необходимо убить, будь он даже из старейшин хазарских, но царь не желает в то же время, чтобы тот был убит открыто, то приказывает ему покончить самоубийством, а тот удаляется к себе домой и убивает сам себя»⁵⁸⁶.

Но при этом титул «большой хакан» принадлежал не ему, а сакральному владыке. Царь же носил более скромный титул «хакан-бех»⁵⁸⁷ и удовлетворялся меньшими почестями. Ал-Истахри сообщает: «Золотой трон и балдахин готовят у них только для хакана; шатер хакана, когда его разобьют, выше шатра царя, а жилище его в городе выше места жительства царя»⁵⁸⁸.

Хакан-бех оказывал «большому хакану» знаки низжайшего почтения. Он входил к нему босым, «смирненно, проявляя униженность и спокойствие» и имея в руках горящий факел — огонь должен был очистить скверну, исходящую от простого смертного, дерзнувшего вступить пред лицо священной особы кагана⁵⁸⁹. Войдя, царь падал ниц и кланялся, а потом «становился вдали» и ждал, пока каган не разрешит ему приблизиться⁵⁹⁰.

Обычным подданным и вовсе нельзя было ни входить к кагану, ни лицезреть его. «Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям, и не разговаривает с ними», — пишет Ибн Фадлан. Единственными, кто удо-

стаивался этой чести, кроме самого хакан-бега, был его заместитель — «муж, называемый кундур-хакан», и заместитель последнего — «муж, называемый джавшыгыр»⁵⁹¹.

Масуди писал, что «хакан, заключенный во дворце, не ездит верхом и не показывается ни знатным, ни черни»⁵⁹². Впрочем, по сообщению Ибн Фадлана, каждые четыре месяца каган все-таки совершал объезд своих владений⁵⁹³, но при этом его подданные лишены были возможности хотя бы издали увидеть своего владыку. «Когда этот большой царь выезжает верхом, [то] едут [также] все войска по случаю его выезда, причем между ним и частями кортежа миля [расстояния], и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него»⁵⁹⁴.

Единственными, кому хазары позволяли лицезреть своего кагана, были вражеские воины — считалось, что священная фигура властителя одним своим видом должна вызвать панику в рядах противника. Ал-Истахри пишет: «Когда постигает их какая-нибудь великая опасность, то они выводят хакана; и как только увидит его кто-нибудь из Турок или соседних народов “кяфиров”, тотчас же обращается в бегство, и никто из них не решается воевать с ним вследствие большого к нему почтения»⁵⁹⁵.

Общался каган и со своими женами и наложницами — впрочем, под строгим присмотром евнухов. Ибн Фадлан, рассказывая о «наибольшем царе», сообщает: «[Еще] обычай царя хазар [тот], что у него двадцать пять жен, [причем] каждая из этих жен — дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет [себе] волей или неволей. У него шестьдесят девушек-наложниц для его постели, причем только такие, которые отличаются красотой. И каждая из свободных и наложниц [находится] в отдельном дворце, у нее [есть] помещение в виде купола, покрытое тиком (имеются в виду доски ценного тикового дерева. — *Авт.*), и вокруг каждого “купола” [есть] утоптанное пространство. И у каждой из них [есть] евнух, который ее стережет. Итак, если [хакан] захочет использовать одну из них [как наложницу], он посылает за евнухом, который ее стережет, и [тот] является с ней быстрее мгновения ока, чтобы положить ее в его постель, при-

чем евнух останавливается у дверей “купола” царя. Когда же [царь] использовал ее [как наложницу], он [евнух] берет ее за руку и удаляется и не оставляет ее после этого ни на одно мгновение»⁵⁹⁶.

Несмотря на то что каган никак не участвовал в управлении государством, считалось, что именно его священной особе страна обязана своим благоденствием. Однако в любых неприятностях тоже был виновен именно он, и жизнь человека, которому, как богу, поклонялась огромная держава, постоянно висела на волоске, а царь, который униженно простирался ниц перед каганом, был властен над его жизнью и смертью. Масуди писал:

«Не выходя из жилища с его гаремом, он не управляет, не касается и не распоряжается делами государства ни в каком отношении, тем не менее, царство хазар пребывает в руках царя, покуда хакан при нем в столице его царства и с ним в его дворце. Но когда бывает в земли хазар засуха, или какое-нибудь несчастье поражает страну, или несут они неудачи в войне при торжестве вражеского племени, или застают их врасплох какое-либо событие, то чернь и знать спешит к царю и заявляет ему: “Мы приписываем свое несчастье этому хакану и его существование нам приносит несчастье. Убей его или же отдай его нам — мы его убьем!” Иногда он выдает его и они его убивают, иногда он берет на себя его убиение, а иногда, сжалившись над ним, защищает его, говоря, что нет греха, в котором бы тот был виновен, и нет преступления, которое бы он совершил»⁵⁹⁷.

Впрочем, даже если в государстве никаких несчастий не случилось, кагана, который «засиделся» на троне, так или иначе могла ждать насильственная смерть. Во-первых, напомним, что его убивали после того, как истек срок правления, назначенный им самим, когда его душили шнурком при инаугурации. Кроме того, считалось, и не без оснований, что сакральная сила правителя не возрастает от чересчур долгого пребывания у власти. И если срок, на который претендовал каган, был чересчур велик, после сорока лет правления его однозначно заменяли на нового:

«Продолжительность [правления] их царя — сорок лет. Если он переживет их [хотя бы] на один день, то подданные

и его приближенные уволят его или убьют и скажут: “У этого ум уже уменьшился и его суждение [стало] путаным [неясным]”»⁵⁹⁸.

Впрочем, даже обвинив своего кагана в старческом слабоумии и казнив его, хазары продолжали воздавать покойному самые высокие почести. Ибн Фадлан пишет: «[Другой] обычай [относительно] наибольшего царя [тот, что], если он умрет, то строится для него большой двор, в котором [имеются] двадцать домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под [этим] двором [имеется] река, и [эта] река большая, [быстро] текущая, и они помешают [проводят] эту реку над этой могилой, и говорят: “Чтобы не добрался до нее ни шейтан, ни человек, ни черви, ни насекомые”. Когда он похоронен, то рубят шею тем, кто его хоронит, чтобы не было известно, в каком из домов [находится] его могила. Могила его называется рай, и говорят: “Он вошел в рай”. И все [эти] дома выстланы парчой, сотканной из золота»⁵⁹⁹.

Ал-Истахри добавляет: «Когда он умрет и его похоронят, то мимо могилы его ни один человек не проезжает без того, чтобы не спешиться и не поклониться его праху, и не садится на лошадь, пока не скроется из его глаз могила хакана»⁶⁰⁰.

Бесправие кагана было таково, что он даже не мог передать свою должность наследнику (впрочем, возможно, она того и не стоила). Нового кагана назначал царь⁶⁰¹, выбрав его «из одной наиболее знатной фамилии»⁶⁰². Несмотря на то что сакральность кагана и все связанные с этим поверия носили явно языческий характер и имели тюркские корни, самому кагану надлежало быть иудеем. Ал-Истахри писал:

«Хаканство у них дается лицам знатных фамилий, хотя бы не имеющим ни владений, ни богатств; так что, когда кто-нибудь из них получит главенство и его делают начальником, то присягают ему, несмотря на то, каково его имущественное положение. Мне сообщил один человек, которому я доверяю в этом, что он видел на каком-то из их рынков юношу, продававшего хлеб, а Хазары говорили, что, по смер-

ти их хакана, никто не имел бы более прав на хаканство, чем этот юноша, разве только, что он мусульманин, а хаканство дается только исповедующему иудейскую религию»⁶⁰³.

Город Итиль

Хакан и царь жили в Итиле, который стоял на берегу одноименной реки (нынешней Волги) неподалеку от ее впадения в Хазарское море (нынешний Каспий). Масуди писал: «В Итиле живут в настоящее время цари хазарские; этот город разделен громадной рекой на три части... Итиль построен на двух берегах реки, посреди которой находится остров, а на нем дворец царя. Замок царя находится на одном из краев острова, соединенного понтонным мостом с одним из берегов реки»⁶⁰⁴.

Остров, где жил царь, был невелик по сравнению с другими двумя районами Итиля⁶⁰⁵ — они, по сообщениям арабских авторов, представляли собой как бы отдельные города, каждый из которых носил свое имя. Испано-арабский географ XI века ал-Бекри писал: «...Ал-Хазар есть имя этой страны, а главный город их состоит из двух частей: на восточном и западном берегах реки Итиля. Это — река, которая к ним течет от Русов и впадает в море Хазарское. И из этих двух городов один называется Бариш, а другой Хтслг. Большой из них западный. И окружает оба города стена и они имеют четыре ворота. Они (жители) имеют бани, рынки, мечети, имамов (настоятелей при молитве) и муэдзинов (призывающих к молитве). Большинство Хазар мусульмане и христиане. И есть между ними идолопоклонники. И самый немногочисленный класс у них Евреи. Царь их исповедует еврейскую религию. Жилище его — дворец, далеко от реки»⁶⁰⁶.

Вероятно, некоторые народности предпочитали селиться в Итиле компактно. Масуди сообщает, что славяне и русы жили в «одной из двух частей города»⁶⁰⁷. Мусульмане населяли, по словам Гардизи, оба города⁶⁰⁸.

Ибн Хаукаль писал об Итиле: «Жилища хазар похожи на палатки, но из дерева и войлока, кроме некоторых зданий,

построенных из глины. У них есть рынки и бани, и среди жителей много мусульман. Говорят, что из них более 10 000 мусульман, и у них около тридцати мечетей»⁶⁰⁹.

Казалось бы, самым достоверным рассказом о хазарской столице можно считать письмо Иосифа — ведь он сам жил в этом городе, в отличие от арабских авторов, многие из которых описывали его с чужих слов или копировали (часто с ошибками) тексты своих предшественников. Однако царь, судя по всему, решил поразить испанских единоверцев величием собственной столицы, и приведенные им размеры районов города носят совершенно фантастический характер. Иосиф пишет:

«Ты еще спрашивал меня о моем местожительстве. Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. В одном (из них) живет царица (имеется в виду царица-мать. — *Авт.*); это город, в котором я родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину (и ширину), описывает окружность, расположен в форме круга. Во втором городе живут иудеи, христиане и исмаильтяне и, помимо этих (людей), рабы из всяких народов. Он средней величины, имеет в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я (сам), мои князья, рабы и служители и приближенные ко мне виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между этими стенами тянется река»⁶¹⁰.

В том, что касается описания жителей каждого из районов Итиля, царь, надо полагать, прав. Что же касается размеров, то фарсах, по разным данным, мог равняться от 5 до 13 километрам⁶¹¹, и даже по самым минимальным подсчетам одна только часть города, где имела резиденцию царица, получается гораздо больше любого современного мегаполиса. Существует мнение, что царь имел в виду не 50 на 50 фарсахов, а 50 квадратных фарсахов⁶¹², но даже и в этом случае он явно польстил своей столице. Вероятно, гораздо более реалистично подошел к этому вопросу Ибн Хаукаль, который, описывая районы города, сообщил: «Величина обеих частей в длину около фарсаха...»⁶¹³

Жившие в Итиле хазары проводили в столице только зиму. Весной они отправлялись на свои земельные участки,

а царь, повинувшись традициям предков-кочевников, совершал объезд своих владений. Иосиф писал:

«С месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и своему полю и к своей (полевой) работе. Каждый из (наших) родов имеет еще (наследственное) владение (полученное от) своих предков, место, где они располагаются; они отправляются (туда) и располагаются в его пределах. А я, мои князья и рабы идем и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идем вокруг (нашей страны), пока не придем к концу (нашего) города без боязни и страха; в конце месяца Кислева, во дни (праздника) Ханукки, мы приходим в (наш) город»⁶¹⁴.

Месяцы еврейского календаря в разные годы по-разному соотносятся с месяцами календаря григорианского, но все же Нисан обычно приходится на промежуток между мартом и маем, а Кислев — на ноябрь—декабрь. Таким образом, хазарский царь находился в пути большую часть года, около девяти месяцев.

Что же касается жителей Итиля, которые тоже проводили это время за городом, то они занимались хлебопашеством, садоводством, виноградарством, разводили пчел и ловили рыбу. Иосиф упоминает принадлежащие ему виноградники. Гардизи пишет: «Во владениях хазар много пашен и садов, много [всякого] богатства, много меда...»⁶¹⁵ Ал-Истахри рассказывает о хазарах: «Летом они выходят на пашни приблизительно на 20 фарсахов в окружности для посевов, собирают хлеба частью над рекой, а частью в степи, и перевозят хлеба свои на повозках и рекою на судах. Питаются они преимущественно рисом и рыбой»⁶¹⁶. О том, что Хазария богата рыбой, писал и Иосиф. Кроме того, он, отвечая на вопрос своего дотошного корреспондента, как орошаются земли Хазарии, сообщил: «Страна (наша) не получает много дождей, (но) изобилует реками и источниками... Страна (наша) тучна, в ней очень много полей, лугов... все они орошаются из (нашей) реки и от (нашей) реки получают растительность».

Впрочем, несмотря на такой массовый исход горожан на свои участки, летом в Итиле, вероятно, оставалось не так уж

и мало народа, поскольку это был крупный торговый центр. Но о процветавшей в каганате торговле мы поговорим в следующей главе.

Раскопки городища Самосделка

Где именно стоял Итиль, до последнего времени было не известно. Впрочем, окончательно этот вопрос не решен и сегодня, но все-таки есть веские основания думать, что городище Самосделка, которое археологи начали копать в 90-е годы XX века, — это и есть бывшая столица Хазарского каганата⁶¹⁷.

Находится это городище в дельте Волги, на острове, который образован ее рукавами. Когда-то остров, в свою очередь, делился еще на две или три части руслами, которые к сегодняшнему дню пересохли, — это соответствует делению города на районы, описанному в средневековых текстах. Площадь Самосделки — два квадратных километра, что, конечно, не тянет на огромный город, воспетый царем Иосифом, но для тех времен и это немало, а царь был явно склонен к преувеличениям.

В центральной части города археологи обнаружили остатки цитадели, построенной из обожженного кирпича. Кроме того, именно в центре стояли здания из такого же кирпича, но использованного вторично, — так или иначе, обожженного кирпича здесь было немало, в то время как в остальных районах его почти нет. Это могло бы показаться странным для любого другого города, но именно про Итиль мы знаем, что кирпичное строительство здесь было прерогативой царя или кагана, что же касается простых смертных, то населенные ими районы застраивались скромными хижинами из дерева, глины и войлока. И археологи действительно нашли в Самосделке следы заглубленных в землю юртообразных жилищ, сделанных из жердей и плетня и обмазанных глиной. Встречаются здесь и прямоугольные дома, в которых деревянный каркас был заполнен камышом и тоже обмазан глиной.

Кроме того, про Самосделку известно, что это был крупный ремесленный центр с мощнейшим керамическим производством. Были здесь и мастерские по обработке железа и бронзы, резьбе по кости. Множество импортных предметов из Средней Азии, Закавказья, Волжской Булгарии, Руси и, возможно, Византии позволяют проследить торговые связи навешавших Самосделку купцов, и это тоже вполне укладывается в наши представления об Итиле — городе, где торговали евреи, но прежде всего арабы и русы.

Что же касается керамики, то некоторое удивление ученых вызвал тот факт, что здесь практически не найдено посуды салтово-маяцкого типа, а ведь именно она, казалось бы, должна встречаться в столице Хазарского каганата. Но это никак не влияет на решение вопроса о том, является ли Самосделка развалинами Итиля. Самосделка была безусловно хазарским городом, возникшим по данным радиоуглеродного анализа в середине VIII века или чуть позже. Тот факт, что здесь нет салтовской керамики, конечно, представляется странным. Но от того, что мы объявим Самосделку не столичным, а провинциальным городом, менее странным он не станет.

Зато на Самосделке найдено довольно много огузской керамики — это прекрасно согласуется с информацией средневековых авторов о том, что царская гвардия каганата состояла из огузов-мусульман ал-арсиев (ларисиев), которые переселились в Хазарию из-под Хорезма.

После падения Хазарского каганата жизнь на Самосделке продолжалась — люди обитали здесь как минимум до XIV века. Поэтому тем исследователям городища, которые интересуются прежде всего хазарами, приходится сдерживать свое нетерпение: памятник, как положено, раскапывается послойно и слои хазарского времени, скрытые более поздними напластованиями, еще почти не изучены. Возможно, окончательный ответ на вопрос, здесь ли стоял Итиль, рано или поздно будет получен.

Хазария производила не слишком много товаров. Ибн Хаукаль писал: «В самой стране Хазар кроме клея не добывается ничего такого, что вывозилось бы в близкие и далекие области. Что же касается до рабов, меда, воску, бобровых шкур и шерсти, то это доставляется к ним извне». Впрочем, клей, о котором сообщает арабский географ, был сам по себе достаточно значимым товаром. В Хазарии добывали так называемый «рыбий», а еще точнее, белужий клей, который получали из высушенных пузырей осетровых рыб. Это ценный продукт, который используют для склеивания особо дорогих изделий, а еще чаще — при производстве вина и пива для их очистки. Применяют его и в кулинарии — он похож на желатин, но желе получается значительно нежнее.

Гардизи, вопреки Ибн Хаукалю, писал, что «во владениях хазар... много меда; отсюда вывозят также хороший воск»⁶¹⁸. Но, кроме клея, воска да еще разве что рыбы, хазары мало что могли предложить на международном рынке. Производство у них было развито слабо, и, если верить Ибн Хаукалю, даже одежду хазары закупали «за рубежом»; он пишет: «Одевание хазар и соседних с ними народов состоит из коротких верхних одежд и мужских туник. У себя они не пригото-

ляют никаких одежд, и это все ввозится к ним исключительно из стран Джурджана, Табаристана, Азербейджана, Рума и соседних с ними областей».

Ибн Хаукаль упоминал рабов, происходящих из Хазарии, но оговаривал, что в рабство могли попасть только жители каганата, исповедующие язычество. «А что касается хазар иудеев и христиан, находящихся среди них, то они, подобно мусульманам, не допускают рабства друг друга»⁶¹⁹.

Но, несмотря на то что Хазария почти ничего не производила на экспорт, она была страной процветающей, поскольку каганат с первых лет своего существования стал контролировать важнейшие торговые пути. Сами хазары торговлей почти не занимались, во всяком случае, средневековые авторы о хазарских купцах не пишут. Зато они часто упоминают еврейских, арабских, русских, славянских купцов, возивших свои товары через каганат или же обитавших в его торговых городах, прежде всего в Итиле.

Особенно широкой была география путешествий у еврейских торговцев, которые освоили едва ли не всю Евразию. Арабский писатель Ибн Хордадбех (Хордадбе) еще во второй половине IX века сообщал о купцах-евреях, «которые говорят по-персидски, по-румски, по-арабски, по-французски, по-андалусски и по-славянски; они путешествуют с запада на восток и с востока на запад морем и сушей»⁶²⁰.

Позднее Хасдай Ибн Шапрут, написавший знаменитое письмо царю Иосифу, упоминал, что в Хазарии побывали два испанских еврея: «Я, однако, слыхал, что в места моего господина, царя, попали два человека из нашей страны: один по имени р. Иехуда, сын р. Меира, сына р. Нафана, человек умный, понимающий и ученый, а другой по имени р. Иосиф Хагрис, также человек знающий». О профессии путешественников Хасдай умалчивает, но, скорее всего, они были купцами, поскольку туризма в ту эпоху не существовало, а будь эти люди географами, историками или дипломатами, Хасдай, надо думать, упомянул бы об этом⁶²¹.

Что же касается хазар, они исправно собирали торговые пошлины. Кроме того, они обслуживали купцов и их караваны, предоставляя им караван-сарай, рынки, проводников и охрану.

Известно, например, что в Саркеле с самого начала был построен большой караван-сарай, в котором имелось все, что по тем временам требовалось заезжим купцам. Здесь были пять гостевых комнат, помещение для скота и огороженный со всех сторон двор, а в нем — гончарная мастерская и кузница. Под полами гостевых комнат археологи обнаружили следы жертвоприношений — кости животных и рыб. Ямы, в которых они лежали, были, как и все земляные полы в доме, покрыты сверху глинисто-известковой обмазкой, и, значит, жертвы были принесены до завершения строительства. Не известно, должны ли они были обеспечить хозяевам приток богатых постояльцев или служить благополучию самих постояльцев. Но вероятно, что-то у владельцев караван-сарая или их гостей не заладилось, и позднее они принесли новую жертву: в одной из комнат полы были прорезаны ямой, в которой археологи нашли расчлененные останки женщины и череп ребенка.

Не исключено, что после этого торговые дела в Саркеле пошли на лад, потому что одно из стоявших рядом с караван-сараям зданий было переделано под второй караван-сарай, несколько более помпезный по архитектуре, чем первый⁶²².

Торговые пути шли из Хазарии во все стороны света. Из Руси и Волжской Булгарии в Хазарию в огромном количестве поступали меха: и особо ценные (булгарские соболи, русские куницы, бургасские лисицы), и попроще (бобр, белка, заяц). С севера же шли мед, воск, янтарь. Русы привозили мечи и рабов. Из Итиля эти товары направлялись в Закавказье, Среднюю Азию, Византию и даже Александрию. Оттуда в Хазарию поступали изделия восточных ремесленников, предметы роскоши, ткани и огромное количество серебра, прежде всего арабских монет.

Один из основных торговых путей, проходивших по Хазарии⁶²³, вел в Итиль из Закавказья по западному берегу Каспия и затем поднимался вверх по Волге. В районе нынешнего Волгограда он разделялся: одна ветка продолжала идти по Волге и доходила до Волжской Булгарии, вторая через переволоку сворачивала к Дону и вела к Азовскому и Чер-

ному морям. Оба эти пути попали под хазарский контроль еще в VII веке, и каганат благополучно собирал на них пошлины до последних дней своего существования.

Волгу для торговых операций очень активно использовали русы — недаром арабы называли ее «Русской рекой» (ее же иногда называли «Славянской»⁶²⁴). В верховья Волги поступали товары из Прибалтики и других стран, прилегающих к Балтийскому морю. По ней они шли на берега Каспия, а обратно на север обильно поступали арабские серебряные дирхемы.

Русы и славяне, жившие в так называемой «Нижней Руси», в районе Киева, попадали на Волгу через Днепр, Черное море, Керченский пролив, Дон (который, как и Волгу, иногда называли «Славянской рекой») и переволоку. Контроль над Днепром хазары утратили с появлением русов в Киеве, но Керченский пролив держали крепко. И если в Керчи к концу IX века, по мнению некоторых исследователей, и сидели византийцы⁶²⁵, то хазары, во всяком случае, получали свою долю пошлин, поскольку Самкерц (Таматарха) на Тамани принадлежал им. Купцам приходилось платить традиционную десятину каждой из сторон⁶²⁶.

В течение многих лет хазары, владея большей частью Крыма, считались хозяевами черноморской торговли — недаром Черное море называли Хазарским. В X веке это имя перешло к Каспию, а Черное море стали называть Русским. Но контроля над Керченским проливом и Доном было достаточно для того, чтобы хазары не бедствовали.

Особо значимым для Хазарии, да и для всей евразийской торговли был проходивший через каганат Великий шелковый путь. Так называли грандиозную по тем временам торговую магистраль, которая связывала Китай с Ближним Востоком и странами Восточного Средиземноморья. Она более или менее сложилась к рубежу эр, меняла маршруты, разветвлялась, одна из основных трасс шла через Персию, вдоль южного берега Каспия к византийским владениям в Малой Азии и к Средиземному морю. Но поскольку Персия, а потом и арабы непрерывно воевали или, во всяком случае, находились не в самых теплых отношениях с Византией, путь этот стал считаться не самым удобным. Если им

и пользовались, то, миновав Каспийское море, возможно, сворачивали на север, к Дербенту и далее в Хазарию.

Но имелся и альтернативный маршрут, который огибал Каспийское море с севера, проходил по Хазарии и переваливал через Кавказ, выходя к Черному морю. Вообще говоря, не вполне понятно, почему купцы, вместо того чтобы сплавиться по Волге и Дону и спокойно доплыть до моря, предпочитали карабкаться через горы. Возможно, в низовьях Дона, несмотря на хазарское присутствие и хазарские же крепости, пошаливали кочевники, а в горах порядка было больше. Впрочем, путь вдоль Дона (будь он водным или сухопутным) тоже существовал — он вел в Приазовье и Прикубанье (Тамань и Крым). Таким образом, купцы, везшие товары из Китая, могли попасть в Хазарию двумя путями, обогнув Каспий с юга или с севера, и далее тоже имели несколько возможных маршрутов. Большинство из них пересекались в Саркеле, тем более что здесь существовали не только крепость и караван-сарай (где, кстати, были обнаружены кости верблюдов), но и переправа через Дон⁶²⁷.

На Кавказе крупным перевалочным пунктом, через который шли китайские товары, стало место в верховьях реки Большая Лаба (приток Кубани), которое сегодня называется «Мошевая балка». Здесь более 100 лет тому назад обнаружили огромный могильник хазарского времени. Похоронены в нем преимущественно скромные местные горцы, которые, как это ни удивительно, были очень часто одеты в роскошные шелка. Всего здесь обнаружено около 300 экземпляров шелковых тканей, которые в те времена ценились на вес золота.

Здесь же был найден так называемый «комплекс китайского купца» — фрагменты китайских рукописей, буддийские флажок и икона (живопись на шелке) и обрывок розовой бумаги, на котором было написано: «...4-й месяц, 14-й день... 2000 вэней получено... купил мяса на 4 вэня...» Обстоятельства находки неизвестны, возможно, китаец и не был похоронен в Мошевой балке. Но во всяком случае, какой-то купец из Поднебесной дошел до берегов Лабы со своим товаром и здесь или погиб, или потерял личные вещи⁶²⁸.

Проходили по этому маршруту и еврейские, и христианские купцы: в Мошевой балке найдены два стеклянных осколка культового иудейского сосуда, о которых мы уже писали, — на них четыре раза повторялась надпись: «Израэль». И в этих же местах найден осколок христианской стеклянной лампы.

Мошевая балка была не единственным перевалочным пунктом для торговцев из Китая. Археологи находят шелковую одежду во многих могильниках, расположенных возле перевалов Северо-Западного Кавказа. Интересно, что лишь у самых богатых людей эта одежды сшита из цельных кусков шелка. Очень часто встречаются лоскутные одеяния, — вероятно, при дележе драгоценной ткани бедным членам рода доставались очень маленькие куски⁶²⁹.

Кстати, купцы вывозили из Китая не только шелк, но и другие предметы роскоши, например серебряные зеркала, фарфор, чай...⁶³⁰ Ассортимент товаров пополнялся во время долгого пути, в Хазарию караваны входили уже обогатившись слоновой костью из Индии и бирюзой из Хорезма. А обратно, из стран Средиземноморья, купцы везли на восток шерстяные ткани, гобелены, ковры... С севера поступали меха... И все эти товары проходили через Хазарию.

Такая активная торговля должна была подвести каганат к необходимости чеканить собственную монету. И первые попытки в этом направлении были сделаны. На территории Хазарии археологи находили отчеканенные здесь монеты, но выглядели они весьма странно: это были неумелые подражания арабским серебряным дирхемам. Простодушные чеканщики брали аверс от одной монеты, а реверс — от другой, неточно копировали арабский текст и очень часто дополняли его от себя. Деньги эти ни в коем случае нельзя считать подделкой — отчеканены они были из высококачественного серебра, на некоторых монетах, кроме прочего, были изображены знаки, очень похожие на тюркские тамги, а на некоторых местом чеканки прямо названа «земля хазар» — правда, надпись эта сделана арабским шрифтом.

На территории Эстонии и на острове Готланд найдены клады, в которых на монетах, подражающих арабским

дирхемам, по-арабски же написано: «Моисей — посланник Божий». Есть мнение, что эти деньги тоже были выпущены в Хазарском каганате в середине IX века.

Специалисты считают, что хазары (как это бывало и у других народов), которые еще не успели освоить тонкости денежного обращения, выпуская свои монеты, стремились лишь к тому, чтобы они были в целом похожи на «настоящие», арабские. Поэтому они взяли их общий внешний вид за основу, но добавили кое-что и от себя. Деньги эти чеканились не постоянно, а по мере надобности. Если бы Хазария просуществовала дольше, ее «монетный двор» в конце концов пришел бы к мысли о необходимости разработать оригинальный и осмысленный дизайн своих собственных денег, но сделать этого хазары не успели⁶³¹.

Главной военной силой хазарских каганов были, по крайней мере до начала IX века, кочевники-тюрккюты, или собственно хазары. Именно они, скорее всего, погребены в могильнике Чир-Юрт в Дагестане — рядом с первой столицей Хазарии, Баланджаром. Воину-хазарину, жившему в VII веке, видимо, принадлежит погребение в знаменитом Шиловском кургане на Средней Волге. Позднее, когда границы каганата продвинулись в донские степи, здесь появились погребения «с квадратными ровиками», в которых, вероятно, похоронены этнические хазары-воины — именно воины, потому что в абсолютном большинстве этих погребений лежали мужчины с оружием. По могилам чир-юртовцев и ровиковцев археологи могут составить представление о том, как же были вооружены хазарские воины.

К середине IX века, как мы уже писали, собственно хазар в каганате осталось не так уж много. Вероятно, они жили в основном в Итиле и его окрестностях и занимались сельским хозяйством, предоставив ратные подвиги подчиненным народам или наемникам. По крайней мере, по письменным источникам известно, что армия кагана в эти годы формировалась из кого угодно, кроме хазар. И воинских

погребений, которые можно было бы связать с этническими хазарами-тюрками, с тех пор не известно.

Что же касается прочих народов, сражавшихся за Хазарию, поначалу ими были болгары и аланы, затем к ним присоединились гузы, печенеги, венгры/мадьяры... Мобилизуя их воинов, хазарские каганы и цари следовали традициям своих предшественников. Еще во времена Тюркского каганата покоренные родом Ашина народы обязаны были выставлять вспомогательные отряды, которые сражались своим традиционным оружием и согласно своим обычаям⁶³². В вопросе организации войска хазары оказались консерваторами.

А вот в том, что касается оружия, они, возможно, отошли от старых традиций. Основой войск державы Ашина были отряды тяжеловооруженных всадников. Защищенные щитами, шлемами и чешуйчатыми панцирями, сидевшие на покрытых защитными попонами конях, сражавшиеся копьями и длинными мечами воины были главной ударной силой Тюркского каганата⁶³³. Что же касается «ровиковцев», несмотря на то что их считают прямыми наследниками державы Ашина, оружие из их курганов скорее характерно для подвижной легкой конницы. Археологи находят при них мечи или сабли, сложносоставные луки, колчаные наборы, боевые ножи и кистени. Лук был у «ровиковцев» ведущим видом оружия. Интересно, что они практически не пользовались топорами и копьями. Известно только одно погребение с этими предметами, оно принадлежало военачальнику высокого ранга — его статус подтверждался роскошным поясным набором, богатой упряжью и множеством бытовых вещей. Для боев, которые этот хазарин намеревался вести в загробном мире, с ним были положены двулезвийный меч, лук, два топора и два копья⁶³⁴.

Доспехи в погребениях хазар нечасты. В могильнике Чир-Юрт найдены остатки пластинчатых доспехов, возможно, местного изготовления⁶³⁵. Известны изображения защищенных доспехами воинов, например на обкладках седла из Шиловского кургана⁶³⁶. Встречаются фрагменты кольчуг⁶³⁷, которые, возможно, поначалу нашивались на одежду, а к середине VIII века появляется и кольчужная рубашка.

Шлемов хазарского времени известно мало — сохранились четыре шлема, найденных в погребениях не моложе VIII века. Три из них — железные, сфероконической формы, один снабжен кольчужной бармицей, защищавшей шею и плечи; кажется, такие же шлемы с бармицами надеты на воинах с шиловских обкладок. По форме эти изображенные шлемы тоже похожи на те, что были найдены в погребениях, хотя рисунки происходят со Средней Волги, а сами шлемы — два с берегов Северского Донца, третий с Северного Кавказа. Изображение воина в подобном шлеме сохранилось на стене Саркела, где, как известно, стоял печенежский или гузский гарнизон. Помимо этих трех железных шлемов, найден один кожаный, на металлическом каркасе⁶³⁸.

Отметим, что редкость доспехов в хазарских курганах еще не говорит о том, что воины обходились без них, — в погребениях эпохи Тюркского каганата остатки панцирей тоже встречаются редко⁶³⁹, но существование у тюрков тяжеловооруженных, то есть одетых в доспехи, всадников засвидетельствовано письменными и изобразительными источниками. Остается предположить, что доспех, как вещь весьма недешевую, предпочитали передавать по наследству, а не зарывать в землю.

Ни одного целого щита на территории Хазарии не сохранилось — что вполне естественно, поскольку делались они из органических материалов. Но на рисунке из городища Маяки, в сцене боя всадников, присутствуют круглые предметы, которые могут быть брошенными на землю щитами⁶⁴⁰. Кроме того, известны несколько железных выпуклых дисков, которые считают умбонами щитов или малыми локтевыми щитами⁶⁴¹. В Красногорском могильнике найдена уникальная бронзовая оковка круглого щита диаметром 34–36 сантиметров, вероятно кожаного⁶⁴², впрочем, воин, погребенный в этой могиле, во всяком случае, не был хазарином.

А вот конская броня, по-видимому, в Хазарии не использовалась — на изображениях всадники, в том числе одетые в доспехи, скачут на непокрытых конях⁶⁴³. Правда, по мнению М. Г. Магомедова, в одном из чир-юртовских курганов сохранились остатки конского доспеха. Но в его монографии это предположение обосновывается только количест-

вом пластин — 550 единиц, общим весом 9 килограммов. К сожалению, автор не приводит ни расположения пластин в погребении, ни их размера, ни каких-то еще данных⁶⁴⁴, — а по числу пластин и весу доспех этот вполне мог принадлежать человеку...

Луки степняков, как известно, были сложной конструкции: их деревянная основа усиливалась костяными или роговыми накладками. Дерево, естественно, не доживает до раскопок, но накладки могут многое рассказать археологам о конструкции лука и его происхождении. Луки «хазарского» типа происходят с востока Великой Степи⁶⁴⁵ и, очевидно, появились на территории будущей Хазарии вместе с воинами Тюркского каганата.

Судя по количеству, форме и размещению накладок, хазарские луки со временем делались слабее. Уменьшаются и размеры наконечников стрел. В курганах Чир-Юрта найдены наконечники длиной до 12 и шириной до 4 сантиметров — трехлопастные или плоские, предназначенные для поражения бездоспешных воинов. В период арабо-хазарских войн наконечники заметно уменьшаются, зато в боекомплекте хазарских воинов появляются бронебойные стрелы с узкими, ромбическими или треугольными в сечении наконечниками⁶⁴⁶.

Завоевавшие волго-донские степи тюрки Первого каганата имели на вооружении прямые двулезвийные мечи⁶⁴⁷. Но мысль оружейников не стояла на месте, и ко времени отделения Хазарии основным длинноклинковым оружием стал палаш — разновидность меча с однолезвийным прямым или почти прямым клинком, общей длиной от 0,80 до 1,2 метра, позднее — с рукоятью, наклоненной в сторону лезвия⁶⁴⁸. На пластине из могильника Чир-Юрт уже изображена изогнутая сабля⁶⁴⁹. Впрочем, и в VIII веке в каганате еще использовали прямые двулезвийные мечи⁶⁵⁰. Оружие это было статусным, дорогим; клали его только в самые роскошные погребения; носили на перевязи, слева⁶⁵¹.

Кинжалы, форма которых выдает тюркское происхождение, в Хазарии были в ходу до середины VIII века. С этого времени вместо кинжалов в погребениях воинов часто попадают ножи, по размерам и форме неотличимые от быто-

вых, но лежащие иногда по два-три в одних ножнах; возможно, они использовались как метательные⁶⁵².

Копья, которыми были вооружены всадники Тюркского каганата⁶⁵³, поначалу не встречаются в погребениях Хазарии. Они появляются лишь на рубеже VII—VIII веков, причем не в «курганах с ровиками», а в так называемых «погребениях с трупосожжениями»⁶⁵⁴, этническая принадлежность которых остается предметом споров, и значительно реже — в алано-болгарских⁶⁵⁵. Эти копья имели плоские листовидные наконечники⁶⁵⁶ или же узкие четырехгранные, предназначенные для пробития доспеха. Добавим, что из шести копий, которые держат в руках изображенные на пластинах из Шиловского кургана воины, минимум пять украшены флажками⁶⁵⁷.

Наконечники дротиков в значимых количествах в пределах каганата обнаружены только на Битицком городище; видимо, они принадлежали славянам или финно-уграм⁶⁵⁸.

Боевые топоры-чеканы, судя по археологическим данным, не использовались ни тюрками Первого каганата⁶⁵⁹, ни собственно хазарами; зато их широко применяли выходцы с Кавказа — аланы⁶⁶⁰.

Кистени у воинов каганата были очень разнообразными по форме и материалу. Их делали из камня, кости и металла; подвешивали за специальную петлю или через сквозной канал на кожаном ремешке или цепочке⁶⁶¹. Находили их не только в воинских погребениях, но и в женских, и детских... (возможно, правда, что некоторые «кистени» — на самом деле были гирьками для весов)⁶⁶². По-видимому, именно из Хазарии кистени попали на Русь⁶⁶³.

«Знаменем» хазарской армии было некое «медное изображение»⁶⁶⁴, захваченное войсками Масламы во время арабо-хазарских войн. Позднее Ибн Руста писал: «Когда Иша (царь. — *Авт.*), выступает куда-нибудь, устраивается пред ним род зонтика, в виде бубна, который везется всадником впереди его. За этим всадником идет сам Иша, а войска его следуют за ним, никогда не выпуская из виду блеску того зонтика»⁶⁶⁵. Некий житель Дейлема называл этот предмет «позолоченным щитом»⁶⁶⁶. По словам Гардизи, «у них есть

авангард, который едет впереди войска и носит перед царем сделанные из воска свечи и светильники; при свете их идет царь с войском»⁶⁶⁷.

Роль знаков различия выполняли поясные наборы, количество и форма бляшек которых, судя по всему, позволяли определить ранг и полномочия владельца⁶⁶⁸, и, возможно, конские налобники с султанами⁶⁶⁹.

Основу хазарского войска, естественно, составляла конница. Но была ли у хазар пехота, остается неясным. Некоторые хазароведы считают, что аланские отряды хазарской армии «на 70–75% состояли из вооруженной топорами, ножами и луками пехоты»⁶⁷⁰, другие же утверждают, что «наличие профессиональных воинов-пехотинцев материалами из захоронений никак не подтверждается», хотя в случае нужды хазары могли созывать пеших ополченцев...⁶⁷¹ Авторы настоящей книги, не претендуя на окончательное решение вопроса, позволяют себе напомнить о пластине из Шиловского кургана — на ней изображен не только стреляющий с колена лучник, но и воины в шлемах и чешуйчатых панцирях, атакующие кого-то в пешем строю с копьями.

Как ни странно, арабские авторы, описавшие войны с хазарами, не сохранили сведений о военной организации своих противников. Зато арабскими писателями X века была достаточно подробно описана хазарская военная машина на последнем этапе ее существования — в тот период, когда Хазарией фактически правили цари из иудейской династии.

Ибн Хаукаль писал: «У царя постоянного войска 12 000 человек, и если умрет из их числа один кто-нибудь, то ставят на его место другого. У них нет определенного жалованья и нет известного содержания, но они получают маленькие суммы, достающиеся им через долгий промежуток и с течением времени, когда бывает у них опасность или возникает какое-нибудь дело, из-за которого их собирают... У них заключено условие с жителями предместий и окрестностей, чтобы те доставляли им всякого рода необходимый провиант, напитки и прочее»⁶⁷².

Правда, Масуди сообщает: «Из всех царей этих восточных земель один только царь хазарский может иметь у себя на

жаловании войска»⁶⁷³. Но не исключено, что он имел в виду натуральное содержание и те скромные выплаты, которые время от времени перепадали хазарским воинам. Или же два историка (хотя они и были современниками) описывали состояние дел в разное время.

Гардизи оценивал численность хазарской конницы в 10 000 всадников⁶⁷⁴. Возможно, разница в 2000 человек объясняется некоторым количеством пехоты или вспомогательных отрядов.

Помимо войска, содержание которого царь оплачивал сам, он, по сообщению Ибн Русты, «возложил на зажиточных и богатых из них обязанность поставлять всадников, сколько могут они по количеству имущества своего и по успешности промыслов своих». Ибн Руста пишет: «Конное царское войско состоит из 10 000 всадников, как обязанных постоянной службой, находящихся на жаловании у царя, так выставляемых (как сказано) людьми богатыми в виде повинности»⁶⁷⁵.

Ядром армии каганата, по крайней мере в X веке, был отряд лучников⁶⁷⁶, известный как «ларисия» и набираемый из мусульман — потомков переселившихся в Хазарию эмигрантов из Хорезма. Масуди так описывает этих воинов: «Они называются Ларисия и родом приблизительно из Хуварезма. В давние времена, вскоре после появления ислама, случилась в их государстве война и чума, они и приютились в царстве хазар; это люди храбрые и на смелость их царь хазар возлагает всю надежду при своих войнах. Они остались в его государстве под условием, что религия их будет объявлена свободной, они могут строить мечети, громко призывать к молитве и визирь должен выбираться из их числа. В настоящее время визирь из их числа, и это Ахмед-ибн-Кувай. Когда царь ведет войну с мусульманами, то они держатся в его лагере отдельно и не сражаются со своими единовверцами, но сражаются вместе с царем против прочих кяфирских народов. В настоящее время из них 7000 составляют конную гвардию царя; они вооружены латами, касками и кольчугами; среди них есть вооруженные копьями, а также снабженные оружием наподобие мусульманского вооружения»⁶⁷⁷.

Существует предположение, что этнически «ларисия» — аланы, жившие, по мнению некоторых авторов, и к востоку от Каспия⁶⁷⁸. Кроме того, по сообщению Масуди, в войске хазарского царя служили язычники — «русы и славяне». А гарнизон Саркела состоял из наемников огузо-печенегов.

Выступая в поход, хазарские воины, кроме прочего снаряжения, брали с собой колья для устройства лагеря. Когда войско останавливалось, каждый всадник втыкал свои колья в землю и прикреплял к ним щит; так, меньше чем за час, устраивался укрепленный лагерь⁶⁷⁹.

В войсках поддерживалась строгая дисциплина. Если верить сообщениям восточных авторов, каждого, кто во время похода обратился в бегство, предавали смерти. Если бежал командир, то не только казнили его самого, но и продавали в рабство близких и домочадцев. Ибн Фадлан писал:

«Если он (царь. — *Авт.*) пошлет [в поход] отряд [войска], то он не обращается вспять никоим образом и никаким способом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него к нему [к царю] возвратился. А что касается предводителей и его заместителя, то, если они обратятся в бегство, приведут их [саких] и приведут их жен и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они смотрят [на это], и точно так же [дарят] их лошадей, и их [домашние] вещи, и их оружие, и их дворы [усадыбы], а иногда он [царь] разрежет каждого из них на два куска и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажет им милость, то сделает их конюхами»⁶⁸⁰.

От Тюркского каганата новорожденная Хазария унаследовала не только степи, но и современный Дагестан. Еще до появления тюрок шахи Ирана успели воздвигнуть в этой стране ряд мощных оборонительных сооружений⁶⁸¹, но в хазарскую эпоху число укрепленных пунктов возрастает впятеро⁶⁸². Среди них и города, расположенные, как правило, на естественных удобных для обороны местах⁶⁸³, и крепости. Крепости бывали и крупные, такие, как Шелковское или Новонадеждинское городища, и совсем небольшие, до 100 метров в диаметре⁶⁸⁴. Многие города имели, кроме собственно городских укреплений, внутренние крепости —

цитадели⁶⁸⁵. Валы как минимум одной дагестанской крепости, Тенг-кала, кроме чисто военной, выполняли и важную хозяйственную функцию, защищая окруженную ими территорию от весенних паводков⁶⁸⁶.

Но ни стены, ни применявшиеся для обороны городов метательные машины⁶⁸⁷ не смогли противостоять натиску арабских армий. Один только Баланджар, тогдашнюю столицу Хазарии, арабы успешно брали трижды⁶⁸⁸. Неудивительно, что местные жители, которым даже стены крепостей не могли обеспечить безопасность, переселялись подальше от арабов, на север каганата.

В VIII–IX веках хазары возвели ряд крепостей в Крыму⁶⁸⁹. После появления на территории Хазарии русов и мадьяр были построены линии крепостей, защищавшие северо-западную границу и контролировавшие торговый путь по Дону. Большая часть крепостей этой эпохи, судя по почти полному отсутствию в них каких-либо внутренних построек и культурного слоя хазарского времени, не имела постоянного населения; видимо, предполагалось, что они должны быть укрепленными лагерями на случай «мобилизации».

Заметим, что концепция крепости-лагеря — огораживающих пустое пространство стен — использовалась хазарами еще в Дагестане. Примером тому Шелковское городище, почти не имеющее культурного слоя, зато окруженное квадратной стеной 450 на 450 метров⁶⁹⁰. Следы жизни почти отсутствуют и на многих других хазарских крепостях в степи (как на Дмитриевской⁶⁹¹ или Маяцкой⁶⁹²) или в Крыму (Судак, Мангуп⁶⁹³).

В фортификационном отношении хазарские крепости (кроме, может быть, некоторых дагестанских), в отличие от современных им византийских, были откровенно слабыми. Хазарские зодчие не только сплошь и рядом сооружали крепостные стены прямо на поверхности земли, делая их уязвимыми для подкопов — они зачастую располагали ворота так, что атакующие их вражеские воины стояли к защищавшим ворота укреплениям левым боком — то есть могли прикрываться от обстрела защитников щитами (крымская Сьюренская крепость⁶⁹⁴, ворота цитадели Саркела). Между тем еще

в I веке н.э. римский архитектор и инженер Витрувий писал: «Главным же образом следует заботиться о том, чтобы подход к стене при нападении был нелегким, для чего обводить ее по краю кручи с таким расчетом, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Ибо, раз это будет сделано так, то нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, неприкрытым щитом»⁶⁹⁵. Для византийского инженера Петроны, если он действительно составил план Саркела, такой промах совершенно непростителен...

В целом крепости Хазарии были мало пригодны к отражению как серьезной, по меркам византийцев или арабов, осады, так и серьезного штурма. И если для степных укреплений это было не слишком важно — поскольку кочевники и русы были не сильны в осадной войне, — то крепости хазарского Крыма, для которых вероятным противником были византийцы, в случае войны оказались бы почти бесполезны.

Глава 19 Хазария и ее соседи в X веке

Волжская Булгария и мир ислама

В десятом веке Хазария, которая раньше играла ведущую роль в восточноевропейской политике, окончательно сдает позиции. Только на южных границах каганат чувствовал себя более или менее уверенно, но причиной была не сила каганата, а слабость его соседей. Арабский халифат находился в глубоком кризисе и распадался на части; отдельные его провинции стали почти независимыми государствами, и воспользовавшаяся этим Византия в середине века отвоевала у халифов часть земель на юго-востоке Малой Азии, Крит и Сицилию. Арабам в те годы было не до хазар. Но упрочить свои позиции в регионе каганат тем не менее уже не мог.

На северо-востоке Волжская Булгария по-прежнему находилась в зависимости от хазар и выплачивала им дань. Но со временем болгары стали проявлять по отношению к своим сюзеренам признаки самостоятельности и даже строптивости.

Ибн Фадлан, который в начале века лично побывал в этой стране, рассказал о подчиненном положении болгар и насилиях, которые беззастенчивый хазарский царь чинил своим

соседям и данникам. Правда, арабский дипломат почему-то называет жителей Волжской Булгарии славянами (в оригинале — сакалибами; обычно их отождествляют со славянами). Тот факт, что население Булгарии было преимущественно тюркоязычным, нимало не смущал Ибн Фадлана, но он был не этнографом, а дипломатом, — впрочем, в эту эпоху точность формулировок вообще ни от кого не требовалась. Во всяком случае, Ибн Фадлан, хотя и употребил слово «сакалибы», описал именно Волжскую Булгарию и ее царя — в этом никаких сомнений у историков не имеется.

Он рассказывает: «На царе “славян” [лежит] дань, которую он платит царю хазар; от каждого дома в его государстве — шкуру соболя». Болгарский царь, в свою очередь, обогащался за счет Хазарии: он собирал с приезжающих из каганата купцов торговую пошлину: «Если прибудет корабль из страны хазар в страну “славян”, то царь выедет верхом и пересчитает то, что в нем [имеется], и возьмет из всего этого десятую часть. А если прибудут русы или какие-нибудь другие [люди] из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову».

Хазарский властитель, если верить Ибн Фадлану, не только получал с болгар дань, но и позволял себе самоуправство и насилие даже по отношению к царским особам этой страны: «Сын царя “славян” является его заложником у царя хазар. До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя “славян”, так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь»⁶⁹⁶.

Не вполне понятно, почему болгарин не захотел скрепить браком свои отношения с сюзереном, но он срочно выдал вторую дочь замуж за собственного подданного, чтобы не отдавать девушку хазарину. Отказав иудею, царь обратился к халифу с просьбой построить для него крепость, «чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников». Он утверждал, что мог бы построить крепость и на собственные средства, но «хотел получить благословение от денег повели-

теля правоверных». Возможно, упорство болгарского царя вызвалось различием религий — он был, если верить Фадлану, ревностным мусульманином (тем более ревностным, что имел виды на деньги халифата). Но не исключено, что дальновидный болгарин попросту почувствовал ослабление хазарских позиций на политической арене. Халифат в эти годы тоже находился в состоянии полураспада, но ислам в Волжской Булгарии становился ведущей религией, и правители страны, вероятно, предпочитали делать ставку на единоверцев.

В самом каганате ислам к этому времени получил огромное распространение (напомним, что, по сообщениям арабских авторов, мусульман в Итиле было больше, чем представителей любой другой религии). Настал момент, когда правительство Хазарии оказалось перед необходимостью расставить точки над *i* и, несмотря на всю свою веротерпимость, объяснить, какая религия все-таки является в каганате государственной. Воспользовавшись тем предлогом, что мусульмане разрушили синагогу в безвестной «усадьбе Ал-Бабунадж» (возможно, в Иране⁶⁹⁷), царь приказал разрушить минарет соборной мечети в Итиле, казнил ни в чем не повинных муэдзинов и сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы [и] мечеть»⁶⁹⁸.

Вероятно, эти меры возымели действие, потому что особых проблем Хазарии мусульмане больше не доставляли. И даже посольство Ибн Фадлана в Волжскую Булгарию (которое совпало по времени с этими событиями) не имело особого успеха. Ибн Фадлан прибыл к булгарам по просьбе их царя: тот хотел, чтобы к нему прислали «кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру...». Кроме того, он просил о содействии в распространении ислама «во всех областях его государства» и о постройке крепости, «чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников»⁶⁹⁹.

Ни один из пунктов этой программы выполнен не был. Таким образом, альянс Булгарии и арабского мира не состо-

ялся. Но, несмотря на это, хазары не могли чувствовать себя на востоке достаточно уверенно, потому что с самого конца IX века здесь усилили свои позиции гузы (узы).

Гузы

Гузы занимали огромные территории от низовий Сырдарьи и Аральского моря на востоке до хазар и волжских булгар на западе. Раньше гузам приходилось распределять свои силы между хазарами и печенегами, но в последние годы IX века печенеги откочевали на запад, и хазары в этом районе остались с гузами один на один.

Гузы воевали с хазарами, в то же время в хазарской армии служили гузские наемники⁷⁰⁰. Во всяком случае, это было беспокойное соседство. Ибн Фадлан, побывавший у гузов со своим посольством, был поражен дикими нравами этого народа. Арабский дипломат с изумлением сообщает: «Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой... Никто из купцов или кто-либо другой не может совершать омовения после нечистоты в их присутствии, кроме как ночью, когда они его не видят. И это потому, что они гневаются и говорят: “Этот хочет вас околдовать, так как он устал в воду”, — и штрафуют его деньгами»⁷⁰¹.

Ибн Фадлан описывает, как гузский военачальник принял от послов подарок — дорогие наряды: «Он снял парчовую одежду, бывшую на нем, чтобы надеть упомянутые нами почетные подарки. И я увидел бывшую под ней куртку, — она распалась [лохмотьями] от грязи, так как правила их [таковы], что никто не снимает прилегающую к телу одежду, пока она не рассыплется на куски»⁷⁰².

Конечно, неопрятность гузов была их личным делом, но были у них, как у соседей, и более значимые недостатки: гузы не признавали дипломатических переговоров и ни во что не ставили неприкосновенность послов. Ибн Фадлан сообщает, что гузский военачальник, приняв от арабов дары, собрал своих приближенных для того, чтобы посоветоваться, что ему делать с гостями. Посольство прибыло в его страну

с самыми мирными намерениями и подарками, кроме того, оно направлялось к царю Булгарии, который приходился военачальнику зятем. Тем не менее гузские советники были настроены весьма решительно.

Один из них заявил: «Это нечто такое, чего мы совершенно не видали и о чем не слыхали, и мимо нас [никогда] не проходил посол какого-либо государя с тех пор, как существуем мы и отцы наши. Я думаю, что не иначе, как [этот] государь [халиф] устраивает хитрость и направляет этих [людей] к хазарам, чтобы поднять их войной против нас. И лучше всего разрезать этих послов каждого пополам, а мы заберем то, что с ними имеется». Второй советник сказал: «Нет! Но возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились [туда], откуда прибыли». И лишь замысел третьего имел какое-то отношение к дипломатии: он предложил отконвоировать гостей к хазарскому царю и обменять их на пленных гузов, — впрочем, такое решение вопроса тоже не слишком обрадовало злополучных послов. Они провели несколько не самых веселых дней, ожидая решения своей участи, после чего здравый смысл у гузов возобладал и дипломаты были отпущены с миром — на радостях они преподнесли подарки гузским советникам, в том числе и тому, который требовал «разрезать... каждого пополам»⁷⁰³.

Таких соседей Хазарский каганат в начале X века имел на северо-востоке своих владений.

Аланы

Кроме того, у каганата стали возникать проблемы с аланами — не с теми, которые массово обитали на территории Хазарии и являлись подданными кагана, а с теми, которые издавна имели свое государство в Предкавказье.

Константин Багрянородный писал: «[Знай], что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому как и эксусиократор (правитель. — *Авт.*) Алании. [Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, гра-

бить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии»⁷⁰⁴.

Что имел в виду император, говоря о «Климатах» Хазарии, не вполне понятно; здесь, вероятно, речь идет о Нижнем и Среднем Прикубанье или же о более обширной области на Северном Кавказе. Что же касается Алании, это северокавказское государство по крайней мере до конца VII века находилось в подчинении у хазар. Но уже в начале VIII века аланы, вероятно, обрели некоторую самостоятельность — по крайней мере, Византия в 717 году вела с ними переговоры как с независимым государством⁷⁰⁵. В VIII—IX веках многие аланы, стараниями Константинополя, были обращены в христианство, и с тех пор Алания играла роль аванпоста Византии против хазар и кочевников южнорусских степей⁷⁰⁶. Но в прямые конфликты с хазарами она поначалу вступать опасалась (как, впрочем, и Византия).

Автор «Кембриджского документа» (напомним, что так называют письмо, написанное неизвестным иудеем любознательному испанскому еврею Хасдаю ибн Шапруту) сообщает, что в правление хазарского царя Вениамина (вероятно, на рубеже IX и X веков) аланы выступили на стороне каганата, когда «поднялись все народы на [казар] и стеснили их [по совету] царя македонского» (то есть византийского). Автор считает, что аланы поддержали хазар, потому что «часть их (тоже) соблюдала иудейский закон»⁷⁰⁷ — это сообщение не вполне понятно, поскольку со слов ибн Русты известно, что в начале X века аланский царь исповедовал христианство, а большинство его подданных были язычниками⁷⁰⁸.

Во всяком случае, чуть позднее, в правление Аарона, сына Вениамина, аланы уже не вспоминали ни о каком иудаизме и, пойдя на поводу у Византии, ввязались в войну с хазарами.

«Также и во дни царя Аарона воевал царь аланский против казар, потому что подстрекнул его греческий царь. Но Аарон нанял против него царя турок, так как тот был [с ним дружен], и низвергся царь аланский перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И оказал ему [царь большой] почет и взял дочь его в жены своему сыну, Иосифу. Тогда [обязался] ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон [в свою

землю]. И с того дня напал страх пред казарами на народы, которые (живут) кругом них»⁷⁰⁹.

Произошло это, вероятно, в 932 году — именно так датирует Масуди отпадение алан от христианства. Вновь оказавшись в вассальной зависимости от иудеев, аланы уже не видели смысла оставаться в лоне византийской церкви. Масуди пишет: «После 320 года (932 г. н.э. — *Авт.*) они отвратились от христианства и изгнали бывших прежде епископов и священников, присланных к ним царем румским»⁷¹⁰.

Впрочем, новый альянс алан и хазар длился недолго, и в середине X века аланы уже дали Багрянородному основание написать, что они могут «причинять великий ущерб и бедствия хазарам». К этому времени Алания могла конкурировать с каганатом. Примерно в те же годы Масуди писал: «Царь алланов выставляет 30 000 всадников. Это царь могущественный, сильный и пользующийся большим влиянием, чем остальные цари. Царство его представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов»⁷¹¹.

Таким образом, бывший вассал Хазарии превратился к середине X века в ее политического соперника.

Русы

На западе дела каганата обстояли не лучше. Соседями хазар здесь стали печенеги — об этом народе мы уже рассказывали. Но опасность заключалась еще и в том, что печенеги вступали в союзы с русскими князьями. «Повесть временных лет» сообщает, что в 915 году «пришли печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю». В 920 году Игорь «воевал против печенегов». Но через двадцать с небольшим лет он же нанимает печенегов для очередного похода на Константинополь: «Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях...»⁷¹²

Но самым мощным и опасным соседом Хазарии в X веке стало сформировавшееся к этому времени Древнерусское государство, в котором под властью киевского князя были объединены и пришлые варяги, и местные славяне. Набег русских князей, если верить русской летописи, держали в ужасе даже Византию. В X веке они трижды осаждали Константинополь.

В 907 году окрестности города были разорены Олегом, и византийцы спасли свою столицу, согласившись на унижительный для них мир. «И сказали греки: “Что хочешь, дадим тебе”. И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу»⁷¹³.

Но мир длился недолго. В 941 году, как сообщает летопись, на Царьград пошел Игорь с 10 000 кораблей. «И пришли, и подплыли, и стали разорять страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили — одних распинали, в других же, как цель их ставя, стрелами стреляли, заламывая назад руки, связывали и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню и по обоим берегам Суда захватили немало богатств...»⁷¹⁴

В конце концов византийцы отбились с помощью греческого огня, но через три года Игорь решил повторить поход, пригласив для участия в нем печенегов. «Услышав об этом, цесарь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: “Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани”. Также и к печенегам послал паволоки и много золота»⁷¹⁵.

Таким образом, у хазар были все основания опасаться своих воинственных западных соседей. Тем не менее в течение почти всего X века, вплоть до разгрома каганата Святославом в 965 году, отношения между хазарами и Русью были вполне добрососедскими. Вопреки распространенному мнению, русским князьям не за что было «отмщать неразумным

хазарам». «Повесть временных лет» не упоминает ни одного конфликта между Русью и хазарами от 885 года и до войны со Святославом в 965 году. Хазария была в ту эпоху мирным торговым государством, озабоченным не расширением своей территории, а удержанием того, что от нее осталось. Что же касается русов, они охотно пользовались хазарскими торговыми путями, караван-сараями и рынками и вовсе не жаждали содержать всю эту отлаженную систему самостоятельно. Забегая вперед, отметим, что Святослав, разгромив Хазарию, не стал присоединять большую часть ее земель к Древнерусскому государству, не установил над ними практически никакого контроля, и они после некоторого периода запустения перешли к половцам.

Русы платили хазарам не только торговую пошлину — за право прохода через каганат они делились с ними военной добычей. В 913/914 году «приблизительно пятьсот кораблей руссов, содержащих каждый по сто человек» вошли в Хазарию со стороны Черного моря, которое арабы называли морем Нитас. Масуди пишет: «Там занимали посты воины царя хазарского в сильных укреплениях, защищая проход от идущих из моря Нитас и от тех, кто шел из внутренних земель, где дорога, ведущая водою из моря Хазар в море Нитас».

Масуди говорит о некоем канале, который соединял Черное и Каспийское моря. Вероятно, имелись в виду притоки Волги и Дона, которые подходили очень близко друг к другу. В этом месте имелась перволока, соединявшая бассейны двух морей. Канала в буквальном смысле слова там быть не могло — тогда бы потребовалась система шлюзов. Но так или иначе, суда из Дона в Волгу попадали.

«По прибытии судов руссов к посту хазар, защищавшему вход в канал, они послали к царю хазар спросить у него позволения пройти через его государство и войти в великую реку Хазар с тем, чтобы спуститься к морю Хазарскому... под условием вручить ему половину добычи из того, что они захватят у народов, живущих при этом море. Царь дал благоприятный ответ на их просьбу, и они вошли в канал, откуда проникли в рукав реки, по которому поднялись до самой реки Хазар, а по ней спустились до города Итиль, про-

шли его и достигли устья реки и места впадения ее в море Хазарское».

Суда русов рассеивались вдоль всего западного побережья Каспия. «Руссы пролили массу крови, увели в рабство женщин и детей и повсюду несли с собою грабеж, разрушение и пожары. Раздавались вопли вокруг этого моря среди народов, так как они с давних времен не ожидали прихода врага на них со стороны моря, и попадались на нем только суда купцов и рыболовов... После того как руссы достаточно награбили и им надоел такой образ действий, они отправились к устью реки и месту ее впадения, а затем послали к царю хазар посольство и препроводили к нему богатство и добычу согласно уговора с ними».

Русы честно расплатились с хазарами, и царь их не имел претензий к своим союзникам. Однако проживавшие в Хазарии мусульмане возмутились действиями грабителей (хотя, справедливости ради, надо признать, что такого рода нападения были в ту эпоху делом обычным, и войска других народов вели себя на покоренных территориях ничуть не лучше). Возможно, хазарское правительство и не прислушалось бы к голосу простых мусульман, но среди возмущенных оказалась и Ларисия — личная гвардия царя. Гвардия потребовала: «Дай нам свести счеты с этим народом; ведь он разграбил земли наших братьев мусульман, пролил их кровь и поработил их жен и детей».

Царь не сумел удержать собственную гвардию. Единственное, что он смог сделать, — предупредить русов о готовящемся нападении. Впрочем, не исключено, что хазарский правитель не слишком сдерживал своих мусульманских подданных. Свою долю добычи он получил, а воинственные русы, обитавшие на границах каганата, надо думать, давно не давали ему спать спокойно... Масуди пишет:

«Мусульмане собрались и двинулись в поход навстречу руссам, спускаясь вниз по течению. Когда они завидели друга друга, руссы сошли со своих кораблей. Мусульман было около 15 000 конных и вооруженных; с ними же были и христиане, жившие в городе Итиль. Битва между ними длилась три дня, и помог Господь мусульманам против врагов. Мусульмане приняли их в мечи, и часть была убита, а часть утону-

ла. Спаслось бегством около 5000 человек. Они прошли по другому руслу реки на своих кораблях в тех местах, что граничат с буртасами. Они оставили суда и высадились на сушу, но часть их была убита буртасами, а часть достигла болгар, попала в руки мусульман и была ими избита. Можно считать, что из них убито мусульманами на берегу реки Хазар около 30 000 человек. После этого года руссы не возобновляли своей попытки»⁷¹⁶.

Однако Масуди ошибся — в 943/944 году русы вновь пришли на берега Каспия. На этот раз их целью стал город Бердаа, расположенный в устье Куры. Этот поход подробно описал чиновник и историк X—XI веков Ибн Мискавейх. Окончился он для русов несколько лучше, чем первый, но далеко не так удачно, как они рассчитывали.

Сначала русы без особых потерь взяли Бердаа и даже, по сообщению очевидцев, не злоупотребляли грабежами, — видимо, их целью на этот раз был не банальный набег, а захват территории и основание собственного княжества. Но побежденные обитатели Бердаа не оценили столь лестное предложение и продолжали оказывать сопротивление. В конце концов жителям было предложено покинуть город в трехдневный срок.

«И вышли все, у кого только было вьючное животное, которое могло увезти его, жену и детей его. Таких ушедших было немного. Пришел четвертый день, и большая часть жителей осталась. Тогда Русы пустили в ход мечи свои и убили много людей, не сосчитать числа их. Когда убийство было закончено, захватили они в плен больше 10 000 мужчин и юношей вместе с женами, женщинами и дочерьми».

Пленникам было предложено выкупать себя.

«И часто случалось, что кто-нибудь из мусульман заключал сделку с Русом относительно той суммы, которую он выкупал себя. Тогда Рус шел вместе с ним в его дом или его лавку. Когда хозяин извлекал свое сокровище и его было больше, чем на условленную сумму, то не мог он оставаться владельцем его, хотя бы сокровище было в несколько раз больше того, на чем они сговорились. Он (Рус) склонялся к взысканию денег, пока не разорял совершенно. А когда он (Рус) убеждался, что у мусульманина не осталось ни золо-

тых, ни серебряных монет, ни драгоценностей, ни ковров, ни одежды, он оставлял его и давал ему кусок глины с печатью, которая была ему гарантией от других. Таким образом скопилось у Русов в городе Бердаа большое богатство, стоимость и достоинство которого были велики. Овладели они женщинами и юношами, прелюбодействовали с теми и другими и поработили их».

Наконец, объединенные силы мусульман пришли на помощь единоверцам. Поначалу им не везло, но потом среди русов началась эпидемия, и военное счастье от них отвернулось.

«Когда уменьшилось число Русов, вышли они однажды ночью из крепости, в которой они пребывали, положили на свои спины все что могли из своего имущества, драгоценностей и прекрасного платья, остальное сожгли. Угнали женщин, юношей и девушек столько, сколько хотели, и направились к Куре. Там стояли наготове суда, на которых они приехали из своей страны; на судах матросы и 300 человек Русов, с которыми поделились они частью своей добычи и уехали»⁷¹⁷.

История эта, хотя хазары в ней и не упоминаются, имеет к ним самое прямое отношение. Дело в том, что в сообщении Ибн Мискавейха есть некоторая несообразность: он пишет о том, как русы «проехали море, которое соприкасается со страной их» и «пересекли его до большой реки, известной под именем Куры». Страна русов, как ни проводи ее границы, при всех условиях не выходила к Каспийскому морю. И это значит, что хазары вновь дали им возможность воспользоваться своими водными путями. Правда, высказывалась точка зрения, что русы могли идти до Каспия сушей⁷¹⁸. Но во-первых, этот маршрут тоже пролегает через Хазарию, а во-вторых, Ибн Мискавейх прямо пишет о судах, на которых русы «приехали из своей страны». Так что есть основания думать, что хазары вновь прельстились долей русской добычи или же попросту побоялись отказать своим воинственным соседям.

Существует еще несколько сообщений арабских авторов о походах русов на Каспий в конце IX — начале X века. Не исключено, что некоторые из этих сообщений относятся

к одному и тому же походу, поэтому трудно сказать, сколько их было всего⁷¹⁹. Ясно одно: всякий раз налетчики проходили через территорию каганата, и, значит, не только правители Древнерусского государства, но и независимые варяжско-славянские дружины в эти годы находились с Хазарией во вполне дипломатических отношениях.

Все это противоречит декларации, которую сделал в своем знаменитом письме хазарский царь Иосиф. Он писал в Испанию: «Я охраняю устье реки и не пускаю Русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян, и (точно так же) всех врагов (их) на суше приходить к “Воротам”. Я веду с ними войну. Если бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада и до страны...»⁷²⁰

Но у Иосифа были основания покривить душой: Испания в те годы находилась под властью мусульман и хазарам, если они хотели произвести на адресатов благоприятное впечатление, не стоило брать на себя ответственность за резню, которую русы учиняли на берегах Каспия.

Поход Хельгу

Несмотря на то что Хазарский каганат в целом имел мирные отношения с русами, сохранилось упоминание об одном серьезном вооруженном конфликте между каганатом и неким Хельгу, который в «Кембриджском документе» именуется «царем Руси» и который, судя по всему, никогда не был даже удельным князем. Судьба этого авантюриста вообще очень загадочна, и в научном мире существуют самые противоречивые мнения по поводу того, кем он был и как участвовал в политической и военной истории X века.

Из «Кембриджского документа», несмотря на то что он пестрит пробелами и сомнительными для толкования местами, можно понять следующее. Во времена хазарского царя Иосифа и «во дни злодея Романа» (под которым злодеем понимается византийский император Роман I Лакапин) в империи были гонения на иудеев, санкционированные вер-

ховной властью. Случилось это в 943—944 годах. В отместку хазарский царь «ниспроверг множество необрезанных» — то есть каким-то образом покарал подчиненных ему христиан, проживавших в каганате. Тогда Роман в отместку решил с помощью русов разграбить хазарский город Самкерц (Таматарху), бывший важнейшей опорой каганата на юге: «А Роман [злодей послал] также большие дары Х-л-гу, царю Руси, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пришел он ночью к городу С-м-к-раю и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная»⁷²¹.

Хельгу безусловно не был царем Руси хотя бы потому, что в Киеве в это время княжил Игорь. Но не исключено, что именно потому он и взялся за деликатное поручение императора, — действительный князь, возможно, не захотел бы портить отношения с соседями. Что же касается Хельгу, скорее всего, он был предводителем очередной варяжской банды, которая скиталась по миру в поисках добычи, а если повезет, то и места, где можно было бы осесть, собирая дань с окрестных народов и получив статус князя и княжеской дружины соответственно. Недаром в этой истории он выступает как обычный наемник, который ввязался в войну, получив от Романа «большие дары».

Хельгу надолго задержался в Самкерце (вероятно, ему попросту некуда было оттуда идти), а возмущенные хазары стали в отместку разорять византийские владения в Крыму. Хазарское войско возглавил некий «досточтимый Песах», носивший не вполне понятный титул «Бул-ш-ци». «И пошел он в гнев на города Романа и избил и мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов». В конце концов Песах дошел до города Шуршун (вероятно, Херсон) «и воевал против него». Дальше рукопись изобилует пропусками, но успехи «досточтимого Песаха» несомненны: он заставил своих врагов выйти из страны «наподобие червей», заставил их платить дань, кого-то (или что-то) спас, а кого-то поразил мечом и умертвил.

Покарав должным образом подданных коварного Романа, Песах пошел войной на Хельгу, осадил Самкерц, воевал несколько месяцев, одержал победу и отнял у злополучного

руса захваченную им добычу. Пристыженный Хельгу стал оправдываться перед своим победителем.

«И говорит он: “Роман подбил меня на это”. И сказал ему Песах: “если так, то иди на Романа и вой с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или (же) буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя”. И пошел тот против воли и воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали Русы подчинены власти казар».

В этой незамысловатой истории существует множество неточностей и недомолвок, и еще больше — мест, которые, возможно, имеют параллели у византийских и арабских писателей и поэтому трактуются разными исследователями по-разному. Оставим на совести автора «Кембриджского документа» вопрос о стыдливости наемника, которая помешала ему вернуться на родину, и о том, что русы с его легкой руки были «подчинены власти казар». Но есть и другие интересные моменты, которые стали предметом научных дискуссий.

Во-первых, непонятно, с кем из известных исторических лиц можно отождествить Хельгу и возможно ли это вообще. Существуют попытки увидеть в Хельгу летописного князя Олега, который действительно ходил на Царьград⁷²². Но дата похода Олега, известная по «Повести временных лет», не согласуется с известной нам датой похода Хельгу (последний отправился в него не раньше, чем Роман начал преследовать евреев в Византии). Хронологические нестыковки можно путем определенных допусков и использования разных списков летописи свести к минимуму, но при всех условиях бесславная гибель Хельгу в Персии никак не может быть связана с черепом его почившего коня... Существует мнение, что Хельгу был одним из воевод князя Игоря и ходил на Царьград вместе с ним — то есть опять-таки представлял собой не самостоятельную варяжскую дружину, а Киевскую Русь⁷²³.

Некоторые исследователи считают, что поход русов на Каспий, который Масуди относит предположитель-

но к 913/914 году и который, возможно, состоялся около 925 года, и есть поход Хельгу⁷²⁴. Более распространено мнение, что Хельгу участвовал в походе 944 года, описанном Ибн Мискавейхом.

Авторам настоящей книги видится, что Хельгу — не более чем искатель добычи и приключений, предводитель дружины (а точнее, банды) таких же авантюристов, какими Скандинавия, а позднее и Русь наводнили Европу. Тот факт, что «Кембриджский аноним» называет его царем, может лишь свидетельствовать, что хазарам хотелось придать больше веса своей победе над Хельгу; к тому же средневековые хронисты очень легко раздавали титулы своим героям, не слишком заботясь об их соответствии действительности.

Кстати, блистательная победа, которую «достоцитимый Песах» одержал над русом, тоже представляется сомнительной. Если дружина Хельгу была разбита хазарами, трудно представить, чтобы ее остатки могли немедленно идти на прекрасно защищенный Константинополь. И трудно поверить, чтобы Песах под честное слово отпустил на все четыре стороны побежденного врага, если враг этот был еще столь силен, — ведь Хельгу ничто не помешало бы пойти не на Византию, а на Хазарию.

Представляется более резонным, что Хельгу после того, как он разграбил Самкерц, ничто больше не удерживало в этом городе (основать собственное княжество и сохранить власть на этом слишком желанном и для хазар, и для Византии месте у него, вероятно, не было сил). И поэтому он, решив продолжить свои «подвиги» под стенами Царьграда, более или менее полюбовно договорился с Песахом, что тот пропускает его через Керченский пролив и русы уходят с миром.

Поражение Хельгу под Константинополем тоже, вероятно, было не таким сокрушительным, как его себе представляет «Кембриджский аноним». В противном случае опять-таки непонятно, почему хазары пропустили разбитую дружину давнего врага через свои земли. Они могли сделать это, лишь убоявшись его военной силы или прельстившись долей в его военной добыче.

Очень интересной представляется политика Хельгу на берегах Каспия, если придерживаться наиболее распространенной и резонной точки зрения, что это именно он напал на Бердаа. Из книги Ибн Мискавейха следует, что русы приложили все усилия, чтобы сохранить хорошие отношения с жителями покоренного города: «...Люди эти (Русы) вошли в город, сделали в нем объявление, успокаивали жителей его и говорили им так: “Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам”»⁷²⁵. Это опять-таки свидетельствует о том, что Хельгу не был воеводой киевского князя — тот не мог надеяться удержать в повиновении город, который отделяли от него тысячи километров и территория чужого государства. Для киевлян этот поход, как и их походы на Царьград, мог быть только грабительским. Но если принять версию о том, что Хельгу и его дружина были независимыми варягами, которые искали место для княжения⁷²⁶ (как это когда-то сделали Рюрик, Олег и другие русы), то все противоречия снимаются.

При всех условиях Хельгу в те времена еще не мог одолеть Хазарию, и на ее территории ему пришлось ограничиться разграблением Самкерца. Это было, судя по всему, единственное военное столкновение хазар и русов за восемьдесят лет, которые предшествовали походу Святослава. Но о нем — в следующей главе.

Святослав

Человеком, который сокрушил Хазарский каганат, был Киевский князь Святослав, сын Игоря и Ольги. Ко времени его рождения варяжские пришельцы в Киеве и окрестностях успели изрядно перемешаться со своими славянскими данниками и усвоить их культуру. Святослав стал первым русским князем, носившим славянское имя.

Воспитала его мать (вместе с «кормильцем» Асмудом) — Игорь погиб в 945 году, собирая дань с древлян. Святослав тогда был еще совсем ребенком — согласно Ипатьевской летописи, он родился в 942 году. О его «возмужалости» и первых походах «Повесть временных лет» начинает сообщать лишь с 964 года. Впрочем, Ольга могла воспитать будущего воина не хуже, чем любой князь-мужчина. Овдовев, она не только сама управляла государством, собирала дань, вела дипломатические переговоры, но и возглавляла военные походы. Святославу было четыре года, когда он принял участие в своем первом бою, находясь в первых рядах войска.

«В год 6454 (946). Ольга с сыном Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю.

И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав метнул копье в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще совсем мал. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян... И возложила на них [Ольга. — *Авт.*] тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною своею по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги...»⁷²⁷

Не удивительно, что Святослав вырос настоящим воином. Летопись сообщает, что он был храбр и «ходил легко как пардус (пантера. — *Авт.*)». Он «не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и жарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах...»⁷²⁸. В то же время византийский писатель и историк Лев Диакон отмечает «варварскую наглость и спесь» и «врожденную жестокость» Святослава (он называет его Сфендославом). Историк рассказывает, как после взятия Филиппополя (современный Пловдив в Болгарии) русский князь «со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность»⁷²⁹.

Лев Диакон описывает внешность Святослава в те дни, когда князь вел переговоры с римским императором:

«Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода: крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жем-

чужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал»⁷³⁰.

Несмотря на то что Святослав отличался самостоятельным и воинственным нравом (а может быть, именно поэтому), мать не слишком спешила передавать сыну власть в государстве, тем более что у нее наметились с ним идейные разногласия. Ольга во время дипломатического визита в Константинополь приняла христианство. К этому она склоняла и Святослава. «Он же не внимал тому, говоря: “Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться”. Она же сказала ему: “Если ты крестишься, то и все сделают то же”. Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям... Святослав же притом гневался на мать»⁷³¹.

Когда молодому князю исполнилось 22 года, он отправился в свои первые военные походы. «В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых... И посылал в иные земли со словами: “Хочу на вас идти”». В какой мере он к этому времени отстранил мать от власти, не вполне понятно. Вероятно, в Киеве он так и не почувствовал себя хозяином, потому что позднее, в 967 году, Святослав пошел войной на болгар, «взял городов восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце»⁷³².

Киев остался под властью Ольги (только после ее смерти Святослав посадил в столице своего сына Ярополка). Когда город в 968 году был осажден печенегами, киевлянам пришлось специально вызывать Святослава из Переяславца: «И послали киевляне к Святославу со словами: “Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою потеряешь, нас ведь чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?” Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир»⁷³³.

Но и после этого, несмотря на то что очень старая (Святослав был поздним ребенком) и тяжело больная мать уже не претендовала на власть и не могла править Киевом, Святослав не хотел княжить на родине.

«В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: “Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там середина земли моей...”»⁷³⁴

После смерти Ольги Святослав «посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян» и отправился обратно в Переяславец. Но болгары, которые так и не смирились с владычеством иноземного князя, встретили его с оружием в руках. Святославу пришлось приступом брать город, который он уже считал своей второй родиной.

Но и здесь ему не сиделось. Он отправил в Константинополь послов со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». Испуганные византийцы предложили Святославу большую дань, а сами тем временем собрали войско и вышли против захватчика. В первом же бою греческое войско было разбито. «И пошел Святослав к столице, воюя и разрушая другие города, что стоят и донныне пусты».

Русский князь «немного не дошел... до Царьграда», и византийцам таки пришлось откупаться от него. Святослав вернулся в Переяславец и предложил грекам подписать мирный договор. Но от мысли завоевать Царьград он окончательно не отказался и сказал своей дружине: «Заклучим же с цесарем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдём на Царьград»⁷³⁵.

Второго похода на Царьград у Святослава не получилось: в 972 году он был убит печенегами: «В год 6480 (972). Пришел Святослав к порогам, и напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него»⁷³⁶.

Так окончил свою жизнь победитель Хазарии.

Вся биография Святослава свидетельствует о том, что этому варяжскому по своему духу князю не сиделось на месте и что он отнюдь не был правителем, который заботился

о благе своего государства или хотя бы о расширении его границ. Его военные операции носили не политический, а случайный, грабительский характер.

Гибель Хазарии

Таким же случайным и политически не обдуманым был и набег Святослава на Хазарию. «Повесть временных лет» рассказывает, что князь «пошел на Оку реку и на Волгу, и набрел на вятичей, и спросил вятичей: “Кому дань даете?” Они же ответили: “Хазарам по щелягу с сохи даем”». Уже в следующем году Святослав отправился воевать с хазарами.

«В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем каганом и сошлись биться, и в войне с ними одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов (алан. — *Авт.*) и касогов, и пришел в Киев»⁷³⁷.

Отметим, что вятичи, которых князь избавил от хазарской дани, вовсе не обрадовались такому повороту событий и не испытывали благодарности к своему освободителю. Вероятно, они предпочитали быть данниками стабильного и благополучного торгового государства, а не заезжего варяга. Во всяком случае, для того, чтобы обложить их данью, Святославу пришлось воевать и с ними: «В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил»⁷³⁸.

Что же касается разгрома хазар, существует две трактовки этого события. Согласно одному прочтению, в летописи о победе Святослава говорится: «град их и Белу Вежу взял». Это сообщение переведено на современный русский язык следующим образом: «...столицу их и Белую Вежу взял». Такой вариант позволил предположить, что во время похода 965 года Святослав разгромил и Белую Вежу (Саркел), и столицу каганата Итиль, то есть раз и навсегда положил полный конец хазарской государственности⁷³⁹.

Но существует и другое прочтение летописи, согласно которому союз «и» перед Белой Вежей отсутствует. Кроме того, некоторые современные исследователи сильно сомневаются в правомерности перевода слова «град» как «столи-

ца». В их версии летопись на современном языке должна звучать так: «...и город их Белую Вежу взял». В таком случае Святослав, взяв крупнейшую крепость каганата и нанеся по Хазарии смертельный удар, все-таки не добил ее окончательно⁷⁴⁰.

О дальнейших событиях мы знаем в основном из сообщений арабских авторов и из русских летописей. Сообщения эти отрывочны и противоречивы, и разные исследователи предлагают разное видение событий⁷⁴¹. Авторам настоящей книги представляется, что наиболее убедительную картину гибели Хазарского каганата рисует крупнейший российский историк-востоковед А. П. Новосельцев⁷⁴².

После того как Святослав захватил Саркел (который с этих пор именуется на славянский лад — «Белая Вежа»), он воевал с ясами (аланами) и касогами, обитавшими на Тамани. Вероятно, князь взял Самкерц, который получил русское название Тмутаракань. Но Святослав не стремился к закреплению плодов своих побед, и Тмутараканское княжество здесь было основано позднее, князем Владимиром.

Тем временем победой Святослава над Хазарией попытались воспользоваться некие «тюрки», о которых пишут арабские авторы, в частности Ибн ал-Асир: «В этом же, 354 [965], году какое-то тюркское племя вторглось в страну хазар, которые обратились за помощью к жителям Хорезма...»⁷⁴³

Под «тюрками» здесь, видимо, имеются в виду огузы — ближайшие и воинственные соседи хазар, которые не преминули наброситься на агонизирующий каганат. Что же касается помощи из Хорезма, она, вероятно, пришла на несколько лет позднее. По крайней мере, известно, что, помимо огузов, в 968/969 году на Хазарию вновь напали русы (возможно, действуя в союзе с огузами⁷⁴⁴). Арабские авторы, от которых мы об этом знаем, не называют имен, но есть предположение, что на хазар вновь пошел Святослав. Правда, как сообщает русская летопись, сам князь в 968—970 годах сидел в Киеве: разбирался с печенегами, находился при умирающей матери и ставил на княжение своего сына Ярополка, — а потом отправился на Дунай по второму разу отвоевывать взбунтовавшийся Переяславец. Но киевскому князю совсем

не обязательно было лично возглавлять войско — он мог послать против хазар кого-то из сподвижников, тем более что разгром вконец ослабленного государства уже не представлял особых трудностей.

На это раз воины Святослава не ограничились взятием лишь одной крепости — их целью были две хазарские столицы, старая и новая — Семендер и Итиль. Ибн Хаукаль писал:

«В хазарской стороне есть город, называемый Самандар, он между (хазарской стороной) и Баб ал-Абвабом [то есть Дербентом], были в нем многочисленные сады; говорят, что содержали (они) около 40 тысяч виноградников, а я спрашивал об (этом городе) в Джурджане в 58 году, вследствие близкого знакомства (с этим городом), и сказал [тот, кого я расспрашивал]: “Там виноградник или сад [такой], что был милостыней для бедных, а если осталось там [что-нибудь], то только лист на стебле”. Пришли на него русийи, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма. А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев [других] религий и идолопоклонники, и ушли (они), а вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдет и трех лет, и станет, как было. И были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и совершили свой набег эти (русы) на всех, кто был на берегу Итиля из [числа] хазар, болгар и бургасов, и захватили их, и искал убежища народ Итиля на острове Баб-ал-Абваб и укрепился на нем, а часть их — на острове Сийах-Куих, живущие в страхе»⁷⁴⁵.

Этот же автор сообщает: «И не осталось в это наше время ни болгар, ни бургасов, ни хазар [из-за] народа рус, кроме разбросанной неполной [части этих народов], и [даже] за ней рыскал [народ рус]. Целями и надеждами бежавших было оставаться по соседству со своими областями. И дошло до меня, что большинство из них вернулось в Итиль и Хазаран при поддержке Мухаммада ибн Ахмада ал-Азди, владельца Ширваншаха (точнее, Ширвана. — *Авт.*), и содействовал он им своими воинами и своими людьми, а они, надеясь, просили, чтобы с ними заключили договор, и они были бы покорны им за участок земли, на котором они будут жить»⁷⁴⁶.

Ширван-шах Мухаммад ибн Ахмад ал-Азди вззошел на престол в 981 году, и, значит, хазары обратились к нему за

помощью не раньше чем через десять с лишним лет после того, как русская дружина разгромила их земли. Это, кстати, означает, что все эти годы завоеватели оставались на покоренных территориях и, по-видимому, собирались оставаться на них и в дальнейшем. Для дружины русского князя, посланной на единовременную военную операцию, это выглядит крайне странно. Тем более что Святослав до самой своей смерти в 972 году вел изнурительную войну на Балканах и, как видно из летописи, очень нуждался в воинах. «Повесть временных лет» сообщает, что после возвращения из-под Царьграда, до которого князь «немного не дошел», поскольку перепуганные византийцы откупились богатыми дарами, Святослав увидел, «что мало у него дружины... так как многие погибли в боях». Он сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины»⁷⁴⁷.

Тем не менее значительная часть русского войска в это время обитала, и, судя по всему, неплохо обитала, на завоеванных землях Юго-Восточной Хазарии, которые никак нельзя было считать присоединенными к метрополии — они отстояли от нее слишком далеко и отделялись территориями, которые Киевом не контролировались, да и летопись ничего не сообщает о том, что на этих землях существовало подвластное Киеву княжество. Такая система была не характерна для Древнерусского государства. А вот для варягов, дружины которых расходились по миру не для расширения границ метрополии, а для поиска «места под солнцем» для себя лично, это была вполне обычная ситуация⁷⁴⁸.

Так или иначе, хазары, бежавшие из своих земель, обратились к властителю Ширвана. Он, судя по сообщению Ибн Хаукаля, оказал им какое-то содействие и помог вернуться на родину. Но в 991 году правлению Мухаммада ибн Ахмада ал-Азди пришел конец, а свою деятельность в районе хазарских владений он завершил годом раньше. Тогда обманутые в своих ожиданиях хазары обратились за помощью к Хорезму — об этом, как мы уже говорили, писал Ибн ал-Асир, только он отнес эту помощь к несколько более раннему времени и считал, что хазары просили защитить их только от огузов. «...Но те отказались им помочь, сказав им: “Вы неверующие, но если вы примете ислам, мы вам поможем”, —

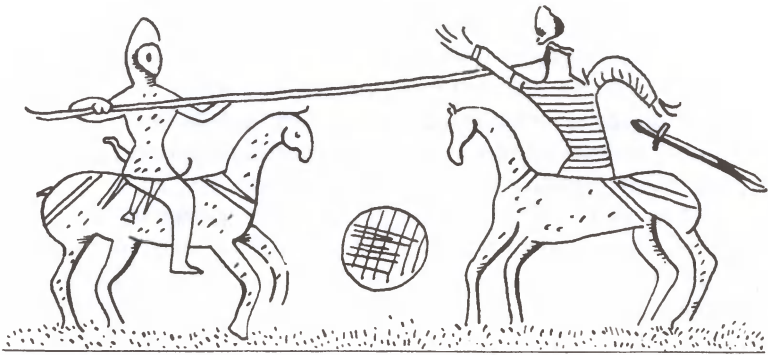
и те приняли ислам кроме их царя. Тогда хорезмийцы пришли им на помощь и выгнали тюрок из их страны. После этого и царь их принял ислам»⁷⁴⁹.

Ибн ал-Асир пишет только об изгнании огузов, но русы тоже покинули завоеванные земли Прикаспия, произошло это, по-видимому, после 889—890 годов, и тоже не без вмешательства Хорезма⁷⁵⁰.

Хазары, по крайней мере частично, вернулись на родину, но теперь это был крохотный осколок былой державы. Бывшие подданные каганата, жившие в Подонье и на Тамани, попали под власть Руси. В Белой Веже поселились славяне, но бывшее благополучие ее не возродилось, поскольку торговые пути теперь проходили через земли, где не было единой государственности и полыхали войны. В качестве славянского города она просуществовала немногим более ста лет.

Несмотря на то что хазары (по крайней мере те, что пытались сохранить свою государственность в Прикаспии) вынуждены были принять ислам, какое-то количество иудеев среди них, вероятно, оставалось, потому что, когда киевский князь Владимир выбирал новую религию для своего народа, к нему, как гласит летопись, с проповедью «пришли хазарские евреи»⁷⁵¹ (напомним, что на остальной территории каганата жили преимущественно язычники и только в крупных городах, прежде всего таких, как Итиль и Семендер, были еврейские диаспоры).

Дербентская хроника сообщает, что в 1064 году «остатки хазар численностью в 3000 семей прибыли в город Кахтан из страны хазар, отстроили его и поселились в нем». Но о каком городе идет речь и где он находился, доподлинно не известно⁷⁵². Возможно, это было последнее сообщение о «стране хазар». Примерно с этого времени Хазария, уже исчезнувшая с карты Европы, окончательно исчезает и из письменных источников.

Сам факт, что Хазария сыграла значимую роль в истории, долгое время отрицался. По логике официальной советской науки «маленькое паразитическое ханство», к тому же постоянно угрожавшее Руси, конечно, не могло оставить после себя ничего ценного — ему «позволялось» только развеяться как дым, без следа. Сегодня наличие многопланового «хазарского следа» в истории и культуре народов Восточной Европы признано отечественными историками, но исследование его только начинается.

В результате разгрома Хазарии Святославом распалось государство, объединявшее множество этносов. Интересно, что хазарская кочевая империя была сокрушена не с востока, откуда время от времени, разоряя европейские земли, выплескивались волны «диких» кочевников, а с Запада. Остановив натиск арабов, долгое время сдерживая на своих границах кочевников-огузов, хазары не смогли устоять против русов, жаждавших оседлать ключевые торговые пути и самим получать дань со многих подвластных Хазарии народов.

Но Руси удалось удержать лишь часть «хазарского наследства». Только до 90-х годов X века славяно-варяжские отряды, вероятно, оставались в низовьях Волги и контролирова-

ли район Итиля. Затем они были навсегда вытеснены оттуда новыми хозяевами этих мест — хорезмийцами. Полную независимость обретает и северо-восточная окраина Хазарии — Волжская Булгария. Освободившись от власти каганата, ей удалось не попасть в зависимость от Руси. Расположение на трассе важнейших торговых путей предопределило крепость и благополучие этого молодого государства на несколько веков вперед. «Повесть временных лет» рассказывает, как русские князья сами отказались от мысли владеть своими слишком успешными соседями:

«В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и так победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: “Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не платить — пойдем, поищем себе лапотников”. И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: “Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть”. И вернулся Владимир в Киев»⁷⁵³.

Зато Руси удалось закрепиться на Тамани — захватить Таматарху и контролировать таким образом важнейший пункт в районе Керченского пролива. Собственно, сбылась мечта Хельгу, которого в этих местах не так давно победил один из последних полководцев Хазарии, Песах. Но успех Святослава все же был непрочным: примерно с конца XI века Тмутаракань переходит под контроль Византии.

Еще одна частица «хазарского наследства», Саркел, становится древнерусской Белой Вежей. Некоторое время славяно-русы господствовали на Дону. Но появление половцев стало началом конца древнерусского периода в донских степях. На рубеже XI—XII веков половцы осаждают Белую Вежу — археологи обнаружили в развалинах города следы страшных пожаров и скелеты его защитников со следами тяжелых ранений. Крепость выстояла, и город был частично восстановлен, но жить во враждебном окружении беловежцы уже не смогли и в 1117 году переселились на Русь⁷⁵⁴. По археологическим данным примерно в это время замирает жизнь и на многих славянских «сельских» поселениях Нижнего Дона, число которых увеличилось в XI веке — после краха Хазарии.

Древнерусское государство стало главным союзником Византии на востоке Европы, в определенной мере заняв

место распавшегося хазарского государства. Уже в начале XI века Русь и Византия совместно подавляют в Крыму восстание византийского чиновника — протоспафария Георгия Цуло. Кстати, не исключено, что Георгий имел тюрко-болгарское происхождение, а его восстание носило некую «хазарскую» подоплеку. В Крыму, очевидно, жило много алано-болгар, предки которых еще в недавнем прошлом были подданными Хазарии. По крайней мере, византийский автор Кедрин сообщает (имея в виду Крым), что императорский флот направлялся для подавления этого восстания... в Хазарию. Крым именовался Хазарией (или Газарией) и позднее — в XII—XIV веках⁷⁵⁵.

В Дагестане на развалинах Хазарии появляются новые небольшие княжества местных правителей. Окончательную независимость получили и северокавказские аланы — с этого времени вплоть до монголо-татарских походов их государство постепенно усиливает свое влияние в регионе.

Аланы, жившие с середины VIII века на Среднем Дону, после краха Хазарского каганата оставили эти места и ушли, по-видимому, в основном на север. Их города и села не были разорены, — наверное, почувствовав угрозу, население заблаговременно покинуло насиженные места. Считается, что ушедшие с обжитых мест «хазарские» аланы поселились на землях славян по реке Воронеж. Асы, или ясы, древнерусских летописей — это, вероятно, большей частью потомки донских хазарских алан и людей, переселившихся на Русь из Белой Вежи после ее захвата половцами. Вместе с аланами мигрировали и местные славяне — усилившиеся степняки-печенеги были одинаково опасны оседлым поселенцам любой национальности. Возможно, часть жителей ушла в пределы Волжской Булгарии, где в это время отмечается приток населения⁷⁵⁶.

В итоге граница не освоенной земледельцами степи отодвинулась в конце X века далеко к северу. Донские степи вскоре превратились в малообитаемое «Дикое поле» (хотя так их стали называть значительно позже).

Впрочем, как мы уже писали, существует весьма обоснованная версия о том, что Хазарское государство на некоторое время пережило походы Святослава. А. П. Новосельцев, опираясь на сообщения арабских авторов, пишет, что после

падения Итиля царь Хазарии находился в изгнании со своим двором, но потом вернулся в поверженную столицу и принял ислам. Это была уже агония каганата, однако государство это окончательно распалось лишь в середине XI века⁷⁵⁷.

На страницах древнерусских летописей при описании событий, имевших место уже после победы Святослава, хазары упоминаются неоднократно. «Хазарские евреи» пришли на в богословский диспут, который князь Владимир организовал для того, чтобы решить вопрос, какую веру принять⁷⁵⁸. Хазары участвовали в политической жизни тогда еще древнерусской Тмутаракани. Под 1023 годом они упоминаются в дружине тмутараканского князя Мстислава⁷⁵⁹. В 1079 году хазары выдали Византии русского князя-авантюриста Олега — так закончился его первый, недолгий период княжения в этом городе. Позднее, выпутавшись из этой передраги, Олег в 1083 году вернулся в Тмутаракань и «иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого»⁷⁶⁰. Все это говорит о том, что в Тмутаракани XI века существовала очень влиятельная «хазарская» партия, имевшая опору и среди части дружины.

Сокрушив Хазарию, Древнерусское государство унаследовало некоторые элементы ее государственной символики. Ученые не исключают, что знаменитый «трезубец» — символ власти киевских князей со времен Владимира Святого — производное от тюркской или аланской тамги⁷⁶¹. Близкие по начертанию символы находят процарапанными на стенах хазарских Саркела, Маяцкого и Хумаринского городищ. Недавно в Крыму, в гроте на территории одного из самых известных христианских «пещерных» монастырей — Успенского, археологи обнаружили этот знак Рюриковичей. Возможно, он процарапан не позднее X века и, таким образом, относится ко времени походов князя Владимира на Корсунь (Херсон)⁷⁶².

Титуловаться каганами для русских князей, даже после победы над Хазарским каганатом, некоторое время продолжало оставаться заманчивым. Написанное в середине XI века «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона постоянно именуется каганами... князей Владимира Свято-

славича и Ярослава Мудрого⁷⁶³. Этот титул есть и в граффито на стене Софийского собора в Киеве: «Спаси, господи, кагана нашего»⁷⁶⁴.

О хазарах еще долго вспоминали русские былины, например «Илья Муромец и Жидовин»:

Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарскихх,
Под славным городом под Киевом,
Стояла застава богатырская.
На заставе атаман был Илья Муромец...
(...)
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския!⁷⁶⁵

Очевидно, что под «землей жидовской» могла иметься в виду только Хазария. А конный Жидовин, который в «чистом поле» бился с русскими богатырями палками, «саблями вострыми», «вострыми копьями» и «чинжалищём булатным», безусловно, гораздо больше похож на хазарско-го «ровиковца», чем на купца-еврея.

В другой былине богатырь даже носит имя Козарин. Впрочем, ко времени ее создания от хазар в народной памяти, видимо, уже мало что осталось, потому что Козарин этот родился у православных родителей и по отчеству прозывался Петровичем⁷⁶⁶.

Но куда же исчезли те, кого принято называть иудео-хазарами? То есть население Хазарии, действительно воспринявшее иудаизм, — хазарские прозелиты. Их следы особенно трудноуловимы, возможно, и потому, что многие из них эмигрировали из пределов погибшей родины и быстро смешались с новой этнокультурной средой. Вероятно, их можно отыскать в современных еврейских диаспорах Восточной Европы, например Украины и Белоруссии, — известно, что еврейские общины в этом регионе существовали по крайней мере с X века, их отличает особенный именьник⁷⁶⁷.

Интересны в этом плане горские евреи Дагестана и Азербайджана, или таты. Они, как полагают, пришли в эти края из Ирана еще в VI веке, но их диаспора могла включить

в свой состав и часть собственно иудео-хазар после распада их государства. В татском языке немало тюркизмов.

Согласно наиболее популярной версии, в качестве наследников иудео-хазар долгое время рассматривались крымские караимы. Авраам Фиркович, живший на рубеже XIX—XX веков известный историк и собиратель еврейских рукописей и других древностей, приложил много сил, чтобы доказать преемственность караимов от принявших иудаизм хазар. Но недавно стало окончательно ясно, что Фиркович для «пушей убедительности» систематически подделывал даты караимских надгробий, удревняя их. Комплекс всех других сведений о караимах подтверждает, что в Крыму они появились лишь в середине XIV века, несколько столетий спустя после разгрома Хазарии.

Тем не менее деятельность Фирковича не пропала зря, обернувшись совершенно неожиданной стороной. Предполагается, что именно его теория хазарского, а не еврейского происхождения караимов смогла, несмотря на исповедуемый ими иудаизм, уберечь этот народ от уничтожения во время нацистской оккупации Крыма в 1942—1944 годах⁷⁶⁸.

Постепенно «образы хазар» в исторической памяти становятся менее четкими, как бы растворяются под напором новых этносов, новых событий. Однако они не исчезают совсем. Они сохранились в топонимике многих земель, входивших в состав каганата. В Дагестане многочисленны топонимы с основой «Хазар»: ими обозначают села (Хазар), урочища (Хазарюрт), городища (Хазар-кала), поляны (Хазармайдан)⁷⁶⁹.

На Нижнем Дону названия речки Цимла и старицы Дона Аксай — очевидно тюркские имена, сохранившиеся, возможно, еще с хазарского времени. Да и среди русских фамилий Хазаров — не самая редкая...

Вопрос, плюсом или минусом стало для России уничтожение Хазарии, всегда будет предметом ожесточенных дискуссий. С одной стороны, сокрушив Хазарию, славяно-варяжская Русь определила свое будущее в рамках христианской, европейской цивилизации. Хазария же, несмотря на иудаизм ее правителей, на последнем этапе своей истории явно

склонялась к мусульманской религии и культуре. С другой стороны, пришедшие на славянские земли варяги были, по сути, иноземными захватчиками, людьми без родины, которые интересовались лишь сиюминутной выгодой. Их целью было не построение преуспевающего государства, а грабежи и взимание дани со славянских народов. Археология в ряде случаев подтверждает, что варяжская власть отличалась от хазарской только в худшую сторону. Так, на землях курских северян в нынешней Белгородской области именно в конце X века внезапно полностью прерывается хождение обычной в то время арабской серебряной монеты — это прежде всего свидетельство разорения края⁷⁷⁰.

Разгром Хазарии привел к тому, что процветающая территория, служившая рынком и торговым трактом для множества народов Европы и Азии, превратилась в безлюдную степь. Сюда, на эти пустующие земли, ринулись с востока половцы, а потом и татаро-монголы. Именно эти факторы и определили историю России на много веков вперед.

- ¹ Гумилев 1961.
- ² Тортика, Михеев 2004, с. 109–116.
- ³ Плетнева 2000, с. 194–195.
- ⁴ Флёров, Флёрова 2005, с. 202.
- ⁵ Столяр 1998, с. 55–56.
- ⁶ Безуглов, Науменко 1999, с. 40.
- ⁷ Торчинов 2005. Прим. 10 (по интернет-публикации http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/1/Ban_Gu/text².htm).
- ⁸ Кюнер 1961, с. 132.
- ⁹ Сыма Цянь 2002, с. 323.
- ¹⁰ Атм. Марс. XXXI.2.
- ¹¹ Артамонов 2002, с. 68.
- ¹² Артамонов 2002, с. 68–69.
- ¹³ Гадло 1979, с. 6–7.
- ¹⁴ Jord. Get. 259.
- ¹⁵ Jord. Get. 262.
- ¹⁶ Jord. Get. 264.
- ¹⁷ Артамонов 2002, с. 101.
- ¹⁸ Артамонов 2002, с. 119.
- ¹⁹ Артамонов 2002, с. 120.
- ²⁰ Гадло 1979, с. 90.
- ²¹ Артамонов 2002, с. 99.
- ²² Агафий 1950, с. 342.
- ²³ Артамонов 2002, с. 99.
- ²⁴ Прокопий 1996, с. 45.
- ²⁵ Гадло 1979, с. 87.

- ²⁶ *Феофан* 1980, с. 50.
- ²⁷ *Прокопий* 1996, с. 45–47, 58.
- ²⁸ *Атт. Марс.*, XXXI.2.
- ²⁹ *Корсунский, Гюнтер* 1984, с. 73, 75.
- ³⁰ *Гадло* 1979, с. 86.
- ³¹ *Артамонов* 2002, с. 123.
- ³² *Бичурин* 1950, с. 220–221 и комментарий; *Савинов* 1984, с. 31.
- ³³ *Бичурин* 1950, с. 221–222.
- ³⁴ *Савинов* 1984, с. 32–33.
- ³⁵ *Бичурин* 1950, с. 221–222.
- ³⁶ *Артамонов* 2002, с. 124.
- ³⁷ *Бичурин* 1950, с. 221.
- ³⁸ *Кляшторный* 1965.
- ³⁹ *Гумилев* 1993, с. 22–23.
- ⁴⁰ *Бичурин* 1950, с. 228.
- ⁴¹ *Новосельцев* 1990, с. 73.
- ⁴² *Новосельцев* 1990, с. 135.
- ⁴³ *Бичурин* 1950, с. 229–230.
- ⁴⁴ *Артамонов* 2002, с. 164.
- ⁴⁵ *Мовсес Хоренаци* 1990, II.65.
- ⁴⁶ *Новосельцев* 1990, с. 29.
- ⁴⁷ *Артамонов* 2002, с. 136.
- ⁴⁸ *Пигулевская* 1939, с. 107–108.
- ⁴⁹ *Пигулевская* 1939, с. 114–115.
- ⁵⁰ *Новосельцев* 1990, с. 85–86.
- ⁵¹ *Шмидт* 1958, с. 454 и примечание.
- ⁵² *Масуди* 1908, с. 34.
- ⁵³ *Шмидт* 1958, с. 454.
- ⁵⁴ *Шмидт* 1958, с. 453.
- ⁵⁵ *Шмидт* 1958, с. 457.
- ⁵⁶ *Кудрявцев* 1982, с. 86–95; *Артамонов* 2002, с. 137–141.
- ⁵⁷ Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. I. Арабские источники VII–X вв. М.—Л., 1960, с. 106.
- ⁵⁸ *Кудама* 1903, с. 29–33.
- ⁵⁹ *Кудрявцев* 1982, с. 97.
- ⁶⁰ *Кудама* 1903, с. 25.
- ⁶¹ *Мовсес Каланкатуаци* 1984, с. 65.
- ⁶² *Мовсес Каланкатуаци* 1984, с. 65.
- ⁶³ *Мовсес Каланкатуаци* 1984, с. 71.
- ⁶⁴ *Гадло* 1979, с. 102.

- ⁶⁵ Новосельцев 1990, с. 29–30.
- ⁶⁶ Аликберов 2010, с. 43; Тафоззоли 2008, с. 10–11.
- ⁶⁷ Айбабин 1999, с. 134, 141.
- ⁶⁸ Айбабин 1999, с. 141.
- ⁶⁹ Новосельцев 1990, с. 87, 88.
- ⁷⁰ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 81.
- ⁷¹ Новосельцев 1990, с. 31.
- ⁷² Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 81.
- ⁷³ Артамонов 2002, с. 165, сноска 13.
- ⁷⁴ Новосельцев 1990, с. 87, 88.
- ⁷⁵ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 86.
- ⁷⁶ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 81.
- ⁷⁷ Новосельцев 1990, с. 87.
- ⁷⁸ Артамонов 2002, с. 165.
- ⁷⁹ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 88.
- ⁸⁰ Новосельцев 1990, с. 88.
- ⁸¹ Гумилев 1993, с. 56–57.
- ⁸² Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 77–78.
- ⁸³ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 78–79.
- ⁸⁴ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 79.
- ⁸⁵ Никифор 1950, с. 355–356.
- ⁸⁶ Кляшторный, Савинов 2005, с. 97.
- ⁸⁷ Науменко 2004, с. 54.
- ⁸⁸ Новосельцев 1990, с. 87–88.
- ⁸⁹ Феофан 1884, с. 235.
- ⁹⁰ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 80.
- ⁹¹ Обращение 2005, с. 29.
- ⁹² Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 81.
- ⁹³ Ср. Дан., 8.5–8.
- ⁹⁴ Обращение 2005, с. 29.
- ⁹⁵ Обращение 2005, с. 29; Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 85–86.
- ⁹⁶ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 85–86.
- ⁹⁷ Никифор 1950, с. 358.
- ⁹⁸ Комар 2006, с. 164.
- ⁹⁹ Артамонов 2002, с. 189.
- ¹⁰⁰ Гумилев 1993, с. 237.
- ¹⁰¹ Бартольд 1973, с. 545.
- ¹⁰² Артамонов 2002, 189; Аликберов 2010, с. 59; Комар 2006, с. 155.
- ¹⁰³ Артамонов 2002, 189.
- ¹⁰⁴ Кляшторный 2003, с. 337.
- ¹⁰⁵ Комар 2006, с. 155.

- ¹⁰⁶ Бичурин 1950, с. 229.
- ¹⁰⁷ Комар 2006, с. 153.
- ¹⁰⁸ Новосельцев 1990, с. 138; Калинина 2010, с. 28–29; Комар 2006, с. 153.
- ¹⁰⁹ Новосельцев 1990, с. 89.
- ¹¹⁰ Артамонов 2002, 179.
- ¹¹¹ Комар 2006, с. 161 и сл.
- ¹¹² Житие святого отца нашего Феофана Исповедника (В изложении святителя Димитрия Ростовского).
- ¹¹³ Феофан 1980, с. 59; Чичуров 1980, с. 108–109.
- ¹¹⁴ Артамонов 2002, с. 184.
- ¹¹⁵ Никифор 1950, с. 359.
- ¹¹⁶ Новосельцев 1990, с. 75.
- ¹¹⁷ Артамонов 2002, с. 179.
- ¹¹⁸ Феофан 1980, с. 60–61.
- ¹¹⁹ Феофан 1980, с. 61.
- ¹²⁰ Артамонов 2002, с. 190.
- ¹²¹ Потомки хана Кубрата. Материалы к археологической выставке. Самара, 2001, с. 8.
- ¹²² Артамонов 2002, с. 190.
- ¹²³ Народы, с. 75.
- ¹²⁴ Феофан 1980, с. 61.
- ¹²⁵ Кудамба 1903, с. 31.
- ¹²⁶ Патканов 1883, с. 28.
- ¹²⁷ Артамонов 2002, с. 150–151.
- ¹²⁸ Новосельцев 1990, с. 91.
- ¹²⁹ *Евстафий*. Комментарии к «Землеописанию» Дионисия». 669. Перевод: И. П. Цветков / Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, 1948, № 1, с. 250.
- ¹³⁰ Артамонов 2002, с. 147–149; Новосельцев 1990, с. 80.
- ¹³¹ Лука, 10.1.
- ¹³² Ханбабаев К. М. Христианство в Дагестане в IV–XVIII вв. Интернет-публикация: <http://www.ive1875.narod.ru/texts/Other/Hanbabaev.htm>.
- ¹³³ Гумилев 1989, с. 38–39.
- ¹³⁴ Гумилев 1989, с. 40.
- ¹³⁵ Гумилев 1989, с. 41.
- ¹³⁶ Гумилев 1989, с. 37–38.
- ¹³⁷ Гумилев 1989, с. 39.
- ¹³⁸ Гумилев 1964, с. 82.
- ¹³⁹ Иосиф краткая редакция 1932, с. 74.

- ¹⁴⁰ Артамонов 2002, с. 134.
- ¹⁴¹ Артамонов 2002, с. 68, 135.
- ¹⁴² Эрдаль 2005, с. 125–127.
- ¹⁴³ Артамонов 2002, с. 146.
- ¹⁴⁴ Новосельцев 1990, с. 83, 112.
- ¹⁴⁵ Приск 1860, с. 59.
- ¹⁴⁶ Jord. Get. 37.
- ¹⁴⁷ Например, Ельницкий Л. Е. Комментарий к: *Приск Панийский*. Готская история / В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, 1948, № 4. с. 252.
- ¹⁴⁸ Артамонов 2002, с. 80.
- ¹⁴⁹ Приск 1860, с. 44.
- ¹⁵⁰ Пигулевская 1939, с. 110.
- ¹⁵¹ Гадло 1979, с. 59–60.
- ¹⁵² Комар 2006, с. 139–140.
- ¹⁵³ Артамонов 2002, с. 90–91.
- ¹⁵⁴ Комар 2006, с. 164.
- ¹⁵⁵ Комар 2006, с. 149.
- ¹⁵⁶ Артамонов 2002, с. 189, 197.
- ¹⁵⁷ Аликберов 2010, с. 42.
- ¹⁵⁸ Аликберов 2010, с. 56–57.
- ¹⁵⁹ Артамонов 2002, с. 197.
- ¹⁶⁰ Аликберов 2010, с. 59–60.
- ¹⁶¹ Ал-Истахри 1901, с. 49.
- ¹⁶² Клейн и др. 1972.
- ¹⁶³ Семенов 1982, Семенов 1988.
- ¹⁶⁴ Сводку см.: Науменко 2004, с. 58.
- ¹⁶⁵ Артамонов 2002, с. 191–192; Новосельцев 1990, с. 111.
- ¹⁶⁶ Ибн ал-Асир 1940, с. 20.
- ¹⁶⁷ Артамонов 2002, с. 195.
- ¹⁶⁸ Артамонов 2002, с. 219.
- ¹⁶⁹ Артамонов 2002, с. 220.
- ¹⁷⁰ Гевонд 1862, с. 28.
- ¹⁷¹ Кудрявцев 1982, с. 40–42, 84–85.
- ¹⁷² Артамонов 2002, с. 232.
- ¹⁷³ Новосельцев 1990, с. 123–124.
- ¹⁷⁴ Магомедов 1983, с. 50–51.
- ¹⁷⁵ Плетнева 1976, с. 26–27.
- ¹⁷⁶ Магомедов 1980, с. 170–176.
- ¹⁷⁷ Артамонов 2002, с. 196.
- ¹⁷⁸ Артамонов 2002, с. 195–198.

- ¹⁷⁹ Артамонов 2002, с. 196.
¹⁸⁰ Новосельцев 1990, с. 124–125.
¹⁸¹ Ибн ал-Асир 1940, с. 24–25.
¹⁸² Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 124–129.
¹⁸³ Новосельцев 1990, с. 124.
¹⁸⁴ Плетнева 1976, с. 28; Плетнева 2000, с. 182–183; Магомедов 1983, с. 158 и сл.
¹⁸⁵ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 127–128.
¹⁸⁶ Артамонов 2002, с. 201–203.
¹⁸⁷ Новосельцев 1990, с. 125–128.
¹⁸⁸ Плетнева 1976, с. 29.
¹⁸⁹ Калинина 1976, с. 91.
¹⁹⁰ Плетнева 1976, с. 29.
¹⁹¹ Плетнева 2000, с. 187.
¹⁹² Магомедов 1980.
¹⁹³ Плетнева 2000, с. 188–190.
¹⁹⁴ Гевонд 1862, с. 28.
¹⁹⁵ Мовсес Каланкатуацци 1984, с. 161.
¹⁹⁶ Артамонов 2002, с. 221–223.
¹⁹⁷ Ибн ал-Асир 1940, с. 25–26.
¹⁹⁸ Феофан 1980, с. 67–68.
¹⁹⁹ Гевонд 1862, с. 71.
²⁰⁰ Артамонов 2002, с. 226.
²⁰¹ Гевонд 1862, с. 71–72.
²⁰² Ибн ал-Асир 1940, с. 26.
²⁰³ Артамонов 2002, с. 229–230; Гевонд 1862, с. 72.
²⁰⁴ Артамонов 2002, с. 230.
²⁰⁵ Ибн ал-Асир 1940, с. 29–30.
²⁰⁶ Артамонов 2002, с. 231.
²⁰⁷ Ал-Куфи 1981, с. 46–47.
²⁰⁸ Артамонов 2002, с. 232.
²⁰⁹ Артамонов 2002, с. 211–212.
²¹⁰ Мартин 1991, с. 178.
²¹¹ Мартин 1991, с. 179 и прим. 9.
²¹² Мартин 1991, с. 179 и прим. 4.
²¹³ Могаричев и др. 2007, с. 91; Айбабин 1999, с. 187–188.
²¹⁴ Феофан 1980, с. 62.
²¹⁵ Могаричев, Сазанов 2005, с. 355–356.
²¹⁶ Феофан 1980, с. 62–63.
²¹⁷ Портовое, Новопокровка, Рисовое, Айвазовское и другие. Баранов 1990, с. 18 и сл.; Айбабин 1999, с. 173.

- 218 Баранов 1990, с. 21.; Айбабин 1999, с. 178.
- 219 Айбабин 1999, с. 188–190.
- 220 Баранов 1990, с. 36 и сл.
- 221 Могаричев и др. 2007, с. 134.
- 222 Никифор 1950, с. 364–365.
- 223 Никифор 1950, с. 365.
- 224 Никифор 1950, с. 365–366.
- 225 Никифор 1950, с. 366.
- 226 Плетнева 1976, с. 23; Чичуров 1980, с. 125.
- 227 Никифор 1950, с. 366.
- 228 Безуглов 2007, с. 114–117.
- 229 Никифор 1950, с. 367.
- 230 Никифор 1950, с. 367.
- 231 Никифор 1950, с. 367.
- 232 Никифор 1950, с. 367.
- 233 Феофан 1980, с. 63.
- 234 Артамонов 2002, с. 214.
- 235 Никифор 1950, с. 368.
- 236 Феофан 1980, с. 64.
- 237 Феофан 1980, с. 64.
- 238 Феофан 1980, с. 64; Никифор 1950, с. 369.
- 239 Феофан 1980, с. 64.
- 240 Феофан 1980, с. 64–65.
- 241 Никифор 1950, с. 369.
- 242 Феофан 1980, с. 65; Никифор 1950, с. 369.
- 243 Никифор 1950, с. 369.
- 244 Новосельцев 1990, с. 178–179.
- 245 Никифор 1950, с. 374.
- 246 Иванов 2005, с. 313.
- 247 Артамонов 2002, с. 246.
- 248 Феофан 1980, с. 68.
- 249 Артамонов 2002, с. 247.
- 250 Артамонов 2002, с. 335; Записка 1908, с. 252.
- 251 Кузенков 2003, с. 15.
- 252 Айбабин 1999, с. 178.
- 253 Плетнева 2003, с. 39–40.
- 254 Плетнева 2000, с. 176.
- 255 Плетнева 2003, с. 38–39; Айбабин 1999, с. 178–179.
- 256 Обзор мнений см: Айбабин 1999, с. 179–180; Комар 2006, с. 225.
- 257 Никифор 1950, с. 359.

- 258 *Айбабин* 1999, с. 181–182.
- 259 *Комар* 2006, с. 14–15.
- 260 *Безуглов, Науменко* 1999, с. 42.
- 261 *Плетнева* 2003, с. 83; *Безуглов, Науменко* 1999, с. 36.
- 262 *Безуглов, Науменко* 1999, с. 35.
- 263 *Плетнева* 2003, с. 82.
- 264 *Безуглов, Науменко* 1999, с. 42.
- 265 *Комар* 2006, с. 155.
- 266 *Кляшторный, Савинов* 2005, с. 73.
- 267 *Надписи в честь героев*. Пер.: А. Преловский // *Эхо веков*, № 1/2, 1996, с. 242.
- 268 *Поэзия древних тюрков* // *Эхо веков*, № 1/2, 1998, с. 195.
- 269 *Кляшторный, Савинов* 2005, с. 151.
- 270 *Мовсес Каланкатуац* 1984, с. 91.
- 271 *Гумилев* 1993, с. 56–59.
- 272 *Бичурин* 1950, с. 229.
- 273 *Бичурин* 1950, с. 229.
- 274 *Ал-Истахри* 1901, с. 51.
- 275 *Бичурин* 1950, с. 230.
- 276 *Бичурин* 1950, с. 230–231.
- 277 *Мовсес Каланкатуац* 1984, с. 93.
- 278 *Мовсес Каланкатуац* 1984, с. 88–89.
- 279 *Мовсес Каланкатуац* 1984, с. 124.
- 280 *Новосельцев* 1990, с. 145.
- 281 *Мовсес Каланкатуац* 1984, с. 124, 128–129.
- 282 *Мовсес Каланкатуац* 1984, с. 130–131.
- 283 *Новосельцев* 1990, с. 147–148.
- 284 *Биджиев* 1983, с. 45–48.
- 285 *Винников, Афанасьев* 1991.
- 286 *Баранов, Майко* 2001.
- 287 *Михайлов* 1955, с. 242–258.
- 288 *Винников* 2006, с. 53–56.
- 289 *Винников, Плетнева* 1998, с. 206.
- 290 *Флёров* 1993.
- 291 *Жиронкина, Цитковская* 2005, с. 541.
- 292 *Плетнева* 2000, с. 40–41.
- 293 *Красильников, Руденко* 1981.
- 294 *Плетнева* 2000, с. 89–90.
- 295 *Плетнева* 2000, с. 92.
- 296 *Плетнева* 2000, с. 86.

- ²⁹⁷ Артамонов 2002, с. 317.
- ²⁹⁸ См.: Ивик О. История человеческих жертвоприношений. М., 2010, с. 238 и сл.
- ²⁹⁹ Кляшторный 2003, с. 39–40.
- ³⁰⁰ Семенов 1988; Кляшторный, Илюков 1993.
- ³⁰¹ Артамонов 1954.
- ³⁰² Семенов 1988; Безуглов, Науменко 1999, с. 40.
- ³⁰³ Голб, Прицак 2003, с. 21–31, 62–64; критика — Напольских В. В. К чтению так называемой «Хазарской надписи» в Киевском письме, с. 221–225 в том же издании.
- ³⁰⁴ Плетнева 2000, с. 219–220.
- ³⁰⁵ Кызласов 1994.
- ³⁰⁶ Плетнева 2000, с. 218.
- ³⁰⁷ Яценко 2001, с. 22–24.
- ³⁰⁸ Яценко 2001, с. 110–111.
- ³⁰⁹ Приходнюк и др. 1991; Корзухина 1996.
- ³¹⁰ Красильников 1979, рис. 1, 9–10; Флёрова 1997, табл. VIII, 27, 56.
- ³¹¹ Плетнева 1967, с. 172–173.
- ³¹² Флёрова 2001, с. 43 и сл., 68–71.
- ³¹³ Зинько, Пономарев 2009, с. 72–73.
- ³¹⁴ Ибн ал-Асир 1940, с. 30–31.
- ³¹⁵ Ал-Куфи 1981, с. 49–50.
- ³¹⁶ Ибн ал-Асир 1940, с. 31–32.
- ³¹⁷ Артамонов 2002, с. 234.
- ³¹⁸ Ал-Куфи 1981, с. 50.
- ³¹⁹ Артамонов 2002, с. 234, 237.
- ³²⁰ Ал-Куфи 1981, с. 50–51.
- ³²¹ Новосельцев 1990, с. 185–187.
- ³²² Тортика 2006, с. 273–288.
- ³²³ Тортика 2006, с. 290–292.
- ³²⁴ Ал-Куфи 1981, с. 51–52.
- ³²⁵ Ал-Куфи 1981, с. 62.
- ³²⁶ Ал-Куфи 1981, с. 63.
- ³²⁷ Гевонд 1862, с. 92.
- ³²⁸ Артамонов 2002, с. 254.
- ³²⁹ Ал-Куфи 1981, с. 64.
- ³³⁰ Гевонд 1862, с. 93.
- ³³¹ Новосельцев 1990, с. 190.
- ³³² Летопись Картли 1982, с. 47.
- ³³³ Артамонов 2002, с. 261.
- ³³⁴ Ал-Куфи 1981, с. 69.

- ³³⁵ *Ибн ал-Асир* 1940, с. 34.
- ³³⁶ *Афанасьев* 2001, с. 52.
- ³³⁷ *Афанасьев* 2001, с. 52–53; *Коробов* 2009, с. 69–70.
- ³³⁸ *Коробов* 2009, с. 65.
- ³³⁹ *Крыганов* 2001, с. 347, 350.
- ³⁴⁰ *Аксенов* 2006, с. 74.
- ³⁴¹ *Крыганов* 2001, с. 347.
- ³⁴² *Плетнева* 2000, с. 28; *Аксенов* 2006, с. 74.
- ³⁴³ *Аксенов* 2006, с. 74–76.
- ³⁴⁴ *Крыганов* 2001, с. 349.
- ³⁴⁵ *Крыганов* 2001, с. 349.
- ³⁴⁶ *Крыганов* 2001, с. 349.
- ³⁴⁷ *Жиронкина и др.* 2002.
- ³⁴⁸ *Крыганов* 2001, с. 350–351.
- ³⁴⁹ *Крыганов* 2001, с. 351.
- ³⁵⁰ *ПВЛ* 1997, с. 73.
- ³⁵¹ *Комар* 2006а, с. 410–411.
- ³⁵² *ПВЛ* 1997, с. 74–75 и комментарий.
- ³⁵³ *ПВЛ* 1997, с. 309.
- ³⁵⁴ *Рябцевич* 1978, с. 85.
- ³⁵⁵ Обзор мнений см. *Винников* 2010, с. 192 и сл.
- ³⁵⁶ *Винников* 2010, с. 189–193.
- ³⁵⁷ *Винников* 2010, с. 207.
- ³⁵⁸ *Лопан* 2007, с. 264.
- ³⁵⁹ *Масуди* 1908, с. 36, 47–48 и комментарий.
- ³⁶⁰ *Плетнева* 2000, с. 103.
- ³⁶¹ *Ключников* 2009; *Ключников* 2012.
- ³⁶² *Плетнева* 2003, с. 94–95.
- ³⁶³ *Карташев*, глава «Иконоборческий собор 754 года».
- ³⁶⁴ *Феофан* 1884, с. 325–326.
- ³⁶⁵ *Продолжатель Феофана* 1990, с. 50.
- ³⁶⁶ *Карташев*, глава «Константиново гонение».
- ³⁶⁷ *Баранов* 1990, с. 108.
- ³⁶⁸ *Чхаидзе* 2008, с. 119.
- ³⁶⁹ *Плетнева* 2003, с. 95.
- ³⁷⁰ *Плетнева* 2000, с. 156–157.
- ³⁷¹ *Могаричев и др.* 2007, с. 142–144.
- ³⁷² *Баранов* 1990, с. 54, 62.
- ³⁷³ *Виноградов, Комар* 2010, с. 90 и сл.
- ³⁷⁴ *Артамонов* 2002, с. 264–265.
- ³⁷⁵ *Карташев*, глава «Иконоборчество».

- 376 Житие Иоанна Готского 1883.
377 Житие Иоанна Готского 1883.
378 *Карташев*, глава «Попытка открыть в 786 г. Вселенский собор».
379 *Карташев*, глава «Император Лев IV Хазар (775–780 гг.)».
380 Житие Иоанна Готского 1883.
381 *Могаричев и др.* 2007, с. 199.
382 Житие Иоанна Готского 1883.
383 Житие Константина 2000.
384 *Артамонов* 2002, с. 274–275.
385 ЭЕЭ, статья «Элдад ха-Дани».
386 *Элдад Данит* 2004, с. 23–32.
387 *Элдад Данит* 1874, с. 21, см. также примечание к слову «Козар».
388 *Элдад Данит* 2004, с. 33 и примечания.
389 Русский перевод переписки: *Коковцов* 1932.
390 *Хасдай ибн Шапрут* 1932.
391 Быт. 10:3.
392 *Артамонов* 2002, 134.
393 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 91–92.
394 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 92–93.
395 *Артамонов* 2002, с. 286.
396 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 93.
397 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 75–76.
398 *Новосельцев* 1990, с. 138–139.
399 *Новосельцев* 1990, с. 140.
400 *Новосельцев* 1990, с. 140.
401 *Константин Багрянородный* 1991, с. 172.
402 *Новосельцев* 1990, с. 141.
403 *Новосельцев* 1990, с. 136.
404 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 80–81.
405 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 76.
406 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 77.
407 Исх. 35:11–16.
408 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 78.
409 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 78–80.
410 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 80.
411 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 97.
412 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 80.
413 *Артамонов* 2002, с. 288.
414 Рус. пер. см.: *Коковцов* 1932; *Голб, Прицак* 2003.
415 *Коковцов* 1932. Предисловие, с. 26–36.
416 *Голб, Прицак* 2003, с. 117–119.

- 417 Кембриджский документ 1932, с. 113–116.
418 ЭЭЭ, статья «Прозелиты».
419 *Артамонов* 2002, с. 274.
420 *Галеви* 1932, с. 131–133.
421 *Артамонов* 2002, с. 285.
422 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 93.
423 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 93 и примечание.
424 *Галеви* 1932, с. 131–132.
425 *Цукерман* 2002, с. 530–532.
426 *Цукерман* 2002, с. 525.
427 Житие Константина 2000.
428 *Артамонов* 2002, с. 285.
429 *Новосельцев* 1990, с. 150.
430 *Артамонов* 2002, с. 288–289; *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 80.
431 *Масуди* 1908, с. 44.
432 *Масуди* 1908, с. 44.
433 *Масуди* 1908, с. 44–45.
434 *Масуди* 1908, с. 46.
435 *Масуди* 1908, с. 44.
436 *Ал-Истахри* 1901, с. 47.
437 *Артамонов* 2002, с. 47.
438 *Ибн Руста* 1869, с. 17.
439 *Масуди* 1908, с. 45.
440 ЭЭЭ, статья «Погребение».
441 ЭЭЭ, статья «Надгробие».
442 *Масловский* 2006, с. 124–125.
443 *Нидзельницкая, Ильяшенко* 2007, с. 202.
444 *Флёров, Флёрова* 2005, с. 191.
445 *Круглов* 2005, с. 372–373.
446 *Кравченко, Кульбака* 2010, с. 278–280.
447 *Афанасьев* 2001, с. 46; *Плетнева* 1989, рис. 61 (с.116).
448 *Плетнева* 1996, с. 28.
449 *Флёров, Флёрова* 2005, с. 192.
450 *Флёров, Флёрова* 2005, с. 193.
451 *Могаричев* 2009, с. 268, 270.
452 *Могаричев* 2009, с. 266–267.
453 ЭЭЭ, статья «Бар-Кохбы восстание».
454 *Кашовская, Кашаев* 2010, с. 291.
455 *Чхаидзе* 2008, с. 231.
456 *Майко* 2004, с. 214–215.
457 *Кашовская, Кашаев* 2010, с. 288.

- 458 Чхаидзе 2008, с. 233.
- 459 *Иерусалимская* 1992, с. 30–31.
- 460 *Ковалевская* 2005, с. 266 и сл.
- 461 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 80.
- 462 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 80.
- 463 *Артамонов* 2002, с. 332.
- 464 *Артамонов* 2002, с. 331; *Попов* 2009, с. 171; *Цукерман* 1997, с. 315.
- 465 *Артамонов* 2002, с. 343, 347.
- 466 *Константин Багрянородный* 1991, с. 159, 161.
- 467 *Константин Багрянородный* 1991, с. 159, 161, 163.
- 468 *Константин Багрянородный* 1991, с. 155.
- 469 *Константин Багрянородный* 1991, с. 163.
- 470 *Буранджич* 2005, с. 527.
- 471 *Эрдели* 1983, с. 176.
- 472 *Константин Багрянородный* 1991, с. 165, 167.
- 473 *Vinardžić* 1985, №№ 345–350, fig. 15, 20, 22 и др.
- 474 *Батиева* 2002, с. 99; *Буранджич* 2005, с. 522.
- 475 *Буранджич* 2005, с. 524–525.
- 476 *Буранджич* 2005, с. 529.
- 477 *Флёров* 1995, с. 445, 456; *Артамонов* 2002, с. 323.
- 478 *Плетнева* 2000, с. 107.
- 479 *Флёров* 1995, с. 474, 486.
- 480 *Флёров* 1995, с. 485, 486.
- 481 *Флёров* 1995, с. 478, 479.
- 482 *Артамонов* 2002, с. 324.
- 483 *Артамонов* 2002, с. 324; *Флёров* 1995, с. 487.
- 484 *Артамонов* 2002, с. 324–325; *Флёров* 1995, с. 485.
- 485 *Артамонов* 2002, с. 324; *Флёров* 1995, с. 487.
- 486 *Флёров* 1995, с. 487.
- 487 *Ларенок, Семенов* 1999.
- 488 *Флёров* 2001, с. 58, 60–62, 67.
- 489 *Ал-Истахри* 1901, с. 41.
- 490 *Флёров* 2001, с. 68.
- 491 *Флёров* 2001, с. 64–65.
- 492 *Константин Багрянородный* 1991, с. 165; *Артамонов* 2002, с. 350–351.
- 493 *Ибн Руста* 1869, с. 27.
- 494 *Константин Багрянородный* 1991, с. 155.
- 495 *Константин Багрянородный* 1991, с. 157.
- 496 *Ибн Фадлан* 1956, с. 130.
- 497 *Константин Багрянородный* 1991, с. 171.
- 498 *Константин Багрянородный* 1991, с. 45.

- 499 *Константин Багрянородный* 1991, с. 39.
- 500 Бертинские анналы 1989, с. 10–11.
- 501 *Тортика* 2006, с. 380–382.
- 502 *Артамонов* 2002, с. 369; *Седов* 2001, с. 7; критику см.: *Петрухин* 2005, с. 71 и сл.
- 503 *Новосельцев* 1990, с. 207–208.
- 504 *Петрухин, Раевский* 2004, с. 249–257.
- 505 *Константин Багрянородный* 1991, с. 46 и комментарий.
- 506 *Масуди* 1963, с. 198 и комментарий.
- 507 *Петрухин* 2005, с. 71.
- 508 *Ибн Фадлан* 1956, с. 142, 146.
- 509 *Ибн Руста* 1869, с. 39–40.
- 510 *Фотий ОП* 2000, с. 75.
- 511 *Фотий Г2* 2000, с. 58.
- 512 *Иоанн Диакон* 2010, с. 53–54.
- 513 ПВЛ 1997, с. 77.
- 514 *Ибн Руста* 1869, с. 34–39.
- 515 *Ибн Руста* 1869, с. 31.
- 516 *Сухобокос* 1975.
- 517 *Кирпичников* 1966, вып. 1, с. 22.
- 518 *Ибн Фадлан* 1956, с. 141.
- 519 См. фотографии и прорисовки мечей в книге *Петерсен* 2005.
- 520 *Мерперт* 1955.
- 521 *Кузьмин* 2001; *Кузьмин* 2008.
- 522 ПВЛ 1997, с. 75.
- 523 ПВЛ 1997, с. 79.
- 524 ПВЛ 1997, с. 67.
- 525 *Масуди* 1963, с. 194.
- 526 *Голб, Прицак* 2003, с. 75; *Бубенок, Радивилов* 2004, с. 9–10.
- 527 *Титмар* 2010, с. 76.
- 528 *Константин Багрянородный* 1991, с. 45 и комментарий.
- 529 *Голб, Прицак* 2003, с. 75 и коммент. В. Я. Петрухина на стр. 209; *Петрухин* 2005, с. 87.
- 530 ПВЛ 1997, с. 69.
- 531 *Вернадский; Измайлов* 2002; *Петрухин* 2009, с. 211.
- 532 *Голб, Прицак* 2003, с. 36 и комментарий на с. 201.
- 533 ПВЛ 1997, с. 308; *Петрухин* 2005, с. 87.
- 534 ПВЛ 1997, с. 79.
- 535 ПВЛ 1997, с. 69.
- 536 ПВЛ 1997, с. 73.
- 537 ПВЛ 1997, с. 75.

- 538 ПВЛ 1997, с. 77.
- 539 ПВЛ 1997, с. 77–79.
- 540 *Константин Багрянородный* 1991, с. 51.
- 541 *Константин Багрянородный* 1991, с. 51 и комментарий.
- 542 *Артамонов* 2002, с. 306, 373.
- 543 *Константин Багрянородный* 1991, с. 171–173.
- 544 *Афанасьев* 2001, с. 48–51.
- 545 *Винников* 2006, с. 28–32; *Плетнева* 1976, с. 46.
- 546 *Плетнева* 2000, с. 219–220; *Эрдаль* 2005, с. 125–126.
- 547 *Константин Багрянородный* 1991, комментарий на с. 369.
- 548 *Константин Багрянородный* 1991, с. 171.
- 549 *Константин Багрянородный* 1991, с. 171–173.
- 550 *Продолжатель Феофана* 1990, с. 56.
- 551 *Константин Багрянородный* 1991, с. 173.
- 552 *Цукерман* 1997, с. 315.
- 553 *Артамонов* 2002, с. 307.
- 554 *Ал-Идриси* 2006, с. 110–111.
- 555 *Ал-Истахри* 1901, с. 41.
- 556 *Плетнева* 2006, с. 17.
- 557 *Раппопорт* 1959, с. 38.
- 558 *Плетнева* 2003, с. 68.
- 559 *Артамонов* 1958, с. 22.
- 560 *Артамонов* 1958, с. 30–31.
- 561 *Плетнева* 2006, с. 39.
- 562 *Раппопорт* 1959, с. 14.
- 563 *Артамонов* 1958, с. 30–36.
- 564 *Раппопорт* 1959, с. 37–38; *Артамонов* 1958, с. 23.
- 565 *Артамонов* 2002, с. 315.
- 566 *Артамонов* 2002, с. 321, 322.
- 567 *Плетнева* 2006, с. 18–22.
- 568 Обзор см.: *Афанасьев* 2011.
- 569 *Афанасьев* 2011, с. 109–111.
- 570 *Афанасьев* 2011, с. 110.
- 571 Обзор см.: *Афанасьев* 2011, с. 111.
- 572 *Цукерман* 1997, с. 314–315.
- 573 *Константин Багрянородный* 1991, с. 171.
- 574 *Артамонов* 2002, с. 306.
- 575 *Айбабин* 1999, с. 220.
- 576 *Константин Багрянородный* 1991, с. 173.
- 577 *Науменко* 1998, с. 696; *Науменко* 2002, с. 550.
- 578 *Константин Багрянородный* 1991, с. 175.

- 579 *Артамонов* 2002, с. 311.
- 580 *Науменко* 2002, с. 550–551.
- 581 *Артамонов* 2002, с. 311–312; *Мозгаричев и др.* 2007, с. 217.
- 582 *Айбабин* 1999, с. 222.
- 583 *Гардизи* 1973, с. 57.
- 584 *Ал-Истахри* 1901, с. 51.
- 585 *Ибн Фадлан* 1956, с. 146.
- 586 *Ал-Истахри* 1901, с. 53.
- 587 *Ибн Фадлан* 1956, с. 146.
- 588 *Ал-Истахри* 1901, с. 53.
- 589 *Ибн Фадлан* 1956, с. 146.
- 590 *Ал-Истахри* 1901, с. 51.
- 591 *Ибн Фадлан* 1956, с. 146.
- 592 *Масуди* 1908, с. 46.
- 593 *Ибн Фадлан* 1956, с. 146.
- 594 *Ибн Фадлан* 1956, с. 147.
- 595 *Ал-Истахри* 1901, с. 51–53.
- 596 *Ибн Фадлан* 1956, с. 147.
- 597 *Масуди* 1908, с. 46.
- 598 *Ибн Фадлан* 1956, с. 147.
- 599 *Ибн Фадлан* 1956, с. 146–147.
- 600 *Ал-Истахри* 1901, с. 53.
- 601 *Ал-Истахри* 1901, с. 51.
- 602 *Масуди* 1908, с. 47.
- 603 *Ал-Истахри* 1901, с. 53.
- 604 *Масуди* 1908, с. 43.
- 605 *Иосиф* краткая редакция 1932, с. 84–85.
- 606 *Ал-Бекри* 1879, с. 60–61.
- 607 *Масуди* 1908, с. 44.
- 608 *Гардизи* 1973, с. 57.
- 609 *Ибн Хаукаль* 1908, с. 108.
- 610 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 102.
- 611 *Артамонов* 2002, с. 394.
- 612 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 102 и примечание.
- 613 *Ибн Хаукаль* 1908, с. 108.
- 614 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 102–103.
- 615 *Гардизи* 1973, с. 57.
- 616 *Ал-Истахри* 1901, с. 45.
- 617 *Городище Самосделка* описано по работам: *Зиливинская, Васильев* 2006; *Зиливинская и др.* 2006; *Зиливинская* 2010.
- 618 *Гардизи* 1973, с. 57.

- ⁶¹⁹ *Ибн Хаукаль* 1908, с. 115.
- ⁶²⁰ *Ибн Хордадбех* 1870, с. 48.
- ⁶²¹ *Хасдай ибн Шапрут* 1932, с. 58.
- ⁶²² *Плетнева* 2000, с. 89–90.
- ⁶²³ Обзор торговых путей дан по: *Новосельцев* 1990, с. 114–117; *Тортика* 2006, с. 187–188.
- ⁶²⁴ *Якубовский* 1926, с. 85.
- ⁶²⁵ *Айбабин* 1999, с. 222.
- ⁶²⁶ *Якубовский* 1926, с. 83–84; *Чхаидзе* 2008, с. 274–275.
- ⁶²⁷ *Плетнева* 1996, с. 150.
- ⁶²⁸ *Иерусалимская* 1992, с. 7; Открытие новой постоянной экспозиции «Мошевая Балка. Памятник на Северокавказском шелковом пути» (сайт Государственного Эрмитажа, http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/11/2007/hm11_5_50.html).
- ⁶²⁹ *Иерусалимская* 1992, с. 6–7.
- ⁶³⁰ *Мамлеева* 1999.
- ⁶³¹ *Быков* 1974, с. 47–69; *Петрухин, Флёров* 2010, с. 159.
- ⁶³² *Худяков* 2007, с. 54, 56–57.
- ⁶³³ *Худяков* 2007, с. 50–54.
- ⁶³⁴ *Иванов* 2002, с. 38.
- ⁶³⁵ *Магомедов* 1983, с. 78–79.
- ⁶³⁶ *Багаутдинов и др.* 1998, с. 224.
- ⁶³⁷ *Иванов* 2002, с. 38; *Магомедов* 1983, с. 78–79.
- ⁶³⁸ *Комар, Сухобоков* 2000.
- ⁶³⁹ *Худяков* 1986, с. 158–159.
- ⁶⁴⁰ *Комар, Сухобоков* 2000, рис. 4, 7.
- ⁶⁴¹ *Крыганов* 1987; *Комар, Сухобоков* 2000.
- ⁶⁴² *Крыганов* 1987.
- ⁶⁴³ *Комар, Сухобоков* 2000, рис. 4.
- ⁶⁴⁴ *Магомедов* 1983, с. 79.
- ⁶⁴⁵ *Савин, Семенов* 2008, стр. 293.
- ⁶⁴⁶ *Комар, Сухобоков* 2000.
- ⁶⁴⁷ *Худяков* 1986, с. 156.
- ⁶⁴⁸ *Мерперт* 1955, с. 134; *Комар, Сухобоков* 2000.
- ⁶⁴⁹ *Комар, Сухобоков* 2000, рис. 4, 1.
- ⁶⁵⁰ *Иванов* 1999, с. 30, 101; *Комар, Сухобоков* 2000.
- ⁶⁵¹ *Мерперт* 1955, с. 139.
- ⁶⁵² *Комар, Сухобоков* 2000.
- ⁶⁵³ *Худяков* 2007, с. 50–54.
- ⁶⁵⁴ *Комар, Сухобоков* 2000.
- ⁶⁵⁵ *Комар, Сухобоков* 2000.

- 656 *Пьянков, Тарабанов* 2008, с. 282–283, рис. 3.
657 *Комар, Сухобоков* 2000, рис. 4.
658 *Комар, Сухобоков* 2000.
659 *Худяков* 1986, с. 157–158.
660 *Комар, Сухобоков* 2000.
661 *Крыганов* 1987а.
662 *Комар, Сухобоков* 2000.
663 *Кирпичников* 1966, вып. 2, с. 59.
664 *Гевонд* 1862, с. 72.
665 *Ибн Руста* 1869, с. 19.
666 *Заходер* 1962, с. 220.
667 *Гардизи* 1973, с. 57.
668 *Комар* 2005.
669 *Аксенов* 1998, с. 39–40.
670 *Комар, Сухобоков* 2000.
671 *Аксенов* 1998, с. 50.
672 *Ибн Хаукаль* 1908, с. 108–109.
673 *Масуди* 1908, с. 45.
674 *Гардизи* 1973, с. 57.
675 *Ибн Руста* 1869, с. 18.
676 *Заходер* 1962, с. 155–156.
677 *Масуди* 1908, с. 45.
678 *Заходер* 1962, с. 156.
679 *Заходер* 1962, с. 222.
680 *Ибн Фадлан* 1956, с. 147.
681 *Магомедов* 1983, с. 51, 175.
682 *Магомедов* 1983, с. 180.
683 *Магомедов* 1983, с. 29, 34–36.
684 *Магомедов* 1983, с. 39, 42–44, 191.
685 *Магомедов* 1983, с. 179.
686 *Магомедов* 1983, с. 39.
687 *Артамонов* 2002, с. 196.
688 *Магомедов* 1983, с. 50.
689 *Баранов* 1990, с. 54–62.
690 *Магомедов* 1983, с. 41.
691 *Винников* 2006, с. 18.
692 *Винников* 2006, с. 26.
693 *Баранов* 1990, с. 57, 58.
694 *Баранов* 1990, с. 61.
695 *Vitr.*, I.5.2.
696 *Ибн Фадлан* 1956, с. 140–141.

- 697 Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. — Л., 1939. Комментарий на с. 171.
- 698 *Ибн Фадлан* 1956, с. 148.
- 699 *Ибн Фадлан* 1956, с. 121.
- 700 *Артамонов* 2002, с. 422.
- 701 *Ибн Фадлан* 1956, с. 126.
- 702 *Ибн Фадлан* 1956, с. 129.
- 703 *Ибн Фадлан* 1956, с. 129–130.
- 704 *Константин Багрянородный* 1991, с. 53.
- 705 *Феофан* 1980, с. 65–66.
- 706 *Константин Багрянородный* 1991, с. 53 и комментарий
- 707 Кембриджский документ 1932, с. 116–117.
- 708 *Артамонов* 2002, с. 365.
- 709 Кембриджский документ 1932, с. 117.
- 710 *Масуди* 1908, с. 53.
- 711 *Масуди* 1908, с. 54.
- 712 ПВЛ 1997, с. 93–97.
- 713 ПВЛ 1997, с. 83–85.
- 714 ПВЛ 1997, с. 95.
- 715 ПВЛ 1997, с. 97.
- 716 *Масуди* 1908, с. 47–49.
- 717 *Якубовский* 1926, с. 69.
- 718 Критику этой теории: *Новосельцев* 1990, с. 218.
- 719 *Артамонов* 2002, с. 373; *Новосельцев* 1990, с. 212; *Семенов* 2005, с. 327.
- 720 *Иосиф* пространная редакция 1932, с. 102.
- 721 Кембриджский документ 1932, с. 117–118 и примечание.
- 722 Критику см.: *Новосельцев* 1990, с. 216–217.
- 723 *Артамонов* 2002, с. 380–382.
- 724 *Голб, Прицак* 2003, с. 169.
- 725 *Якубовский* 1926, с. 65.
- 726 *Тортика* 2006, с. 200.
- 727 ПВЛ 1997, с. 107–109.
- 728 ПВЛ 1997, с. 113.
- 729 *Лев Диакон* 1988, с. 56.
- 730 *Лев Диакон* 1988, с. 82.
- 731 ПВЛ 1997, с. 113.
- 732 ПВЛ 1997, с. 115.
- 733 ПВЛ 1997, с. 117.
- 734 ПВЛ 1997, с. 117.
- 735 ПВЛ 1997, с. 121.

- ⁷³⁶ ПВЛ 1997, с. 123.
⁷³⁷ ПВЛ 1997, с. 113–115.
⁷³⁸ ПВЛ 1997, с. 115.
⁷³⁹ *Артамонов* 2002, с. 428–429.
⁷⁴⁰ *Новосельцев* 1990, с. 166, примечание 443.
⁷⁴¹ Обзор мнений см.: *Новосельцев* 1990, с. 222–225.
⁷⁴² *Новосельцев* 1990, с. 225–231.
⁷⁴³ *Ибн ал-Асир* 1940, с. 107–108.
⁷⁴⁴ *Новосельцев* 1990, с. 227.
⁷⁴⁵ *Калинина* 1976, с. 91.
⁷⁴⁶ *Ибн Хаукаль* 2009, с. 94.
⁷⁴⁷ ПВЛ 1997, с. 121.
⁷⁴⁸ *Новосельцев* 1990, с. 229–230.
⁷⁴⁹ *Ибн ал-Асир* 1940, с. 108.
⁷⁵⁰ *Новосельцев* 1990, с. 230.
⁷⁵¹ ПВЛ 1997, под 986 годом.
⁷⁵² ПВЛ 1997, с. 133.
⁷⁵³ ПВЛ 1997.
⁷⁵⁴ ПВЛ 1997, под 1117 годом.
⁷⁵⁵ ПВЛ 1997, с. 315.
⁷⁵⁶ *Винников, Синюк* 2003, с. 220–221.
⁷⁵⁷ *Новосельцев* 1990, с. 230–231.
⁷⁵⁸ ПВЛ 1997, под 986 годом.
⁷⁵⁹ ПВЛ 1997, с. 133.
⁷⁶⁰ ПВЛ 1997, с. 191.
⁷⁶¹ ПВЛ 1997, с. 241.
⁷⁶² *Бобровский, Чуева* 2008, с. 286–287.
⁷⁶³ *Илларион* 1997.
⁷⁶⁴ *Высоцкий* 1966, с. 52.
⁷⁶⁵ *Илья Муромец*. М. — Л., 1958, № 22.
⁷⁶⁶ *Былины: В 25 т. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России*. СПб., 2004. № 196.
⁷⁶⁷ *Бейдер* 2010, с. 367.
⁷⁶⁸ *Федорчук* 2006, с. 82–88.
⁷⁶⁹ *Магомедов* 1983, с. 195.
⁷⁷⁰ *Лебедев, Зорин* 2009, с. 580–581.

Библиография

Ann. Marc. — *Аммиан Марцеллин*. Римская история. Пер.: Ю. А. Кулаковский, А. И. Сонни. М., 2005.

Jord. Get. — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Пер.: Е. Ч. Скржинская. СПб., 1997.

Vitr. — *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. Пер.: А. Ф. Петровский. М., 1936.

Агафий 1950 — Избранные отрывки из «Истории» Агафия Миринейского. Известия Агафия Миринейского о Лазике и Кавказе. Пер.: М. В. Левченко // Византийский временник. Том 3 (28). М. — Л., 1950.

Айбабин 1999 — *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Аксенов 1998 — *Аксенов В. С.* Об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник Харк. держ. ун-ту. Сер. Історія. Вып. 30. 1998.

Аксенов 2006 — *Аксенов В. С.* Форпост Верхний Салтов // Восточная коллекция, 2006, № 2.

Ал-Бекри 1879 — Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах // Записки Императорской Академии Наук. Том 32. Приложение № 2. СПб., 1879.

Ал-Идриси 2006 — *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.

Аликберов 2010 — *Аликберов А. К.* Ранние хазары (до 652/3 г.), тюрки и Хазарский каганат // *Хазары: миф и история.* М. — Иерусалим, 2010.

Ал-Истахри 1901 — *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: I. Ал-Истахрий // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Вып. 29. Тифлис, 1901.

Ал-Куфи 1981 — *Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи.* Книга завоеваний. Пер.: З. М. Буниятов. Баку, 1981.

Артамонов 1954 — *Артамонов М. И.* Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // *Советская археология.* Вып. 19. М., 1954.

Артамонов 1958 — *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции.* Том I (Материалы и исследования по археологии СССР, № 62). М. — Л., 1958.

Артамонов 2002 — *Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002.

Афанасьев 2001 — *Афанасьев Г. Е.* Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // *Российская археология,* 2001, № 2.

Афанасьев 2011 — *Афанасьев Г. Е.* Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // *Российская археология,* 2011, № 3.

Багаутдинов и др. 1998 — *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

Багаутдинов, Зубов 1998 — *Багаутдинов Р. С., Зубов С. Э.* Воинский комплекс шиловских костяных пластин // *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе.* СПб., 1998.

Баранов 1990 — *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Баранов, Майко 2001 — *Баранов И. А., Майко В. В.* Тюркское святилище Сугдеи // *Российская археология,* 2001, № 3.

Бартольд 1973 — *Бартольд В. В.* Введение к изданию Худуд ал-алам // *Бартольд В. В. Сочинения.* Том VIII. Работы по источниковедению. М., 1973.

Батиева 2002 — *Батиева Е. Ф.* Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // *Донская археология,* 2002, № 3–4.

Безуглов 2007 — *Безуглов С. И.* О монете из Большой Орловки (к оценке датирующих возможностей) // Средневековые древности Дона (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2). М. — Иерусалим, 2007.

Безуглов, Науменко 1999 — *Безуглов С. И., Науменко С. А.* Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология, 1999, № 1.

Бейдер 2010 — *Бейдер А.* Язык, имена и фамилии евреев Восточной Европы: существует ли хазарский след? // Хазары: миф и история. М. — Иерусалим, 2010.

Бертинские анналы 1989 — Бертинские анналы. Пер.: М. Б. Свердлов // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. I. Середина IX — первая половина XII в. М., 1989.

Биджиев 1983 — *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я. [Иакинф].* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950.

Бобровский, Чуева 2008 — *Бобровский Т. А., Чуева Е. Е.* Спелео-археологические исследования 2006 года на территории Бахчисарайского Свято-Успенского монастыря // Сугдейский сборник. Вып. 3. Киев — Судак, 2008.

Бубенок, Радивилов 2004 — *Бубенок О. Б., Радивилов Д. А.* Народ ал-арсийа в Хазарии // Хазарский альманах. Том 2. Киев — Харьков — М., 2004.

Бунарджич 2005 — *Бунарджич Р.* Челарево — некрополь и поселение VIII–IX веков // Хазары. Иерусалим — М., 2005.

Быков 1974 — *Быков А. А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. М., 1974.

Вернадский — *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. По электронной версии: <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv1.htm>.

Винников 2006 — *Винников А. З.* Хазарская крепость на Тихой Сосне. Воронеж, 2006.

Винников 2010 — *Винников А. З.* Донские славяне и алано-болгарский мир: мирное сосуществование или противостояние // Хазары: миф и история. М. — Иерусалим, 2010.

Винников, Афанасьев 1991 — *Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.

Винников, Плетнева 1998 — *Винников А. З., Плетнева С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

Винников, Синюк 2003 — *Винников А. З., Синюк А. Т.* Дорогами тысячелетий. Воронеж, 2003.

Виноградов, Комар 2010 — *Виноградов А. Ю., Комар А. В.* Строительная надпись хагана и тудуна из Горного Крыма. Republicatio et reconsideratio // Хазары: миф и история. М. — Иерусалим, 2010.

Высоцкий 1966 — *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.

Гадло 1979 — *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа. IV—X вв. Л., 1979.

Галеви 1932 — Из «Хазарской книги» Иехуды Галеви // *Кокцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Гардизи 1973 — Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.» // *Бартольд В. В.* Сочинения. Том VIII. Работы по источниковедению. М., 1973.

Гевонд 1862 — История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. СПб., 1862.

Голб, Прицак 2003 — *Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы X века. Иерусалим — М., 2003.

Гумилев 1961 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. VI—VIII вв. Автореферат диссертации... доктора исторических наук. Л., 1961.

Гумилев 1964 — *Гумилев Л. Н.* Хазария и Терек (Ландшафт и этнос). Вестник Ленинградского университета. 1964, № 24 (Серия географии и геологии, вып. 4).

Гумилев 1989 — *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилев 1993 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1993.

Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Том I. Арабские источники VII—X вв. М.—Л., 1960.

Евстафий. Комментарии к «“Землеописанию” Дионисия». Пер.: И. П. Цветков / *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, 1948, № 1.

Жиронкина и др. 2002 — *Жиронкина О. Ю., Крыганов А. В., Цитковская Ю. И.* Исследования Нетайловского могильника в 1994 году // Восточноевропейский археологический журнал, 2002, № 1 (14) (http://archaeology.kiev.ua/journal/010102/zhironkina_kryganov_tsitkovskaya.htm).

Житие Иоанна Готского 1883 — Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии. Пер.: А. Никитский // Записки Одесского общества истории и древностей. Том XIII. 1883.

Житие Константина 2000 — Житие и жизнь и подвиги, иже во святых отца нашего Константина Философа, первого наставника и учителя славянского народа. Пер.: Б. Н. Флоря // Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000.

Житие святого отца нашего Феофана Исповедника (В изложении святителя Димитрия Ростовского).

Записка 1908 — *Вестберг Ф.* Записка готского топарха // Византийский временник. Том 15. 1908.

Заходер 1962 — *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. [Том I.] Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.

Зиливинская 2010 — *Зиливинская Э. Д.* О связях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в хазарское время // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа (XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Магас, 2010.

Зиливинская и др. 2006 — *Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю.* Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология, 2006, № 4.

Зиливинская, Васильев 2006 — *Зиливинская Э., Васильев Д.* Городище в дельте Волги // Восточная коллекция, 2006, № 2.

Зинько, Пономарев 2009 — *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь — Керчь, 2009.

Ибн ал-Асир 1940 — Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Пер.: П. К. Жузе. Баку, 1940.

Ибн Руста 1869 — *Хвольсон Д. А.* Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Да-

ста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869.

Ибн Фадлан 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

Ибн Хаукаль 1908 — *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: IX. Ибн-Хаукаль // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.

Ибн Хаукаль 2009 — *Ибн Хаукал.* Книга путей и стран. Пер.: Т. М. Калинина // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том III. Восточные источники. М., 2009.

Ибн Хордадбех 1870 — *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.

Иванов 1999 — *Иванов А. А.* Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Дисс.... кандидата исторических наук. Волгоград, 1999.

Иванов 2002 — *Иванов А. А.* О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Хазарский альманах. Том 1. Харьков, 2002.

Иванов 2005 — *Иванов С. А.* Древнеармянское житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Иерусалим — М., 2005.

Иерусалимская 1992 — *Иерусалимская А. А.* Кавказ на Шелковом пути. СПб., 1992.

Измайлов 2002 — *Измайлов И.* Гадание на кофейной гуще как метод историко-филологической реконструкции дилетантов // Эхо веков, 2002, № 1—2.

Илларион 1997 — *Илларион*, митр. Слово о законе и благодати. Пер.: А. Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997.

Иоанн Диакон 2010 — *Иоанн Диакон.* Венецианская хроника. Пер.: А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники. М., 2010.

Иосиф краткая редакция 1932 — Ответное письмо хазарского царя Иосифа (краткая редакция) // *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Иосиф пространная редакция 1932 — Ответное письмо хазарского царя Иосифа (пространная редакция) // *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Калинина 1976 — *Калинина Т. М.* Сведения Ибн Хаукаля о походе Руси времен Святослава // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.* 1975. М., 1976.

Калинина 2010 — *Калинина Т. М.* Три стадии существования и падение Хазарского каганата // *Хазары: миф и история.* М. — Иерусалим, 2010.

Карташев — *Карташев А. В.* Вселенские соборы. Электронная версия: http://azbyka.ru/dictionary/03/kartashev_vselenskie_sobory_01-all.shtml.

Кашовская, Кашаев 2010 — *Кашовская Н. В., Кашаев С. В.* Иудаизм на Боспоре: археологический контекст // *Хазары: миф и история.* М. — Иерусалим, 2010.

Кембриджский документ 1932 — Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века («Кембриджский документ») // *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. М., 1966.

Клейн и др. 1972 — *Клейн Л. С., Раев Б. А., Семёнов А. И., Субботин А. В.* Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // *Археологические открытия 1971 года.* М., 1972.

Ключников 2009 — *Ключников В. В.* Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сб. статей по материалам XII международной научной конференции.* Ростов-на-Дону, 2009.

Ключников 2012 — *Ключников В. В.* Золотые Горки — памятник эпохи раннего средневековья на Нижнем Дону // *Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории (к 70-летию профессора А. А. Кудрявцева).* Ставрополь, 2012.

Кляшторный 1965 — *Кляшторный С. Г.* Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // *Новое в советской археологии (Материалы и исследования по археологии СССР. № 130).* М., 1965.

Кляшторный 2003 — *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный, Илюков 1993 — *Кляшторный С. Г., Илюков Л. С.* Рунические граффити из раннесредневекового кочевнического погребения в долине р. Сал // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993.

Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Ковалевская 2005 — *Ковалевская В. Б.* Возникновение местного производства стеклянных бус на Кавказе (к вопросу об алано-хазарских взаимоотношениях) // Хазары. Иерусалим — М., 2005.

Коковцов 1932 — *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Комар 2005 — *Комар А. В.* Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев — Судак, 2005.

Комар 2006а — *Комар А. В.* Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Донецк, 2006.

Комар, Сухобоков 2000 — *Комар А. В., Сухобоков О. В.* Вооружение и военное дело Хазарского каганата. Интернет-публикация: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm

Константин Багрянородный 1991 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.

Корзухина 1996 — *Корзухина Г. Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Вып. 5. Симферополь, 1996.

Коробов 2009 — *Коробов Д. С.* К вопросу о расселении аланских племен Северного Кавказа по данным археологии и письменным источникам // Российская археология, 2009, № 1.

Корсунский, Гюнтер 1984 — *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

Кравченко, Кульбака 2010 — *Кравченко Э. Е., Кульбака В. К.* Погребение хазарского времени из Мариуполя // Хазары: миф и история. М. — Иерусалим, 2010.

Красильников 1979 — *Красильников К. И.* Изделия из кости салтовской культуры // Советская археология, 1979, № 2.

Красильников, Руденко 1981 — *Красильников К. П., Руденко А. А.* Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое // Советская археология, 1981, № 2.

Круглов 2005 — *Круглов Е. В.* О культурно-хронологической атрибуции кургана 27 Царевского могильника // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Донецк, 2005.

Крыганов 1987 — *Крыганов А. В.* Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII—X вв. Дисс... кандидата исторических наук. Харьков, 1987 (использованы фрагменты с сайта <http://step-ta-voliy.narod.ru>).

Крыганов 1987а — *Крыганов А. В.* Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // Советская археология, 1987, № 2.

Кудам 1903 — *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: IV. Кудам // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Тифлис, 1903.

Кудрявцев 1982 — *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982.

Кузенков 2003 — *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003.

Кузьмин 2001 — *Кузьмин С. Л.* Рождение Северо-Западной Руси: демогенез и культуругенез // Пятые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 декабря 2000 г.). 2001.

Кузьмин 2008 — *Кузьмин С. Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII вв.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008.

Кызласов 1994 — *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

Кюн 1961 — *Кюн И. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Ларенок, Семенов 1999 — *Ларенок П. А., Семенов А. И.* Саркел, Саркел, еще Саркел // Донская археология, 1999, № 3–4.

Лебедев, Зорин 2009 — *Лебедев В. П., Зорин А. В.* Денежное обращение на территории курских северян в IX—X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Донецк, 2009.

Лев Диакон 1988 — *Лев Диакон*. История. Пер.: М. М. Копыленко. М., 1988.

Летопись Картли 1982 — Летопись Картли. Пер.: Г. В. Сулая. Тбилиси, 1982.

Магомедов 1980 — *Магомедов М. Г.* Крепостные сооружения Хазарии // Древние и средневековые памятники Дагестана (Материалы по археологии Дагестана. Вып. 9), 1980.

Магомедов 1983 — *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.

Майко 2004 — *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X — начале XI вв. // Сугдейский сборник. [Вып. 1.] Киев — Судак, 2004.

Мамлеева 1999 — *Мамлеева Л. А.* Становление Великого шелкового пути в системе трансквилизационного взаимодействия народов Евразии // *Vita Antiqua*, 1999, № 2.

Мартин 1991 — *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. К XVIII международному конгрессу византинистов. М., 1991.

Масловский 2006 — *Масловский А. Н.* Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. (Вып. 22). Азов, 2006.

Масуди 1908 — *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: VIII. Мас'уди // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.

Масуди 1963 — Мас'уди о Кавказе. Пер.: С. Г. Микаэлян // *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963.

Мерперт 1955 — *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // Советская археология. Вып. 23. 1955.

Михайлов 1955 — *Михайлов Стамен*. Дворцовата църква в Плиске. Известия на археологическия институт. Българска академия на науките. Отделение за история, археология и философия. XX. София, 1955.

Мовсес Каланкатуацци 1984 — *Мовсес Каланкатуацци*. История страны Алуанк. Пер.: Ш. В. Смбатян. Ереван, 1984.

Мовсес Хоренаци 1990 — *Мовсес Хоренаци*. История Армении. Пер.: Г. Саркисян. Ереван, 1990 (по электронной версии: <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/khorenaci/index.html>).

Могаричев 2009 — *Могаричев Ю. М.* Новые материалы по истории еврейской диаспоры позднеантичного — раннесредневекового Боспора // *Хазарский альманах*. Том 8. Киев, 2009.

Могаричев и др. 2007 — *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Могаричев, Сазанов 2005 — *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В.* К вопросу о хазарах на Боспоре в конце VII — начале VIII в. // *Боспорский феномен* — 2005. СПб., 2005.

Надписи в честь героев. Пер.: А. Преловский // *Эхо веков*, 1996, № 1/2.

Народы — Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998.

Науменко 1998 — *Науменко В. Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // *Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии*. Вып. 6. Симферополь, 1998.

Науменко 2002 — *Науменко В. Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. 12. Магнитогорск, 2002.

Науменко 2004 — *Науменко В. Е.* К вопросу об образовании Хазарского каганата // *Хазарский альманах*. Том 2. Киев — Харьков — М., 2004.

Нидзельницкая, Ильяшенко 2007 — *Нидзельницкая Л. Ю., Ильяшенко С. М.* Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // *Средневековые древности Дона (Материалы и исследования по археологии Дона*. Вып. 2). М. — Иерусалим, 2007.

Никифор 1950 — Никифора патриарха Константинопольского Краткая история после царствования Маврикия [Бревиарий]. Пер.: Е. Э. Липшиц // *Византийский современник*. Том 3 (28). М. — Л., 1950.

Новосельцев 1990 — *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Обращение 2005 — Обращение Грузии. Пер.: Е. С. Такайшвили. Тбилиси, 1989.

Патканов 1883 — *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения, № 226, 1883.

ПВЛ 1997 — Повесть временных лет. Пер.: О. В. Творогов // Библиотека литературы Древней Руси. Том 1: XI—XII века. СПб., 1997.

Петерсен 2005 — *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. СПб., 2005.

Петрухин 2005 — *Петрухин В. Я.* Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Иерусалим — М., 2005.

Петрухин 2009 — *Петрухин В. Я.* Хазария, Русь и славяне: становление городской сети и контроль над международными коммуникациями // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сб. статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2009.

Петрухин, Раевский 2004 — *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004.

Петрухин, Флёров 2010 — *Петрухин В., Флёров В.* Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. Том 1. От древности до раннего нового времени. Иерусалим — М., 2010.

Пигулевская 1939 — *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории, 1939, № 1.

Плетнева 1967 — *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.

Плетнева 1976 — *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976.

Плетнева 1989 — *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Плетнева 1996 — *Плетнева С. А.* Саркел и «Шелковый путь». Воронеж, 1996.

Плетнева 2000 — *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М. — Иерусалим, 2000.

Плетнева 2003 — *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV—XIII века). Воронеж, 2003.

Плетнева 2006 — *Плетнева С. А.* Древнерусский город в кочевой степи. М., 2006.

Попов 2009 — *Попов П. В.* Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // *Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Донецк, 2009.*

Потомки хана Кубрата. Материалы к археологической выставке. Самара, 2001.

Поэзия древних тюрков // *Эхо веков, 1998, № 1/2.*

Приск 1860 — *Дестунис С.* Сказания Приска Панийского // *Ученые записки второго отделения императорской академии наук. Книга VIII, вып. 1. СПб., 1861.*

Приходнюк и др. 1991 — *Приходнюк О. М., Шовкопляс А. М., Ольговский С. Я., Струина Т. А.* Мартыновский клад // *Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Вып. 2. Симферополь, 1991.*

Продолжатель Феофана 1990 — *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Пер.: Я. Н. Любарский. М., 1992.*

Прокопий 1996 — *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. Пер.: С. П. Кондратьев. М., 1996.

Пьянков, Тарабанов 2008 — *Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // *Древности Юга России. М., 2008.*

Раппопорт 1959 — *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II (Материалы и исследования по археологии СССР. № 75). М. — Л., 1959.*

Савин, Семенов 2008 — *Савин А. М., Семенов А. И.* О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.*

Савинов 1984 — *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Седов 2001 — *Седов В. В.* К этногенезу волжских болгар // *Российская археология, 2001, № 2.*

Семенов 1982 — *Семенов А. И.* Центральноеазиатские параллели погребальному обряду населения Хазарского каганата // *Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1982.*

Семенов 1988 — *Семенов А. И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Евро-

пы // Археологический сборник [Государственного Эрмитажа]. Вып. 29. Л., 1988.

Семенов 2005 — Семенов И. Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского анонима» о походах Хельгу, «царя Руси» // Хазары. Иерусалим — М., 2005.

Столяр 1998 — Столяр А. Д. Воспоминания об Учителе // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Вып. 6. Симферополь, 1997.

Сухобоков 1975 — Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). К., 1975

Сыма Цянь 2002 — Сыма Цянь. Исторические записки. Том VIII. Пер.: Р. В. Вяткин, А. М. Карапетьянц. М., 2002.

Тафоззоли 2008 — Тафоззоли А. Наука управления государством в сасанидском Иране // Иран-наме, 2008, № 2.

Титмар 2010 — Титмар Мерзебургский. Хроника. Пер.: А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники. М., 2010.

Тортика 2006 — Тортика А. А. Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.). Харьков, 2006.

Тортика, Михеев 2004 — Тортика А. А., Михеев В. К. «Иудео-хазарский» период истории Хазарского каганата: к продолжению критического анализа концепции Л. Н. Гумилева // Хазарский альманах. Том 2. Киев — Харьков — М., 2004.

Торчинов 2005 — Торчинов Е. А. Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005.

Федорчук 2006 — Федорчук А. Находки и загадки Авраама Фирковича // Восточная коллекция, 2006, № 2.

Феофан 1884 — Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер.: В. И. Оболенский, Ф. А. Терновский. М., 1884.

Феофан 1980 — Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

Флёров 1993 — Флёров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии. Волгоград, 1993.

Флёров 1995 — *Флёров В. С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // *Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии*. Вып. 4. Симферополь, 1995.

Флёров 2001 — *Флёров В. С.* «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // *Российская археология*, 2001, № 2.

Флёров, Флёрова 2005 — *Флёров В. С., Флёрова В. Е.* Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблемы идентификации археологических источников // *Хазары*. Иерусалим — М., 2005.

Флёрова 1997 — *Флёрова В. Е.* Граффити Хазарии. М., 1997.

Флёрова 1997а — *Флёрова В. Е.* Ненашенские письма // *Родина*, 1997, № 3–4.

Флёрова 2001 — *Флёрова В. Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим — М., 2001.

Фотий Г2 2000 — Патриарх *Фотий*. Гомилия вторая «На нашествие росов» / *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000. М., 2003.

Фотий ОП 2000 — Патриарх *Фотий*. Окружное послание / *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000. М., 2003.

Ханбабаев К. М. Христианство в Дагестане в IV–XVIII вв. Интернет-публикация: <http://www.ive1875.narod.ru/texts/Other/Hanbabaev.htm>.

Хасдай ибн Шапрут 1932 — Письмо еврейского сановника Хасдая Ибн-Шафрута к хазарскому царю Иосифу // *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Худяков 1986 — *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков 2007 — *Худяков Ю. С.* Золотая волчья голова на боевых знаменах: оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб., 2007.

Цукерман 1997 — *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Цукерман 2002 — *Цукерман К.* О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // *Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии*. Вып. 9. Симферополь, 2002.

Чичуров 1980 — *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

Чхаидзе 2008 — *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.

Шмидт 1958 — *Шмидт А. Э.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки института востоковедения. Том 16. 1958.

Эльдад Данит 1874 — *Гаркави А. Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874.

Эльдад Данит 2004 — Книга Эльдада Данита. Пер.: П. В. Марголин // Три еврейских путешественника. М., 2004.

Эрдаль 2005 — *Эрдаль М.* Хазарский язык // Хазары. Иерусалим — М., 2005.

Эрдели 1983 — *Эрдели И.* Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология, 1983, № 4.

Якубовский 1926 — *Якубовский А.* Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г.х. (943–944 гг.) // Византийский временник. Том 24. 1926.

Яценко 2001 — *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

Bunardžić 1985 — *Bunardžić R.* Čelarevo. Roma, 1985.

ЭЕЭ — Электронная еврейская энциклопедия, <http://www.eleven.co.il>.

Указатель имен

- Аарон, царь Хазарии 252
Абд аль-Малик 63
Абд ар-Рахман, полководец
65, 66
Абд-ар-Рахман III 155, 156
Авар (Аваз) 55, 160
Авийор — см. Агийор
Агафий Миринейский 24
Агийор (Авийор) 55, 160
Адриан, римский император 180
Аккага 74
Ал-Бекри 225
Ал-Джаррах 66, 67
Александр Македонский 33
Ал-Идриси 212
Ал-Истахри 59, 105, 173, 212,
221, 222, 224, 227
Ал-Куфи 76, 120–125
Алп-Илитуер (Алп-Илутвер)
68, 110
Ал-Хаким II 155
Ал-Харс 73, 74
Аль-Масуди 34, 55, 59,
171–173, 199, 205, 222, 223,
225, 242–244, 253, 255–257,
261
Амин, халиф 191
Аммиан Марцеллин 22, 23,
26
Анастасия, мать Юстиниана
II 90
Анахуань 30
Ангуш 209
Андрэ, византийский дипло-
мат 39
Ануширван — см. Хосрой I
Апсимар — см. Тиберий III
Ардарих 23
Арпад 186
Арчил 125
Аскольд 201, 204, 207
Асмуд 264, 265
Аспандиат 109, 110
Аспарух 49, 111
Атаач 209
Ат-Табари 34, 35, 65, 68
Аттила 23, 57
Афродита 67
Ахмед ибн Кувай (Куба, Куйа)
205, 206, 243
Ашина 28–30, 46, 47, 54, 58,
102, 107, 185, 238

- Балазури 56
Бар-Кохба 180
Басычу-сиши — см. Тукюе
Батбаян (Ваян) 49, 50,
81
Биз-л 55, 160
Бильге-каган 103, 116
Б-л-г-д (Б-лг-р) 55, 160
Блuchан 126
Боа (Боарикс) 25, 56, 74
Бука 209
Булан, царь Хазарии 160–164,
167, 168, 171, 189
Булгар 52
Бумын-каган 102
- Валарш 32, 33
Вардан-Филиппик 88, 89
Ваче II 53
Ваян — см. Батбаян
Вениамин, царь Хазарии
252
Вирхор 91
Витрувий 246
Владимир Святой 269, 272, 274,
276, 277
- Гарах 74
Гардизи 221, 225, 227, 230, 241,
243
Гарун-ар-Рашид 172
Гевонд 63, 72, 74, 125
Георгий Цуло 275
Геродот 56
- Давид, библ. 176, 181
Даниил, библ. 44
Джаррах 75
Джебу-хакан 38–41, 43, 44, 107,
108, 161
Джуаншер 125, 128
- Дир 201, 204, 207
Добрыня, дядя Владимира Свя-
того 274
- Евдокия, дочь Ираклия I 43,
46, 79
Егише 53
Езекия 184
- Жидовин 277
- Захария Митиленский (Ритор)
33
Зиевил 43
З-нур (Янур) 55, 160
Зоил 87
- Иаков, библ. 166
Иафет 55
Иби-Шегуй 46, 47, 58
Ибн ал-Асир 58, 62, 66, 73–76,
119, 120, 269, 271, 272
Ибн Мискавейх 257, 258, 262,
263
Ибн Руста (Ибн Даста) 173,
194, 200, 202, 241, 243, 252
Ибн Фадлан 195, 200, 203, 221,
222, 224, 244, 247–250
Ибн Хаукаль 70, 225, 226, 230,
231, 242, 270, 271
Ибн Хордадбех 231
Ибузир Гляван 84
Игорь Киевский 253, 260, 264
Иехуда Галеви 167–169, 171
Иехуда, сын Меира 231
Илларион, митр. 276
Илья Муромец 277
Иоанн Готский 144–148, 169
Иоанн Диакон 201
Иоанн, оруженосец Вардана-
Филиппика 90

- Иордан 23, 56
Иосиф, царь Хазарии 55, 154, 156, 157, 159, 160, 162, 164, 166–168, 171, 189, 226, 227, 231, 252, 259
Иосиф Хагрис 231
Иракий I 38–40, 42–44, 48, 49, 79, 88, 95, 96, 152
Иракий II 79
Ирина (Чичак) — см. Чичак
Ирина, жена Льва Хазара 146
Исаак, сын Элиэзера 159
Исраэл, епископ 67, 108–110
Истеми-каган (Синджибу) 35, 102
- Йазид ибн Усайд 124, 125
Йоллыг-Тегин 102
- Кедрин 275
Кий 205–207
Козарин Петрович 277
Констант II 95, 96
Константин IV 82, 83
Константин V 90, 91, 140
Константин VI 146
Константин VII Багрянородный 162, 186–189, 196, 205, 207, 208, 210, 216, 251, 253
Константин Философ (Кирилл) 148–150, 169, 170
Котраг 49
Кроват — см. Куврат
Куар 109
Куба — см. Ахмед ибн Куваи
Куврат (Кубрат, Кроват) 48, 49, 58, 79, 95, 96, 117, 136
Кудам аль-Басри 35, 51
Куйа — см. Ахмед ибн Куваи
Курия, вожь печенегов 267
Кюль-Тегин 94, 116
- Лев III Исавр 90, 140, 152
Лев IV Хазар 91, 146
Лев Диакон 265
Леведия, мадьярский воевода 186
Леонтий, византийский император 83–86
Лыбедь 205
Людовик Благочестивый 197–199
- Мавр Бесс 88, 89, 90
Маврикий, византийский император 38, 52
Манассия, библ. 154
Манассия, царь Хазарии 184
Марван II 77, 78, 119, 120–123
Маркиан 63
Марс 27
Мартин I 80, 81
Мартина, жена Иракия I 96
Маслама 63, 72–77, 119, 241
Масуди — см. аль-Масуди
Михаил III 91
Михаил Сирийский 52
Мовсес Каланкатуаци 37–45, 67, 68, 73, 104, 107–109
Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) 32, 33, 51
Моисей, библ. 153, 136, 164, 165, 171, 189, 205
Моходу 46
Мстислав Тмутараканский 276
Мухаммад, ширваншах 270, 271
- Надулу-ше 29
Никифор, летописец 42, 43, 48, 49, 82–87, 95
- Обадья 162, 164, 171, 184, 187–189

- Олег Вещий 204, 207, 254, 261, 263
Олег Древлянский 267
Олег Тмутараканский 276
Ольга, жена кн. Игоря 264–267
Орган 48
- Павел, патриарх 146
Парсбит 74
Песах 260–262, 274
Петрона Каматир 209–211, 215–219, 246
Приск Панийский 56
Прокопий Кесарийский 25
Путята 206
- Раб-Хашмонай 260
Роман I Лакапин 172, 259–261
Рюрик 201, 203, 204, 207, 263
Рюриковичи 276
- Савг 145
Савир 55, 160
Савриил 166–168
Саид 75
Свенельд 265
Святослав 214, 254, 255, 263–271, 273, 275
Симеон, библ. 154, 166
Синджибу — см. Истеми-каган
Синеус 204
Стефан Асмикт 87, 88
Стефан, сподвижник Юстиниана II 85
Стефан-перс 83
Суб-т (С-бу-т) 126
Сулейман, халиф 63
- Тангри-хан 109
Тарасий, патриарх 146
Тармач 74
- Тервель 85, 89
Тиверий III (Апсимар) 84–87
Тиверий, сын Юстиниана II 86, 87, 90
Тирас (Турис) 55, 160
Тит, римский император 180
Титмар Мерзебургский 205
Тогарма 55, 160
Тон-ябгу каган 42–44, 46, 79
Т-р-на 55, 160
Трувор 204
Тукюе 29
Тумынь 30
Турис — см. Тирас
- Угии (Угуз) 55, 160
Ума 209
- Фаддей, апостол 53
Феодора, жена Юстиниана II 84–87, 90
Феодот 83
Феофан Исповедник 25, 43, 48, 49, 51, 74, 81, 85, 141, 211, 216
Феофил, византийский император 141, 162, 197, 198, 209, 211, 217, 218
Филиппик — см. Вардан-Филиппик
Фотий 91, 200, 201
- Хазар 55, 160
Хазарик 52
Хазар-Тархан 121, 122
Ханукка 184, 185
Харон 13
Харун-ар-Рашид 126
Хасдай ибн Шапрут (Шафрут) 55, 154–159, 164, 231, 252

- Хатун 123–126
Хельгу 259–263, 274
Хорив 205, 207
Хосрой I Ануширван 34–38,
51
Хосрой II 40, 43
- Чичак (Ирина) 91, 140
- Шапур II 37
Шат 39, 44, 45, 107, 108, 161
Шушан 125, 126
- Шек 205, 207
- Элии 180
Эллак 23
Элчи 209
Эльдад Данит (га-Дани)
152–155, 166
- Юпитер 180
Юстиниан I 26
Юстиниан II 82–88
- Янур — см. З-нур
Ярополк Киевский 266, 267,
269
Ярослав Мудрый 277

Указатель географических и этнических названий

- абдел 33
абхазы 34
авары 33, 48, 49, 54, 55
Австрия 198
агафирсы 56
Азербайджан (Адербейджан)
35, 56, 62, 73–75, 123, 171,
231, 277
Азия 30, 279
— Малая 25, 140, 147, 233,
247
— Средняя 97, 214, 215, 229
— Центральная 10, 60, 99,
102, 115, 117
Азовское море, Приазовье 21,
27, 30, 31, 48, 49, 61, 92, 128,
129, 158, 217, 232, 234
акациры 56, 57, 60
Аксай, старица Дона 15, 16,
137, 278
аланы, Алания 5, 6, 11, 16,
22, 26, 27, 33, 34, 50, 52, 68,
75, 117, 118, 129, 130, 132,
133, 135, 136, 238, 241, 242,
251–253, 275
ал-Бабунадж 249
Албания Кавказская (Алуанк),
алуанкцы 34, 37, 41, 45, 53,
62, 73, 107, 108
ал-Бейд (ал-Байда) 65, 69, 120,
121, 129
Александрия 232
Алтай 28, 29
Алуанк, алуанкцы — см. Алба-
ния Кавказская
амазонки 8, 34
амазраты 34
Амастрида 147
Англия, англы 12, 203
анты 93
Арабский халифат, арабы 33,
55, 58, 59, 61–66, 70, 72–78,
82, 90, 101, 119–129, 151,
152, 155, 169, 231, 242, 246,
247, 249
Аракс 104
Аральское море 30, 194
Ардебиль (Ар-д-вил) 75,
171
Армения, армяне 25, 27, 32–34,

- 36, 37, 40, 41, 62, 66, 73–75, 158
- Арран 123, 124, 158
- Аррас, р. 73
- Археополь 26
- Арцах 42
- Ателькуза 186
- Атрпатакан 37
- ауангур 33
- аугар 33
- Африка 27
- Ахерон 13
- Багдад 35, 36, 165, 259
- баграсик 33
- Баланджар (Беленджер), г. 34, 64–69, 73, 76, 237, 255
- Баланджар, р. 64, 70
- баланджары 34, 35, 56
- Балканы, Балканский п-ов 24, 52, 271
- балкарцы 50
- банджар 34
- Барда 124, 125
- Бариш 225
- барсилы (басилы) 32, 37, 51, 52, 55–57
- Басычу-сиши 29
- Бахчисарай 148
- Белая Вежа — 268, 269, 272, 274, 275; см. также Саркел
- Белгородская обл. 178, 279
- Беленджер, г. — см. Баланджар
- Белоозеро (Белое озеро)
- Белоруссия 277
- Бельгия 198
- Бердаа 257, 258, 263
- Берзилия (Барсилия) 49, 51–53
- Битицкое городище 135, 241
- Ближний Восток 233
- Ближняя мельница, хут. 135
- Богоявленская, станица 135
- Болгария (Дунайская), болгары дунайские 24, 49, 52, 55, 85, 89, 111, 194, 196, 204, 265
- Болгары, Болгария Великая 5, 6, 16, 23, 33, 46, 48, 54–56, 58, 60, 61, 72, 79, 81, 82, 93, 95, 96, 129, 132, 133, 135–137, 142, 148, 232, 238, 270
- Большая Лаба 182, 234
- Боспор Киммерийский — см. Керченский пролив
- Боспор, г. 38, 81, 85, 87, 144, 219
- Боспор, регион 38, 58, 79, 81, 89, 180, 181
- Бретань 198
- Брюссель
- Булгария Волжская, болгары волжские, Булгар 50, 61, 158, 202, 229, 232, 247–249, 273, 275
- буртасы 270
- бушки 51
- Варачан (Варасан) 64, 67–69, 108, 110, 167
- В-д-шан 227
- Великая Китайская стена 21
- Венгрия (X-н-г-рин) 158
- венгры — см. мадьяры
- Верхний Салтов, Верхне-Салтовский комплекс 130–133
- весь 203, 207
- Византия, византийцы (Рум, римляне) 25–27, 38, 39, 49, 52, 55, 57, 63, 74, 78, 79, 80–84, 87, 90, 91, 94, 95, 97, 99, 126, 139–141, 144–146, 149–152, 156, 161, 163, 169,

- 172, 194, 206, 214, 218, 229,
231–233, 246, 252–254, 261,
262, 274, 275
- Вифиния 254
- Вознесенский комплекс 94
- Волга (Итиль) 5, 7, 30, 48,
51–53, 55, 61, 65, 69, 120,
121, 128, 133, 138, 185, 186,
194, 195, 200, 208, 217, 220,
225, 228, 233, 234, 237, 239,
255, 265, 273
- Волгоград, Волгоградская обл.
178, 232
- Волхов 203
- Воронеж, р. 275
- Воронежская обл. 97, 111
- ворота Чора 32, 33, 37, 72
- Восточно-Тюркский каганат
31, 43, 47, 94, 106
- Врата Тугае 52
- Второй тюркский каганат 94,
102
- Вышгород 265
- Вышестеблиевская-11 181
- вятичи 133, 207, 268
- Гао-чан 28
- г-б-лим'ы 158
- Геих 195
- гепиды 23
- Германия 198
- германцы 23
- Гермонасса 81
- Главсулак 71
- Голландия 198
- Готия (крымская) 144–148, 219
- готы 143, 203
- греки (древние) 22
- Греция 83, 126
- Грузия 62, 125
- гузы (узы, огузы) 5, 55, 115,
185, 195, 238, 244, 249–251,
269, 272, 273
- гунно-болгары, Гуннское цар-
ство, Страна гуннов 24, 49,
55, 58, 59, 63, 68, 69, 72,
102
- гунно-савиры — см. савиры
- гунны 22–27, 54–58, 93, 129,
140, 143
- Дагестан 24, 33, 34, 51, 53,
58–61, 70, 71, 152, 167,
182, 183, 237, 244, 275,
277, 278
- Дакия 52
- Дейлем 241
- Дербент 32–36, 41, 51–53, 61,
63–65, 70–77, 90, 119, 125,
234, 270
- Джурджан 231, 270
- дирмар 33
- Дистра 196, 210
- Дмитриевский комплекс 112,
178, 255
- Днепр, Поднепровье 5, 49,
80, 94, 95, 118, 134, 186, 187,
207, 208, 217, 233
- Днестр 49, 92
- Дон (Танаис) 15, 16, 19, 20,
23, 31, 48, 49, 52, 59, 61, 92,
97, 99, 112, 116, 121, 129,
136–140, 159, 177, 180, 189,
191, 192, 208, 211, 216, 217,
220, 232–234, 246, 255, 272,
274, 275
- Дори — см. Готия (крымская)
- Дорос — см. Мангуп
- древляне, Деревская земля 134,
207, 208, 264, 265
- дреговичи 208
- дулу 46

- Дунай 49, 52, 61, 85, 92, 133,
160, 186, 187, 196, 210, 253,
256, 266, 267, 269
- Евразия 27, 53, 54
- евреи 7, 55, 116, 146, 152–155,
157–159, 165–168, 170, 172,
175–177, 180–183, 206, 229,
231, 235, 252, 261, 272, 276,
278
- Европа 21, 23, 158, 198, 262,
272–274, 279
- Восточная 8, 30, 38, 46,
56, 122, 185, 247, 273, 277
- Западная 183
- Центральная 23
- Юго-Восточная 24, 26,
53, 58, 176, 194, 196, 197
- ерос 34
- эфталит — см. эфталиты
- Желтое море 30
- Жужань, жужани 28–30
- Закавказье 90, 122, 125, 126,
129, 161, 169, 229, 232
- Западная Вэй 30
- Западно-Тюркский каганат 31,
34, 43, 45–48, 54, 59, 61, 79,
102, 104, 106
- Зерендж 191
- Золотая Орда 11, 19
- Золотые Горки 8, 15, 16, 18, 19,
137–139
- Иверия Кавказская, иверы 37,
45, 146
- Иерусалим 154, 158
- Изборск 204
- Илурат 144
- Ингельгейм 197
- Индия 31, 133, 235
- Ираклия (Гераклея) 254
- Иран, Персия, персы 25, 26,
31, 34, 35, 37–40, 43, 44, 51,
61–63, 109, 152, 182, 191,
233, 244, 249, 261, 277
- Испания 156, 158, 159, 198, 259
- Италия 198
- Итиль, г. 7, 46, 54, 65, 123, 128,
158, 160, 186, 212, 217, 220,
225–229, 231, 232, 237, 249,
255, 256, 268, 270, 272, 273,
276
- Итиль, р. — см. Волга
- Иудея 180
- кавары 187–189, 194
- Кавказ 27, 30, 32, 35, 37, 48, 52,
111, 116, 122, 130, 133, 138,
182, 234, 235, 239, 241, 252
- казаки 10, 16
- Казахстан 57, 214
- Калитва, р. 20
- Калмыкия 97
- Канада 12
- караимы 278
- Карачаевск 71
- Карнауховское городище 138,
213
- Картли 125, 126
- Карфаген 88
- Карх 194
- Каспийские ворота — см. Дер-
бент
- Каспийское море, Прикаспий
5, 8, 21, 27, 32, 35, 48, 51–53,
57, 58, 61, 69, 89, 102, 107,
208, 217, 225, 232–234, 244,
255–258, 261, 263, 272
- Кахети 125, 126
- Кахтан 272

- Кепы 81
 Керчь 81, 144, 180, 219, 233; см. также Боспор, г.
 Керченский п-ов 38, 82, 140, 143
 Керченский пролив 17, 27, 81, 233, 262, 274
 Киев 116, 201, 204–208, 233, 254, 264–269, 271, 274, 277
 Кисловодская котловина 129
 Китай 21, 22, 24, 31, 35, 46, 105, 106, 133, 233–235
 Кокасу 72
 Коктебель 148
 Константинополь (Царьград) 79, 80, 83, 84, 86–91, 137, 141, 146, 148, 155–157, 197, 200, 201, 206–208, 211, 218, 219, 220, 231, 252–254, 261–263, 266, 267, 271
 Кордова 155, 158
 ко-са 56
 Красногорский могильник 239
 кривичи 203, 207, 208, 253
 Крит 247
 Крым 6, 38, 58, 60, 61, 79–82, 89, 90, 97, 111, 122, 128, 133, 137–148, 152, 180–182, 218–220, 233, 234, 244, 246, 275, 276, 278
 Кубань, Прикубань 24, 46, 48, 92, 117, 129, 234, 252
 кулас 33
 Кура 104, 257, 258
 кутригуры (куртартаг) 23, 33
 Кыз-Кермен 144
 Ладога 203, 204
 Леведия 186
 Левобережное Цимлянское городище — см. Саркел
 Любеч 254
 мадьяры (венгры) 54, 186–189, 193–196, 217, 218, 238, 255
 Мангуп (Дорос) 144, 145, 147, 218, 255
 Маныч 20
 Мариуполь 178
 Махачкала 69, 72
 Маяцкая крепость 111, 116–118, 133, 209, 239, 255, 276
 Мезия 52
 Меотийское море — см. Азовское море
 меоты 8
 мера 207
 Месопотамия 154, 158
 Мидия 27, 74
 Монголия, монголы 21, 28, 29, 57, 94, 116
 Москва 213
 Мосул 75
 Мошевая балка 182, 234, 235
 Недао 23
 Некрасовское городище 71
 Нетайловские городище и могильник 130, 132
 Нижнедонские Частые Курганы 11, 12, 15
 Никомидия 254
 Нил, р. 125
 Н-м-ц 159
 Новонадеждинское городище 244
 Новочеркасск 116

- норманны (скандинавы) 198, 199, 201, 203, 204
нушиби 46, 58
- огузы — см. гузы
Ока 268
оногуры 55
- Паннония 23, 187–189, 194
Партав 37, 41
Патрей 81
Пафлагония 217, 254
Пачинакия — см. печенеги
Пелекитский монастырь 141
Переволочный Ерик 177
Переяславец на Дунае 266, 267, 269
Переяславль 254
Персия — см. Иран
Петра, крепость 25
печенеги, Пачинакия 6, 54, 115, 185, 186, 187, 189, 194–196, 204, 210, 217, 238, 244, 250, 253, 254, 266, 267
Пиренейский п-ов 155
Плиска 111
Пловдив — см. Филиппополь
Поволжье — см. Волга
Поднепровье — см. Днепр
Подунавье — см. Дунай
Половцы 15, 279
Полоцк 254
Полтава 95
Польша 27
поляне 133, 134, 204–208, 253
Понт, Понтийское море — см. Черное море
Правобережное Цимлянское городище 20, 117, 189–192, 212, 213
- Предкавказье 21, 25, 52, 56, 129, 133, 251
Приазовье — см. Азовское море
Прибалтика 182, 233
Прикаспий — см. Каспийское море
Прикубанье — см. Кубань
Приуралье — см. Урал
Причерноморье 11, 21, 24, 56, 60, 61, 92, 97, 144, 180, 185–187, 189
пугары 52
Пьхин-лян 29
- радимичи 133, 207
Римская империя, римляне 22, 23, 158; см. также Византия
Россия 7, 9, 10, 12, 60, 279
Ростов Великий 254
Ростовская обл. 11, 12
Рум — см. Византия
Румыния 52
Русы (русссы, росы) 10, 11, 70, 174, 196–204, 207, 208, 217, 218, 231, 232, 246, 253–259, 261–263, 273
Русь, государство 158, 202, 203, 225, 229, 232, 233, 241, 244, 253–255, 259, 261, 263, 269, 271–276, 278
- савиры (сабиры) 5, 24, 25, 26, 55, 56, 58, 60, 102
сакалиба 120, 122
Самандар — см. Семендер
Самкерц — см. Таматарха
Самосделка 7, 186, 228, 229; см. также Итиль, г.
Самоядь 134
Саратов 120
Саркел 114, 115, 117, 162,

- 179, 186, 190, 193, 195, 196,
209–218, 232, 234, 239, 244,
246, 268, 269, 274, 276
- Саркел-3 192
- Сарматия, сарматы 26, 49, 51,
53, 68
- свеоны — см. шведы
- Северский Донец 11, 113, 121,
129, 130, 133, 136, 239
- северяне 133, 207, 208, 279
- Семендер (Самандар) 69, 70,
73, 121, 173, 270, 272
- Семикаракорская крепость 179,
192, 193, 216
- Сербия 187
- Сибирь 30
- Сигитминское городище 71
- Сийах-Куих 270
- сирийцы 37
- сирургур 33
- Сицилия 247
- Скандинавия 199, 262
- скандинавы — см. норманны
- Скифия, скифы 52, 56
- славяне 7, 24, 27, 48, 49, 93,
120, 133–135, 174, 194, 198,
199, 201–204, 206–208, 231,
241, 244, 248, 253, 254, 272,
274, 279
- Славянская река — в разное
время Волга и Дон.
- словены ильменские 203
- Средиземноморье, Средизем-
ное море 158, 233, 235
- Стамбул — см. Константино-
поль
- Сугдея (Судак) 111, 144, 148,
181, 218, 255
- Суд 254
- Сулак, р. 64, 71
- США 12
- Сюйренская крепость 144, 255
- сюнну — см. хунну
- Табаристан 231
- тавры 8
- Таманский п-ов, Тамань
138–144, 152, 180–182, 233,
234, 272, 274
- Таматарха (Тмутаракань; воз-
можно, Самкерц) 140, 142,
233, 260, 269, 274, 276
- Танаис, г. 177, 180
- Танаис, р. — см. Дон
- Таргу 72
- Тарки, пос. 69, 70
- татаро-монголы 279
- Тау-Кипчак 82, 143
- Тбилиси 42–45, 79, 107, 126
- телесцы 30, 57
- Тенг-кала 71, 245
- Терек 24, 53, 71
- тиверцы 207, 253
- Тихая Сосна, р. 209
- Тмутаракань — см. Таматарха
- Туркестан Восточный 29
- тюрки (турки, тюркюты,
ту-кю), Тюркский каганат
10, 27–31, 34, 35, 38–40, 47,
49, 54, 55–60, 75, 81, 93–96,
99, 102, 103, 105, 106, 115,
117, 140, 144, 173, 181, 182,
185, 238–241, 244, 269, 272
- Тянь-Шань 31
- угры, финно-угры 24, 55, 241
- узы — см. гузы
- уйгуры 47, 60
- Украина 92, 93, 277
- уличи 207
- Уллубий-аул 71
- уногундуры 48

- Урал, горы 30
Урал, р. 22, 194
Урцекское городище 71
утригуры 23
- Фанагория 81, 84, 142, 152
Филиппополь (Пловдив)
265
финно-угры — см. угры
Фракия, фракийцы 24, 83
Франция, Франкская империя
12, 197
Фуллы 148, 149
- Хазар (поселение) 56
Хазаран 270
Хазария, Хазарский каганат,
хазары — книга в целом.
Хазарское море — в разное вре-
мя название Черного и Кас-
пийского морей.
Хазар-кала 278
Хазар-майдан 278
Хазарюрт 278
Харьковская обл. 130
Херсон (современный) 17
Херсон (Херсонес, Корсунь,
Шуршун) 17, 80, 83–85,
87–90, 211, 214, 217–219,
260, 276
Х-н-г-рин — см. Венгрия
Хорасан, хорасанцы 37, 155,
165
Хорезм (Хуварезм), хорезмий-
цы 37, 205, 229, 235, 244, 269,
271–273
Хоривица 205
Хтелг 225
Хуварезм — см. Хорезм
- Хумаринская крепость 71, 111,
116–118, 276
хунну 21, 24, 28, 60, 102, 105,
107
- Царевский могильник 178
Царьград — см. Константино-
поль
Цимла, р. 278
Цимлянское водохранилище
20, 189, 210, 216
- Челарево 187–189
Чернигов 254
Черное море 5, 23, 49, 56, 129,
158, 217, 232–234, 255
Чир-Юрт 64, 68, 70, 237–240
Чола 37
чудь 203, 207
Чуфут-Кале 144
- Шабатион 153
шведы (свеоны) 198, 203
Швейцария 198
Шелковское городище 71, 244,
255
Шиловский курган 237, 238,
241, 242
Ширван 125, 270
Шэньси 29
- Шековица 205
- Элия Капитолина 180
эфталиты (ефталит) 33
- Югра 134
- ясы — см. аланы

Содержание

Предисловие	5
О загадочности хазар	5
Об авторах этой книги и о самой книге	8
О наших «хазарских» раскопках	11
Глава 1. Предыстория	21
Держава гуннов и ее наследники	21
Тюрки рода Ашина	28
Глава 2. На заре хазарской истории	33
Первые сведения о хазарах	33
Войны в Закавказье	38
Распад Западно-Тюркского и возникновение Хазарского каганата	46
Хазары и болгары	48
Глава 3. Кто такие хазары	51
Глава 4. Города и крепости Дагестана. Войны с арабами	61
Дербент	62
Баланджар (Варачан)	64
Семендер	69
Другие крепости	70
Хазаро-арабские войны	72
Глава 5. Отношения с Византией	79
Появление хазар в Крыму	79
Юстиниан II — зять хазарского кагана	82
Император Лев Хазар	90

Глава 6. Экспансия в Причерноморские степи и лесостепь	.92
От Кубани до Днестра	.92
«Курганы с ровиками»	.97
Глава 7. Государство, религия и обычаи	101
Каган	101
Подданные кагана.	105
Глазами археологов	111
Письменность и символика	115
Глава 8. Поражение от арабов. Принятие каганом ислама	119
Победа ислама	119
Хазарская невеста Хатун	123
Глава 9. Салтово-маяцкая культура.	128
Верхний Салтов	129
Славянская дань.	134
Степь	136
Тамань.	140
Глава 10. Крым. Восстание Иоанна Готского	143
Салтовцы в Крыму	143
Готия и Иоанн Готский.	144
Константин Философ	148
Глава 11. Иудаизация Хазарии	151
Эльлад га-Дани, авантюрист	152
Письмо Хасдая ибн Шапрута	154
Письмо царя Иосифа.	159
«Кембриджский документ»	164
Иехуда Галеви	166
Когда хазары стали иудеями?	168
Свобода совести.	172
Глава 12. Иудаизм и археология.	175
Глава 13. События IX века	184
Гражданская война. Мадьяры.	184

Археологические свидетельства гражданской войны	187
Печенеги	194
Глава 14. Русы	197
Появление русов	197
Русы и славяне	203
Киев и киевские князья	204
Хазарский ответ	208
Глава 15. Саркел	210
Левобережное Цимлянское городище	210
Споры о Саркеле	215
Глава 16. Каган и его столица	220
Каган и царь	220
Город Итиль	225
Раскопки городища Самосделка	228
Глава 17. Торговля	230
Глава 18. Военное дело	237
Глава 19. Хазария и ее соседи в X веке	247
Волжская Булгария и мир ислама	247
Гузы	250
Аланы	251
Русы	253
Поход Хельгу	259
Глава 20. Крах каганата	264
Святослав	264
Гибель Хазарии	268
Эпилог	273
<i>Примечания . . . . .</i>	<i>280</i>
<i>Библиография . . . . .</i>	<i>300</i>
<i>Указатель имен . . . . .</i>	<i>316</i>
<i>Указатель географических и этнических названий . . . . .</i>	<i>321</i>

- Ивик О., Ключников В.**
И25 Хазары / Олег Ивик, Владимир Ключников. — М. : Ломоносовъ, — 2013. — 336 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-148-9

Хазары — один из самых загадочных народов раннего Средневековья. Среди ученых идут споры даже о том, кого называть этим словом. Хазары не оставили черепков, которые позволили бы их идентифицировать, а погребения, которые с уверенностью можно считать хазарскими, относятся лишь к раннему периоду существования их государства. Есть мнение, что в многонациональном Хазарском каганате в течение последних полутора веков его короткой истории почти не было этнических хазар. Те же немногие, что там все-таки жили, возможно, исповедовали иудаизм, хотя и были, вероятно, не евреями, а тюрками...

В этой книге, написанной на основе средневековых источников, современных исторических трудов и собственного археологического опыта, писатель Олег Ивик и археолог Владимир Ключников собрали практически все, что известно о хазарах.

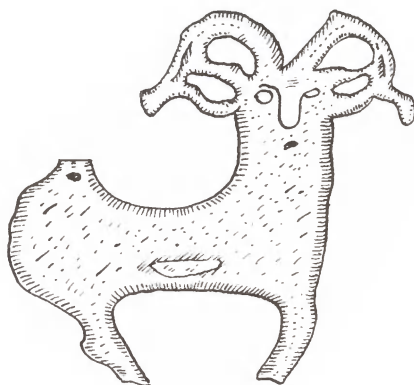
УДК 94(4)“500/1100”
ББК 63.3(0)4

История. География. Этнография

Олег Ивик

Владимир Ключников

Хазары

Редактор В. Кукушкин

Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 26.10.2012.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 21.

Тираж 1500 экз. Заказ № 1053 .

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

Лев Минц. **Котелок дядюшки Ляо**

Виталий Бабенко. **ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ**

Ольга Семенова-Тян-Шанская. **ЖИЗНЬ «ИВАНА»**

Владислав Петров. **ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ**

Свен Хедин. **В СЕРДЦЕ АЗИИ**

Геннадий Коваленко. **РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА**

Лев Минц. **ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО**

Бенгт Янгфельдт. **ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ**

Олег Ивик. **ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ**

Анна Мурадова. **КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ**

Даниэль Клугер. **ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО**

Валерий Гуляев. **ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ**

Светлана Плетнева. **ПОЛОВЦЫ**

Ким Малаховский. **ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям ДАМПИР**

Алексис Трубецкой. **КРЫМСКАЯ ВОЙНА**

Валерий Гуляев. **ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Олег Ивик. **ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ**

Виолен Вануайек. **ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА**

Яков Свет. **ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ**

Лев Минц. **БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР и плиссировка юбок**

Аксель Одельберг. **НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА**

Гомбожаб Цыбикив. **БУДДИСТ-ПАЛОМНИК у святынь ТИБЕТА**

Никита Кривцов. **СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ**

Олег Ивик. **ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ и ПРЕДПИСАНИЙ**

Виктор Бердинских. **РЕЧИ НЕМЫХ**

Светлана Федорова. **РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ**

Стаффан Скотт. **ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...**

Геннадий Левицкий. **САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА**

Георгий Вернадский. **МОНГОЛЫ И РУСЬ**

Наталья Пушкарева. **ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА**

Виталий Белявский. **ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ
И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ**

Олег Ивик. **ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ**

Лев Карсавин. **МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Владислав Петров. **ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ**

Олег Ивик. **ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА**

Стефан Цвейг. **ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА**

Вашингтон Ирвинг. **ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА**

Владимир Новиков. **РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Наталья Пушкарева. **ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
XVIII ВЕКА**

Сергей Ольденбург. **КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ**

Фаина Османова, Дмитрий Стахов. **ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ**

Генрих Бёмер. **ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ**

Алексей Смирнов. **СКИФЫ**

Андрей Снесарев. **НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ**

Генри Чарлз Ли. **ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО
ИНКВИЗИЦИИ**

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Олег Ивик
Владимир
Ключников
Хазары

Хазарский каганат был первым государством на территории современной России и, пожалуй, самым загадочным. Не известно даже, откуда пришли хазары и куда они исчезли. Но пока Хазария существовала, она играла важную роль в мировой политике и мерилась силами с Византией. Вопреки распространенному мнению, киевским князьям не за что было «отмщать неразумным хазарам» — в течение примерно трех столетий хазары и славяне жили сравнительно по-добрососедски. Но во второй половине X века русский князь Святослав сокрушил Хазарию. Впрочем, он не воспользовался своей победой, и на разоренные земли ринулись половцы.

В этой книге, написанной на основе средневековых источников, современных исторических трудов и собственного археологического опыта, писатель Олег Ивик и археолог Владимир Ключников собрали практически все, что известно о хазарах.

ISBN 978-5-91678-148-9

9 785916 781489